Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Ярославский государственный технический университет»

С.В. Шкиотов, С.Н. Растворцева

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЭКОНОМИКИ НА МАКРО- И МЕЗОУРОВНЕ: ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ

Монография

Ярославль 2016

УДК 330
ББК 65.051
Ш66

Конкурентоспособность экономики на макро- и мезоуровне: прикладной аспект исследований. Монография / С.В. Шкиотов, С.Н. Растворцева. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2016. – 173с.

Рассмотрены вопросы эволюции теории национальной конкурентоспособности. С помощью эконометрического инструментария верифицируется теория М. Портера на примере ряда стран в долгосрочном временном интервале, а также оценивается влияние функционирования таможенного союза на конкурентоспособность российской экономики. Проанализированы различные аспекты конкурентоспособности российских регионов в условиях глобализации.

Монография предназначена для широкого круга читателей, интересующихся проблемами конкурентоспособности.

Исследование поддержано грантом Президента. Проект №МД-5717.2016.6.

УДК 330
ББК 65.051

Рецензенты: Родина Г.А., д.э.н., профессор, директор Ярославского филиала ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»; кафедра экономической теории ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» (заведующий кафедрой – д.э.н., профессор Николаева Е.Е.).

ISBN 978-5-9914-0586-7

© Ярославский государственный технический университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……. 4

ГЛАВА 1. НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ: ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ…… 6

1.1 Эволюция теории национальной конкурентоспособности: от А. Смита до Д.-С. Чо……. 6

1.2 Корреляционный анализ как инструмент верификации теории национальной конкурентоспособности…..…….. 38

1.3 Корреляционный анализ как инструмент оценки влияния функционирования таможенного союза на конкурентоспособность российской экономики……. 66

ГЛАВА 2. РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ: ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ……. 81

2.1 Агломерационная экономика, территориальная концентрация и специализация регионов……... 81

2.2 Факторы концентрации экономической активности в российских регионах…… 102

2.3 Зависимость экономического роста от предшествующей траектории развития (path dependence)…….. 123

2.4 Внешнеэкономический фактор региональной конкурентоспособности…….. 134

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…….. 156

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ……. 163

ВВЕДЕНИЕ

Конкурентоспособность в условиях глобализации – одна из центральных тем современных экономических исследований. Более того, дискуссия вокруг проблем конкурентоспособности за последние три десятилетия существенно изменилась: произошел скачок от «чистой» академической науки к policy making, практике принятия реальных политических и экономических решений. Те или иные позиции в многочисленных рейтингах конкурентоспособности, являются сейчас целевыми ориентирами, которые используются при разработке стратегий социально-экономического развития как на национальном, так и региональном уровне.

Проблема заключается в том, что в отечественной экономической литературе наблюдается явный дефицит прикладных исследований, затрагивающих тематику конкурентоспособности. Что, впрочем, не удивительно, – теоретические работы российских экономистов в лучшем случае критикуют взгляды М. Портера, полностью игнорируя дальнейшее развитие теории национальной конкурентоспособности (работы Ругмана, Чо, Кругмана, Муна), давно уже перешагнувшей пресловутый «ромб конкурентоспособности». Прикладные исследования сосредоточены либо на макроуровне проблематики, либо на микро-, при полном игнорировании вызовов региональных диспропорций, складывающихся сейчас в современной российской экономике.

Авторы данной монографии попытались ответить на два ключевых вопроса:

- почему теория национальной конкурентоспособности М. Портера выступает ядром современных экономических исследований в области конкурентоспособности на макроуровне?

- каким образом можно использовать на практике эконометрический инструментарий при решении конкретных задач, связанных с проблематикой конкурентоспособности?

Структурно монография состоит их двух глав, каждая из которых по-своему раскрывает прикладные аспекты исследований проблем конкурентоспособности.

Первая глава монографии посвящена эволюции теории национальной конкурентоспособности, большое внимание в ней уделяется постпортеровскому этапу развития. С помощью эконометрического инструментария верифицируется теория М. Портера на примере ряда стран в долгосрочном временном интервале, а также оценивается влияние функционирования таможенного союза на конкурентоспособность российской экономики.

Вторая глава монографии содержит ряд самостоятельных исследований, объединённых общей тематикой конкурентоспособности российских регионов в условиях глобализации.

Таким образом, содержательно, монография предлагает два подхода к исследованию вопросов конкурентоспособности: мезоуровень анализа связан с региональными аспектами конкурентоспособности, а макроуровень – с проблематикой национальной конкурентоспособности в целом.

Надеемся, что представленные в монографии новые данные, результаты исследований и теоретические подходы послужат отправной точкой для дальнейших исследований в области региональной и национальной экономики.

Исследование поддержано грантом Президента. Проект № МД-5717.2016.6

ГЛАВА 1. НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ: ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1 Эволюция теории национальной конкурентоспособности: от А. Смита до Д.-С. Чо

Теория национальной конкурентоспособности к настоящему моменту фактически сформировалась. Ее ядром выступает концепция М. Портера, а вся история эволюции этой теории довольно условно делится на два больших периода: от А. Смита до М. Портера (классический этап) и постпортеровская эпоха.

«Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) А. Смита стала настоящей революцией в экономической науке. Речь идет не столько о становлении идентичности нового класса общества – предпринимателей, погоня которых за прибылью была в этой книге оправдана, сколько о новой модели национального процветания, основанного на производстве. Некоторые экономисты, впрочем, упрекали автора в том, что ничего нового Смит о международной торговле не сказал, выступив в роли великого плагиатора, однако не будем забывать и о том, что два положения, раскрытые им в книге – специализация труда и фритредерство, до сих пор, спустя более чем 200 лет, остаются отправной точкой для исследований в этой области. Именно поэтому А. Смит считается отцом-основателем экономической науки и теории международной торговли, в частности.

Проблема заключается в том, что современная глобальная экономика слишком сложна и классические теории торговли, ведущие свое начало от А. Смита, в этих новых условиях, утратили свои объяснительные возможности.

Новая революция в экономической науке (в интересующей нас области) произошла в 1990 году и связана с именем М. Портера и его теорией национальной конкурентоспособности.

Возникает вопрос – почему именно теория М. Портера выступает новой точкой бифуркации? Дело в том, что до портеровской эпохи, теория национальной конкурентоспособности развивалась исключительно в теоретическом ключе (в русле теорий международной торговли), а после – происходит резкий разворот к практике и policy making (с преобладанием менеджериального подхода).

Прежде чем анализировать теорию М. Портера и те изменения, которая она инициировала в экономической науке и практике, следует остановиться несколько подробнее на первом этапе развития теории национальной конкурентоспособности – теориях международной торговли. Это позволит не только более четко представлять причину тех споров, которые сейчас разворачиваются вокруг теории национальной конкурентоспособности в академической среде, но и проследить эволюцию взглядов на источники национальной конкурентоспособности.

Теория национальной конкурентоспособности: от А. Смита до М. Портера

Как уже отмечалось нами ранее, к настоящему моменту в научной литературе сложилась своеобразная традиция противопоставления двух концепций национальной конкурентоспособности: теории сравнительных преимуществ Д. Рикардо и теории конкурентных преимуществ М. Портера[1]. «Сравнительные преимущества даны стране от природы, они статичны и не воспроизводимы. Конкурентные преимущества динамичны, связаны с инновациями, развитием человеческого капитала, интеллекта и по самой своей природе безграничны»[2]. В целом, не отрицая определенную логику противопоставления

[1] Конкурентоспособность российской экономики: мезо- и макроуровень проблематики. Монография / С.В. Шкиотов, С.Н. Растворцева, А.С. Ченцова. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2015. – 245 с.

[2] См. более подробно: Конкурентоспособность России в глобальной экономике. М.: Международные отношения, 2003. - 376 с.

рикардианской и портеровской модели конкурентоспособности национальной экономики, вместе с тем необходимо отметить, что значительная часть этих рассуждений не совсем корректна. Можно выделить как минимум два фактора объединяющих теорию сравнительных преимуществ и конкурентных преимуществ. Во-первых, обе теории не объясняют почему страны конкурируют между собой, что выступает объектом их конкурентной борьбы, поскольку ключевое место в этих теориях занимает сам механизм конкуренции, иначе говоря, авторы исследуют вопрос, что позволяет странам выигрывать в международном соперничестве? Во-вторых, и Д. Рикардо и М. Портер приходят к одинаковому выводу о ведущей роли производительности труда в достижении конкурентоспособности национальной экономики. Вместе с тем, теории сравнительных преимуществ и конкурентных преимуществ имеют безусловно и существенные отличия (см. табл.1.1.1).

Таблица 1.1.1 – Основные характеристики теории сравнительных преимуществ и конкурентных преимуществ

	Теория сравнительных преимуществ	Теория конкурентных преимуществ
Факторы производства	классические (труд, земля, капитал)	специфические (наука, технология, образования, инновации)
Национальное богатство	наследуется	создается
Субъекты созидающие преимущества	государство (макроуровень)	предприятия, отрасль (микро- и мезоуровень)

Роль правительства	отсутствует	косвенная

Как справедливо отмечают М. Обстфельд и П. Кругман[3], значительное число ученых, неверно трактуя теорию сравнительных преимуществ, часто подменяют ее теорией абсолютных преимуществ. Именно поэтому анализ теорий конкурентоспособности национальной экономики начнем с обращения к концепции абсолютных преимуществ, выступающей фундаментом, на базе которого возникли остальные подходы, объясняющие международное разделение труда и межстрановую конкуренцию.

Создатель теории абсолютных преимуществ Адам Смит в своем знаменитом произведении «Исследование о природе и причинах богатства народов» приходит к следующему выводу: «если какая-либо чужая страна может снабжать нас каким-нибудь товаром по более дешевой цене, чем мы сами в состоянии изготовлять его, гораздо лучше покупать его у нее на некоторую часть продукта нашего собственного промышленного труда, прилагаемого в той области, в которой мы обладаем некоторым преимуществом»[4].

Свободная международная торговля позволяет стране, по мнению А. Смита, сосредоточить свои усилия на производстве тех продуктов, которые она может создавать с наименьшими затратами труда. Складывающееся в результате этого разделение труда приводит к росту товарообмена и международной торговли, что приносит выгоды тем ее участникам, кто обладает абсолютными преимуществами в производстве того или иного товара. При этом отказ от производства тех товаров, по которым страна не располагает абсолютными преимуществами, в пользу концентрации усилий на выпуске продукции, обладающей

[3] Кругман П., Обстфельд М. Международная экономика. Теория и практика. М., 2003. С.43.

[4] Цит. по: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С.333.

такими преимуществами, приводит к росту общих объемов производства в международном масштабе[5].

Однако теория А. Смита, никак не объясняет торговлю в случае, когда одна из стран имеет абсолютное преимущество в производстве обоих видов товаров. Действительно, если бы теория абсолютных преимуществ была верна, то российская экономика, в силу низкой производительности труда в большинстве отраслей экономики, попросту не смогла бы участвовать в международном производстве и обмене, что, как известно, вступает в противоречие с практикой современных экономических отношений.

Таким образом, теория абсолютных преимуществ, с одной стороны, демонстрирует взаимовыгодность международной торговли, а с другой – исключает из нее страны, не обладающие абсолютными преимуществами в производстве того или иного товара, никак не объясняя при этом, в силу каких причин складываются абсолютные преимущества у разных стран[6].

Отмеченный выше недостаток теории абсолютных преимуществ разрешила появившаяся спустя 41 год после публикации А. Смита работа Давида Рикардо «Принципы политической экономии и налогового обложения» (1817 г.), в которой он, опираясь на теоретические предпосылки, выдвинутые предшественником, доказывает, что в международной торговле выгодно участвовать абсолютно всем странам. Эта модель, основанная на допущении, что международная торговля возникла только вследствие наличия в разных странах неодинаковой производительности труда, и получила в экономической литературе название теории сравнительных преимуществ.

---

[5] Конкурентоспособность российской экономики: мезо- и макроуровень проблематики. Монография / С.В. Шкиотов, С.Н. Растворцева, А.С. Ченцова. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2015. – 245 с.

[6] Конкурентоспособность российской экономики: мезо- и макроуровень проблематики. Монография / С.В. Шкиотов, С.Н. Растворцева, А.С. Ченцова. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2015. – 245 с.

В первом приближении теория Д. Рикардо утверждала, что международная торговля обеспечивает рост мирового производства благодаря тому, что позволяет каждой стране специализироваться на производстве того товара, по которому у нее есть сравнительное преимущество. При этом страна обладает сравнительным преимуществом по конкретному товару, если альтернативные издержки его производства, выраженные через иные товары, окажутся в этой стране ниже, чем в других странах. В основе этой теории также находится предположение, которое, впрочем, никак не поясняется (рассматривается как данность) о неодинаковой производительности труда в разных странах. Экономики с разными значениями относительной производительности труда в различных отраслях будут специализироваться на выпуске разных товаров. При этом можно говорить о торговле как о своего рода косвенном способе производства: можно производить товар самостоятельно, но торговля с другой, зарубежной экономикой позволяет оптимизировать процесс производства, концентрируясь на производстве того товара, трудозатраты на который ниже, и обменивая его на тот товар, трудозатраты на производство которого в иностранной экономике ниже[7].

Дальнейший анализ теории сравнительных преимуществ показывает, что увеличение в исходной модели количества производимых товаров не меняет ее объяснительных свойств[8]. Более того, несмотря на то что оригинальная теория не учитывала цены торгуемых товаров (предпосылка неденежного обмена), ставки заработной платы рабочих (модель исходит из их равенства), затраты на транспортировку товаров (нулевые транспортные расходы), включение данных факторов в анализ этой модели, как указывают П. Кругман и М. Обстфельд, в целом не меняет ее способности объяснять международную торговлю[9].

---

[7] Конкурентоспособность российской экономики: мезо- и макроуровень проблематики. Монография / С.В. Шкиотов, С.Н. Растворцева, А.С. Ченцова. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2015. – 245 с.

[8] См. более подробно: Кругман П., Обстфельд М. Международная экономика. Теория и практика. М., 2003. С.47–51.

[9] См. более подробно: там же.

Забегая несколько вперед, необходимо отметить, – эмпирические доказательства в поддержку модели Д. Рикардо, полученные во второй половине XX века, оказались менее отчетливыми, поскольку изменился сам характер общественного воспроизводства под влиянием глобализации. Например, преобладающим сейчас направлением международной торговли, стала торговля между развитыми странами, где различия в издержках производства продукции не столь велики (производительность труда примерно одинакова), более того, кардинально изменилась и сама структура торговли – произошел переход от торговли однородной продукцией к дифференцированной, от моно- к транснациональному производству, от готовой продукции к ее компонентам.

Следующим эволюционным этапом развития взглядов на международную торговлю стала теория двух шведских экономистов Эли Хекшера (1879-1952) и Бертиля Олина (1899-1979), получившая название теории соотношения факторов производства. Она возникла в 30-е годы XX века, заложив основу т.н. неоклассическим теориям международной торговли. Теория соотношения факторов производства и ее многочисленные ответвления, опираясь на современные подходы, появившиеся данные, пытались переосмыслить идеи классиков, вдохнуть в них новую жизнь[10].

Значимость теории Хекшера-Олина определяется тем, что в ней была предложена принципиально иная причина, объясняющая торговлю между странами – это различия в их факторонасыщенности[11]. При этом теория Хекшера–Олина не только следует принципу сравнительных преимуществ, выдвинутому Д. Рикардо, но и объясняет, почему возникают сравнительные преимущества у разных стран. Так, разные страны в силу географического положения, природно-климатических условий, исторических и др. причин наделены в

[10] Шкиотов С.В. Мировая экономика и международные отношения (часть 1): Учебное пособие. – Ярославль: Издательский дом ЯГТУ, 2014. – 204 с.

[11] Факторонасыщенность страны – ее обеспеченность теми или иными факторами производства.

избытке теми или иными факторами производства (либо трудом, либо капиталом), что и создает предпосылки для возникновения международной торговли между ними. Различия в факторонасыщенности стран означают, что относительные цены на факторы производства будут различаться в разных экономиках (действует принцип: когда чего-то много – это стоит дешево, когда мало – дорого). Вследствие разницы в факторных ценах неодинаковыми будут и затраты на производство одной и той же единицы товара, а, следовательно, и конечные цены выпущенного продукта будут различаться. Отсюда следует, что страна будет обладать сравнительным преимуществом в производстве тех товаров, которые требуют относительно большего количества того фактора производства, который у нее имеется в избытке. Т.е. страны должны специализироваться на производстве тех товаров, где сочетание имеющихся у них факторов обеспечивает им сравнительные преимущества в издержках производства по сравнению с другими странами. «Международный обмен – это обмен изобильных факторов на редкие: страна экспортирует товары, производство которых требует большого количества факторов, имеющихся в изобилии»[12].

Например, страны, где в избытке труд, будут иметь сравнительное преимущество в производстве трудоемких товаров, а в экономиках, где в избытке капитал, – капиталоемких товаров.

К достоинствам теории Хекшера-Олина можно отнести то, что шведские экономисты смогли объяснить причину возникновения сравнительных преимуществ в различных странах, чего не смогли в свое время сделать классики. Более того, их теория обладает существенным объяснительным потенциалом. Так, если бы они писали и о третьем факторе производства – земля (т.е. все полезные ресурсы во всем их многообразии), то эта теория прекрасно объяснила бы роль российской экономики в современной системе международного

[12] Мировая экономика: учеб. / Л. С. Падалкина, В. В. Клочков, С. В. Тарасова [и др.]; под ред. И. П. Николаевой. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. - 240 с. С.44.

разделения труда. Россия является одним из крупнейших экспортеров нефти и газа, просто потому, что фактор производства земля имеется в нашей стране в изобилии.

Вместе с тем, как и любая другая теория, она не лишена недостатков, более поздние эмпирические подтверждения теории Хекшера-Олина показали, что она срабатывает в большинстве, но не во всех случаях.

Так, известный американский экономист русского происхождения Василий Васильевич Леонтьев (1905-1999), исследуя в середине 50-х гг. XX века структуру экспорта и импорта экономики США, обнаружил, несоответствие теории Хекшера-Олина практике. Используя модель «затраты-выпуск» и статистические данные о внешней торговле США за 1947 г., В. Леонтьев попытался верифицировать предположение о том, что американская экономика имела сравнительные преимущества в производстве капиталоемких товаров, а следовательно, экспортировала их, импортируя при этом трудоемкую продукцию, в соответствии с положениями теории Хекшера-Олина.

Приступая к анализу, В. Леонтьев исходил из того, что США – один из мировых финансовых центров, а значит, обладает избытком дешевого капитала (с относительно высокими по сравнению с другими странами заработными платами). Однако результаты его исследования дали прямо противоположный результат – в экспорте США преобладали трудоемкие товары, а в импорте – капиталоемкие. Парадокс Леонтьева – именно так были названы результаты этой эмпирической проверки, – по-видимому, свидетельствовал о том, что теория Хекшера-Олина неадекватно объясняет структуру и причины международной торговли[13].

Как мы уже упоминали выше, к середине XX века классические и неоклассические теории международной торговли, до этого успешно объяснявшие структуру и

[13] Волгина Н.А. Международная экономика: учебное пособие. М.: Эксмо, 2006. – 736 с. С.129.

закономерности развития внешней торговли, постепенно утратили свои объяснительные возможности. Это привело к возникновению целой группы концепций, получивших название альтернативных теорий международной торговли. Эти альтернативные теории предлагали новые, нестандартные подходы к анализу международной торговли, являясь альтернативой неоклассическим моделям.

К группе альтернативных теорий относят: технологические теории торговли, модели международной торговли в условиях эффекта масштаба производства.

Попытка учесть в международной торговле влияние научно-технической революции привела к созданию т.н. технологических (позднее неотехнологических) теорий торговли. Эти теории можно рассматривать как частный случай классических (неоклассических) моделей – они по-новому объясняли возникновение сравнительных преимуществ в производстве продукции в разных странах. Так, сторонники технологических теорий связывали развитие международной торговли не с обеспеченностью стран факторами производства, а с развитием новых технологий, позволяющих снижать издержки производства и добиваться, таким образом, сравнительных преимуществ в производстве продукции. При этом, в отличие от классиков, они выступали за активное государственное вмешательство в экономику в целях стимулирования развития технологичных производств и свертывания традиционных отраслей[14].

Технологические теории не случайно возникли в начале 60-х гг. XX века: это было время очередного витка научно-технической революции, когда вера в науку была столь высока, что многие футурологи всерьез полагали – к 2000 г. человечество колонизирует Луну. Конечно, технологические скачки случались и раньше, но именно к 60-м гг. человечество вышло в открытый космос, освоило мирный атом, а благодаря серийному

[14] Шкиотов С.В. Мировая экономика и международные отношения (часть 1): Учебное пособие. – Ярославль: Издательский дом ЯГТУ, 2014. – 204 с.

производству в быт простых домохозяйств вошло телевидение, проводная телефония и другие блага, существенно улучшившие качество их жизни.

В 1961 году английский экономист Майкл Познер (1931-2006) предложил теорию технологического разрыва, ставшую одной из первых, объяснявших влияние технологических изменений на взаимную торговлю стран. По мнению М. Познера причина торговли между странами заключается в технологических изменениях, возникающих в одной из отраслей, торгующих между собой стран.

Предположим, в какой-то стране возникает новая технология, что позволяет создавать продукцию с более низкими издержками производства, достигая, тем самым, сравнительного преимущества. Пока страна является технологическим монополистом в этой области, она может получать сверхприбыль – технологическую ренту, поставляя свою продукцию на внешние рынки еще не освоившие данную технологию по максимальной цене. Срок извлечения технологической ренты ограничен отрезком времени – т.н. временным лагом, за который конкуренты смогут скопировать и воспроизвести данную технологию. Как только технология становится общедоступной, возможность извлекать сверхприбыль исчезает.

Наличие временных лагов и создает модель международной торговли, базирующейся на технологическом разрыве, поскольку существует временной лаг в диффузии технологических знаний от страны-инноватора до производителей в других странах. М. Познер подчеркивал, что по мере расширения международной торговли технологическими товарами, технологический разрыв между странами будет сокращаться, диффузия технологий будет происходить все быстрее (страны все быстрее будут копировать технологии друг у друга). После преодоления технологического разрыва, с точки зрения М. Познера, причин для развития торговли данным товаром нет, и страны будут вынуждены создавать другие новые технологии.

Таким образом, М. Познер разработал модель международной торговли, которая расширяла классические и неоклассические теории, выступая их частным случаем. Именно в теории М. Познера произошел переход от статической к динамической модели международной торговли – сравнительные преимущества перемещались от страны к стране вместе с диффузией технологических знаний. Достоинством данной модели, является то, что она позволяет объяснить торговлю между странами, одинаково наделенными факторами производства, чего не могла сделать теория Хекшера-Олина. Недостатком теории М. Познера является то, что она объясняет торговлю преимущественно технологической продукцией, доля которой в структуре международных товаропотоков не так велика.

В 1966г. американским экономистом Раймондом Верноном (1913-1999) была разработана еще одна технологическая, динамическая модель международной торговли, получившая название теории жизненного цикла товара. Опираясь на анализ эмпирических данных о зарубежной деятельности американских фирм в послевоенный период, Р. Вернон предложил использовать микроэкономическую концепцию жизненного цикла товара для объяснения закономерностей развития международной торговли.

Р. Вернон выделял 3 стадии жизненного цикла товара[15]:

1) Стадия нового товара (the new product stage) – товар производится и потребляется только в США, экспорт отсутствует.

2) Стадия зрелости товара (the maturing product stage) – товар достигает массового типа производства, и спрос со стороны развитых стран растет, США начинает экспортировать товар в другие развитые экономики.

3) Стадия стандартизации (the standardized product stage) –

[15] В некоторых работах, статьях приводится жизненный цикл товара, состоящий из 5 этапов, но в оригинальной работе Р. Вернона указано именно 3.

производство товара перемещается в развивающиеся страны, которые затем начинают экспортировать его в развитые экономики.

Таким образом, как мы видим, ядро теории жизненного цикла товара – процесс стандартизации. Эта модель позволила сделать важные предсказания относительно будущей структуры международной торговли:

- развитые экономики будут производить и экспортировать нестандартизованные товары, а развивающие – стандартизированные;

- развитые страны экспортируют товары, произведенные при помощи новейших технологий, а импортируют, созданные при помощи устаревших.

Итак, модель Р. Вернона позволяет объяснить международную торговлю технологически сложными изделиями. Более того, она с новых позиций раскрывает сущность сравнительных преимуществ стран, носящих в данной модели динамический характер. Так, в соответствии со стадиями жизненного цикла товара сравнительные преимущества в производстве продукции перемещаются из страны-инноватора к развивающимся экономикам, по мере стандартизации процесса производства. Модель обладает высокими объяснительными способностями: например, первые мобильные телефоны были разработаны американской компанией Motorola, однако со временем их производство переместилось в развивающиеся экономики, сейчас Южная Корея и Китай, основные производители и экспортеры телефонов.

Вместе с тем, круг товаров, для объяснения международной торговли которыми можно привлечь теорию жизненного цикла товара, весьма ограничен. Так, например, на сырье, топливо, продовольствие спрос на мировом рынке существует всегда, эти товары по-прежнему формируют основу товаропотоков между странами. Более того, эта теория плохо объясняет современные тенденции торговли технически сложной

продукцией[16].

Все вышерассмотренные модели международной торговли исходили из допущений классиков о существовании рынков совершенной конкуренции и постоянной отдачи (постоянного эффекта масштаба). Однако в реальной экономике в некоторых отраслях производства (впрочем, не часто) наблюдается рост отдачи от используемых факторов производства при расширении объемов выпускаемой продукции (в долгосрочном периоде), что сокращает издержки на выпуск единицы изделия – т.н. экономия за счет масштаба производства (положительный эффект масштаба).

В 60-е гг. XX века появляются теории, объясняющие закономерности развития международной торговли с помощью микроэкономической концепции экономии за счет масштаба производства.

Можно предложить ряд объяснений, увязывающих воедино микроэкономическую концепцию экономии за счет масштаба производства и международную торговлю. Например, объяснение, связанное с узостью внутреннего рынка. Так, современное, крупное промышленное производство настолько дорогостояще, требует таких огромных первоначальных затрат капитала, средств на разработку технологий и процессов, что имеет смысл только при массовом выпуске продукции, позволяющем окупить эти затраты. Проблема в том, что емкости внутреннего рынка не всегда бывает достаточно, для выпуска того объема продукции, который покрыл бы первоначальные затраты. Поэтому многие крупные компании, отрасли изначально ориентированы на выпуск продукции не только на внутренний (конечный), но внешний (бесконечный) рынок.

Безусловным достоинством теории экономии за счет масштаба производства является то, что она показывает, – международная торговля не обязательно возникает вследствие наличия у страны сравнительных преимуществ. Более того,

[16] См. более подробно: Волгина Н.А. Международная экономика: учебное пособие. М.: Эксмо, 2006. – 736 с. С.180-182.

эффект масштаба производства позволяет объяснить торговлю между странами с одними и теми же производственными возможностями, одинаково наделенными ресурсами, торгующими схожими товарами, удельный вес которых в общем товарообороте достаточно велик.

В целом, подводя некий итог первого этапа развития теории национальной конкурентоспособности, можно отметить, что если до XX века развитие мирового хозяйства в целом укладывалось в рамки классической теории А. Смита и Д. Рикардо, то качественные изменения в характере общественного воспроизводства, вызванные глобализацией, потребовали создания новой теории, объясняющей не только международную торговлю, но и транснациональное производство товаров и услуг.

Своеобразным ответом на эти требования и явилась теория конкурентных преимуществ, возникшая в 80–90-е годы XX века из целого ряда научных публикаций М. Портера в Harvard Business Review[17], став предметом анализа для целого ряда специализированных дисциплин – от менеджмента до мировой экономики[18].

М. Портер предлагает новую концепцию конкурентоспособности стран в мировой экономике, основанную на производительности, повышение которой гарантирует осуществление главной цели каждого государства – достижение высокого и постоянно растущего уровня жизни своих граждан. Он утверждает, что конкурентоспособность конкретной нации зависит от способности ее промышленности вводить новшества и модернизироваться.

[17] The Competitive Advantage of Nations. – Free Press; 1 edition (Jun 1 1998). – 896 p., Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. – Free Press; 1 edition (Jun 1 1998). – 592 p., Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. – Free Press; 1 edition (Jun 1 1998). – 392 p.

[18] Конкурентоспособность российской экономики: мезо- и макроуровень проблематики. Монография / С.В. Шкиотов, С.Н. Растворцева, А.С. Ченцова. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2015. – 245 с.

При этом М. Портер под конкурентоспособностью страны подразумевает конкурентоспособность отдельного национального производителя, отрасли. А растущую производительность в рамках отдельной фирмы либо отрасли он непосредственно связывает с понятием инновации: «Повсюду в мире компании, добившиеся лидерства в международных масштабах, используют стратегии, которые отличаются друг от друга во всех отношениях… глубинные принципы деятельности – характер и эволюция всех успешных компаний – оказываются в своей основе одинаковыми. Компании добиваются конкурентных преимуществ посредством инноваций»[19].

М. Портер выделяет ряд факторов, обусловливающих возникновение национальной конкурентной среды, в которой компании зарождаются и обучаются конкурировать. Компания будет конкурентной на внутреннем и внешнем рынке в случае создания конкурентных условий внутри страны, для чего необходимо наличие и взаимодействие четырёх своеобразных атрибутов, детерминант страны. В экономической литературе эта система взаимосвязанных показателей получила название «портеровского ромба», включающего следующие четыре элемента: условия для факторов, состояние спроса, родственные и поддерживающие отрасли, устойчивая стратегия, структура и соперничество.

Рассмотрим эти факторы несколько подробнее.

1. *Условия для факторов.* «В соответствии с классической экономической теорией факторы производства – труд, земля, природные ресурсы, капитал, инфраструктура – определяют потоки товарооборота. Страна будет экспортировать те товары, при производстве которых максимально используются факторы, которыми она обладает в избытке. Эта доктрина, восходящая к Адаму Смиту и Давиду Рикардо и включенная в классическую экономическую теорию, в лучшем случае оказывается неполной, а в худшем – неверной»[20]. Нет ничего удивительного в том, что

[19] См.: Портер М. Конкуренция. М.: Вильямс, 2002. С.171.
[20] Портер М. Конкуренция. М.: Вильямс, 2002. С.181.

теории абсолютных и сравнительных преимуществ, созданные еще в XVIII–XIX вв. в совершенно иных экономических условиях, в эпоху глобализации утрачивают свои объяснительные способности. В развитых экономиках, классическая триада факторов производства играет все меньшую роль, поэтому с определенной долей условности можно говорить о том, что страна не наследует, а создает наиболее существенные, так называемые специализированные (в терминологии М. Портера) факторы производства, которые вовлекают постоянные и крупные инвестиции и обеспечивают преимущества в наукоемких отраслях промышленности[21]. Вызывает интерес идея М. Портера о том, что отдельные недостатки в большинстве базовых факторов могут побуждать компанию к инновациям, и наоборот, их избыток мешает достигать конкурентных преимуществ: «При наличии достаточных запасов сырья или избытка рабочей силы компании могут просто довольствоваться этими преимуществами и часто запускают их в действие неэффективно. Однако, когда компании встречаются с определенным неблагоприятным положением, таким, например, как высокая стоимость земли, нехватка рабочей силы или же недостаточность местного сырья, они должны внедрять инновации и обновляться для ведения конкурентной борьбы»[22]. Впрочем, вызывает сомнение, что на практике свободный доступ к тем или иным факторам производства будет отрицательно сказываться на конкурентоспособности того или иного национального производителя. Если рассматривать данное предположение с теоретической точки зрения, то в условиях глобализации экономики, относительной «смерти пространства и времени», снижения барьеров входа на рынки, факторы производства являются относительно мобильными, а следовательно, все рыночные субъекты находятся в одинаково, следуя логике М. Портера, «неблагоприятных условиях» доступа и к квалифицированной рабочей силе и к капиталу. Эффективная

[21] Конкурентоспособность российской экономики: мезо- и макроуровень проблематики. Монография / С.В. Шкиотов, С.Н. Растворцева, А.С. Ченцова. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2015. – 245 с.
[22] Портер М. Конкуренция. М.: Вильямс, 2002. С.182.

аллокация ресурсов в глобальной экономике, таким образом, заставляет местные фирмы бороться с неблагоприятным положением уже не на локальном, а на внешнем рынке. Что касается практического аспекта идеи, высказанной М. Портером, то мы опять вынуждены указать на недостаток, характерный для данной теории, а именно отсутствие оценки затрат компаний на преодоление, в данном случае, дефицита ресурсов, что не позволяет верифицировать положения этой части теории. Так, ссылаясь в своей работе на примеры таких стран как Япония и Италия, как известно, не обладающих богатыми природными ресурсами, но сумевшими превратить неблагоприятные условия в конкурентные преимущества, М. Портер, однако не приводит никаких данных поясняющих затратную сторону этого успеха[23]. Видимо, учитывая некоторую «шаткость» своих теоретических позиций, М. Портер вводит два условия, наличие которых и превращает нехватку факторов производства в конкурентное преимущество: во-первых, поиск альтернатив недостающим факторам производства позволит фирме опередить конкурентов, поскольку она раньше начнет искать и внедрять инновации в данной области из-за недостатка сравнительных преимуществ. Во-вторых, недостатки в факторах производства могут превратиться в конкурентное преимущество лишь при наличии благоприятных и усиливающих других детерминант ромба. В целом, как нам представляется, идеи, высказанные М. Портером, являются логическим развитием взглядов представителей классической школы экономической теории. М. Портер исходит из того, что для повышения уровня конкурентоспособности, которую он определяет через категорию производительности, необходима специализация факторов производства, о чем писал еще А. Смит, говоря о производительности труда, связывая его с прогрессом в разделении труда[24].

[23] Конкурентоспособность российской экономики: мезо- и макроуровень проблематики. Монография / С.В. Шкиотов, С.Н. Растворцева, А.С. Ченцова. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2015. – 245 с.

[24] См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. - 572 с.

2. *Состояние спроса.* М. Портер подчеркивает приоритет внутреннего спроса для конкурентного производителя в условиях глобализации экономики, которая, казалось бы, должна уменьшать важность этого фактора. Можно выделить несколько факторов, объясняющих значение внутреннего спроса в теории М. Портера: во-первых, требовательный внутренний спрос создает у национального производителя представление о будущих потребностях потребителя на мировом рынке; во-вторых, следствием этого является ускоренное внедрение инноваций, удовлетворяющих изощренные запросы местных покупателей. Все это приводит к формированию конкурентных преимуществ, дающих возможность национальным фирмам поставлять на внешние рынки товары с более высоким качеством и контентом, соответствующим высочайшим стандартам. Исходя из ключевой роли внутреннего спроса, М. Портер выводит следующее положение: «Объем внутреннего спроса оказывается при этом значительно менее существенным, чем его характер»[25].

Таким образом, внутренний спрос выступает у М. Портера в роли катализатора инновационного процесса. Это, заметим, с одной стороны, противоречит мнению ряда исследователей[26]заявляющих об универсализации и унификации потребительских вкусов и предпочтений в глобальной экономике, когда покупатель, находясь в любой точке мира, рассчитывает получить одинаковый по качеству пакет услуг или товар, с другой – несмотря на то, что данная формулировка вполне укладывается в логику теории конкурентных преимуществ, в то же время она не находит своего подтверждения в современной экономической практике, когда за емкие, но отнюдь не требовательные рынки Китая, Индии, России в глобальной экономике разворачиваются самые настоящие торговые войны. Общеизвестно, что глобальные компании размещают свои производства в «спросоемких» странах не столько ради снижения факторных издержек, сколько

[25] Портер М. Конкуренция. М.: Вильямс, 2002. С.184.
[26] См., например: Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2002. - 254 с.

из-за возможности расширения рынков сбыта и снижения затрат на обслуживание технически сложной продукции[27].

3. *Родственные и поддерживающие отрасли.* Этот фактор является особенно важным в теории конкурентных преимуществ, поскольку именно здесь находит свое выражение одна из ключевых идей М. Портера о значимости местоположения национального производителя в условиях глобализации экономики. Модель кластера как совокупности территориальных предприятий, занятых выпуском узкой номенклатуры изделий, была подвергнута анализу и верификации широким кругом отечественных ученых[28], поэтому подробно рассматривать эту часть «портеровского ромба» мы не будем, раскроем лишь основные теоретические положения, позволяющие понять специфику этой детерминанты. Можно выделить три преимущества, которые создает локальная инфраструктура для деятельности фирмы: во-первых, наличие конкурентоспособных на мировом уровне поставщиков создает преимущество для фирмы в отношении затрат на факторы производства, обеспечивая привилегированный доступ к ним. Во-вторых, функционирование родственных и поддерживающих отраслей, по мнению М. Портера, за счет установившихся тесных деловых взаимосвязей упрощает обмен информацией, инновациями и опытом. В-третьих, и это наиболее важно, родственные отрасли служат источником возникновения новых конкурентов, деятельность которых усиливает давление конкуренции, заставляя фирмы быстрее модернизироваться и тем самым добиваться конкурентных преимуществ. Последнее преимущество позволяет понять высказывание М. Портера о том, что конкурентными редко бывают фирмы-одиночки, как правило, это либо группа фирм, либо целая отрасль, поскольку наличие благоприятной конкурентной среды, пример успешной

[27] Конкурентоспособность российской экономики: мезо- и макроуровень проблематики. Монография / С.В. Шкиотов, С.Н. Растворцева, А.С. Ченцова. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2015. – 245 с.

[28] См., например: Воронов А. Кластеры – новая форма самоорганизации промышленности в условиях конкуренции // Маркетинг. 2002. №5. Емельянов С. Международная конкурентоспособность производителей США: методика анализа // Мировая экономика и международные отношения. 2002. №3.

деятельности фирмы-лидера, относительно одинаковый доступ к факторам производства – всё это, сконцентрированное в одном месте, побуждает другие фирмы включаться в конкурентную борьбу[29].

4. *Устойчивая стратегия, структура и соперничество*. Уникальные условия, характерные для каждой страны, оказывают определяющее влияние на то, как компании будут создаваться, организовываться и управляться. Более того, по мнению М. Портера, различные национальные фирмы преследуют разные цели – от повышения качества продукции до максимизации прибыли. Не последнюю роль на постановку цели той или иной национальной компании оказывают характеристика национального рынка капитала и практика оплаты труда менеджеров. Отсюда следует, что не может существовать систем управления деятельностью фирмы – универсальных стратегий, одинаково эффективных для различных национальных компаний. «Конкурентоспособность в определенной отрасли является результатом слияния практики управления и моделей организации, наиболее предпочтительных для данной страны, и источников конкурентных преимуществ для данной отрасли»[30].

Необходимо также учитывать еще две переменные, существенным образом влияющие на взаимодействие детерминант: случайные события и роль государства. К наиболее важным случайным событиям можно отнести новые изобретения, крупные технологические прорывы, резкие изменения цен на ресурсы, изменения на мировых финансовых площадках, войны и прочие непредвиденные обстоятельства. Подобные события привносят некую неопределенность, способствующую изменению структуры отрасли. Государственные органы любого уровня также могут усилить и ослабить конкурентное преимущество. Особенно это видно при анализе воздействия политики правительства на каждую

[29] Конкурентоспособность российской экономики: мезо- и макроуровень проблематики. Монография / С.В. Шкиотов, С.Н. Растворцева, А.С. Ченцова. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2015. – 245 с.
[30] Портер М. Конкуренция. М.: Вильямс, 2002. С.188.

детерминанту. Государственная политика, проводимая без учета ее влияния на систему детерминант, с равным успехом может усилить или подорвать конкурентное преимущество страны.

М. Портер рассматривает эти четыре детерминанты не как обособленные элементы, а как целостную взаимоувязанную систему, при этом недостаток в одной из ее частей будет ограничивать возможности к инновациям и конкуренции во всем «ромбе» в целом (см. рис.1.1.1).

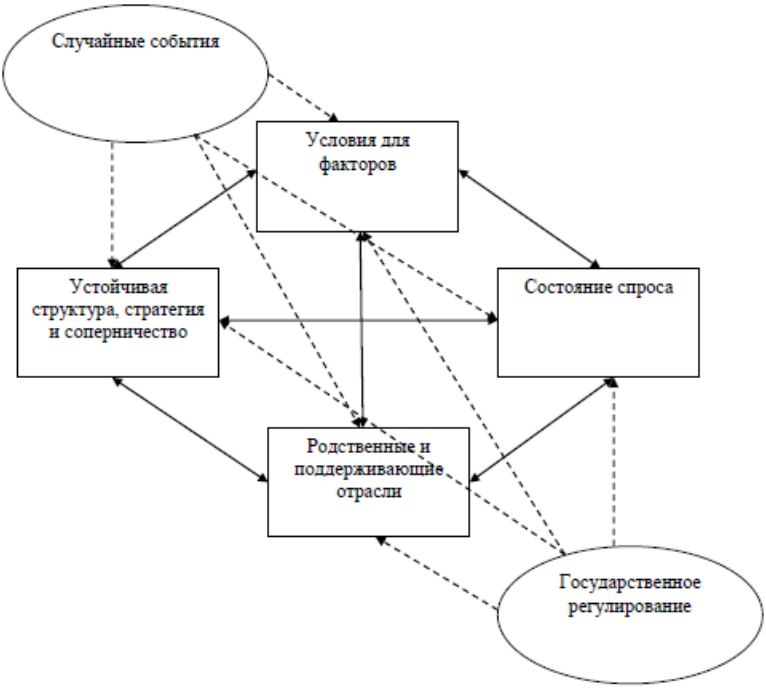


Рис.1.1.1. Модель «портеровского ромба» конкурентоспособности

Подробный анализ этих четырех детерминант позволяет нам раскрыть суть «портерианской революции» в теории национальной конкурентоспособности.

Во-первых, рассматривая в целом «портеровский ромб», можно согласиться с критической мыслью, высказанной Р. Фатхутдиновым о том, что в данной теоретической структуре представлены неравновесные, неравнозначные элементы[31]. Однако то, что упускает из виду не только Р. Фатхутдинов, но и ряд других исследователей, критикуя «ромб», по нашему мнению, более существенно, а именно – его предназначение. Анализ четырех детерминант «ромба» выявил, что каждая из них связана с внутренними, локальными факторами, создающими конкурентную среду. Именно наличие локальных местных поставщиков, требовательных потребителей, мощных конкурентов и специализированных факторов и создают условия для постоянного инновационного процесса и таким образом работают на создание конкурентных преимуществ. *Следовательно, предназначение «ромба» М. Портера, его главная задача – показать влияние локальных факторов на создание конкурентных преимуществ. Более того, локальная конкуренция в его концепции формирует конкуренцию глобальную.*

Во-вторых, в теории М. Портера произошло смещение фокуса с уровня страны на уровень отрасли или фирмы, как основного субъекта и созидателя конкурентного преимущества. Подобно «маржиналистской революции» в экономической науке XIX века, в теории национальной конкурентоспособности был осуществлен переход с макроуровня анализа на микро- и мезоуровень.

В-третьих, М. Портер выделяет четкую взаимосвязь по линии: факторная производительность определяет конкурентоспособность страны, темпы ее роста и качество жизни населения, что стало одним из ключевых факторов перехода от чистой теории к принятию реальных политических и экономических решений (тот самый policy making), опирающихся на концепцию национальной конкурентоспособности. Так, например, Лиссабонская стратегия

[31] Фатхутдинов Р. Конкурентоспособность организации в условиях кризиса. М., 2002. С.59–60.

ЕС базируется на признании необходимости повышения уровня конкурентоспособности, а достижение заданных позиций в рейтинге глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума, становится частью социально-экономических стратегий развития целых стран (например, Казахстана).

«Постпортеровская» теория национальной конкурентоспособности

Появление теории М. Портера не могло не вызвать в академической среде ответной реакции. Одни, – представители менеджериальной школы, критиковали теорию национальной конкурентоспособности за ее излишнюю увлеченность локальными, внутренними факторами развития, игнорированием возможностей и рисков глобальной экономики; другие, – представители «чистой экономической науки», и вовсе отрицают существование самой этой концепции.

Менеджериальная школа попыталась расширить и преодолеть слабые места портеровской теории. Так, в начале 1990-х годов появляется модель «двойного ромба» Ругмана и Д`Круза (Rugman, D'Cruz (1993), которая позволяла учесть влияние фактора транснационализации экономической деятельности. Обновленная таким образом модель хорошо описывала конкурентоспособность больших, развитых стран, но могла давать неверные результаты в отношении развивающихся. В 1995 году появляется модель «обобщенного двойного ромба» конкурентоспособности (Moon, Rugman, and Verbeke, 1995), позволившая исправить этот недостаток.

Остановимся на этих моделях чуть подробнее, учитывая их фактически полное игнорирование в отечественной экономической литературе.

Все началось с книги М. Портера «The Competitive Advantage of Nations» (1990), в которой он исследовал восемь развитых и две развивающиеся экономики (Корею и Сингапур). Именно в отношении этих двух малых экономик модель «ромба конкурентоспособности» не сработала, дав ошибочный

результат. Портер предсказывал быстрый рост экономики Южной Кореи, которая в течение ближайшего десятилетия должна была войти в число развитых стран. Напротив, Сингапур, по Портеру ожидала стагнация, страна останется на стадии экономики, движимой факторами производства (factordriven economy). Проблема заключается в том, что с момента публикации работы М. Портера Сингапур демонстрировал гораздо более высокие темпы развития, чем Южная Корея. Эта ошибка в анализе конкурентных преимуществ новых индустриальных стран и позволила усомниться в корректности портеровского «ромба конкурентоспособности».

Более того, дальнейшее использование «ромба конкурентоспособности» на практике (Портер консультировал правительство Канады и Новой Зеландии) отчетливо проявило уязвимое место модели – чрезмерную ориентацию на локальные факторы развития. Так, в случае Канады, Портер не сумел адекватно учесть значимость транснациональной деятельности компаний, а в Новой Зеландии – объяснить успехи экспортозависимых и ресурсоориентированных отраслей промышленности.

Таким образом, как было указано нами ранее, в модели М. Портера основной акцент делался на локальных факторах, формирующих конкурентные преимущества, при этом внешние факторы практически не рассматривались.

Мун, Ругман и Вербеке (1995) показали, что для малых, открытых экономик гораздо большее значение имеет модель «обобщенного двойного ромба конкурентоспособности» (см. рис. 1.1.2).

Так, компании из небольших стран, таких как Южная Корея и Сингапур ориентированы не только на местные, но и глобальные рынки и ресурсы. Именно поэтому национальная конкурентоспособность частично зависит от внутренних факторов (национальный ромб), а частично от внешних переменных (международный ромб). При этом размер национального ромба изменяется в соответствии с размером

экономики и уровня ее конкурентоспособности. Международный ромб (отмеченный на рисунке 1.1.2 пунктирной линией), также представляет конкурентоспособность страны, но определяемую и внутренними условиями страны, и внешними условиями международной деятельности, включая входящие и исходящие потоки прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ). Пунктирная линия может расширяться вовне или сжиматься вовнутрь в зависимости от доступности инвестиционного капитала, определяющей пространственную конфигурацию конкурентоспособности на региональном или глобальном уровнях. В результате синергии обоих ромбов образуется глобальный ромб конкурентоспособности[32].

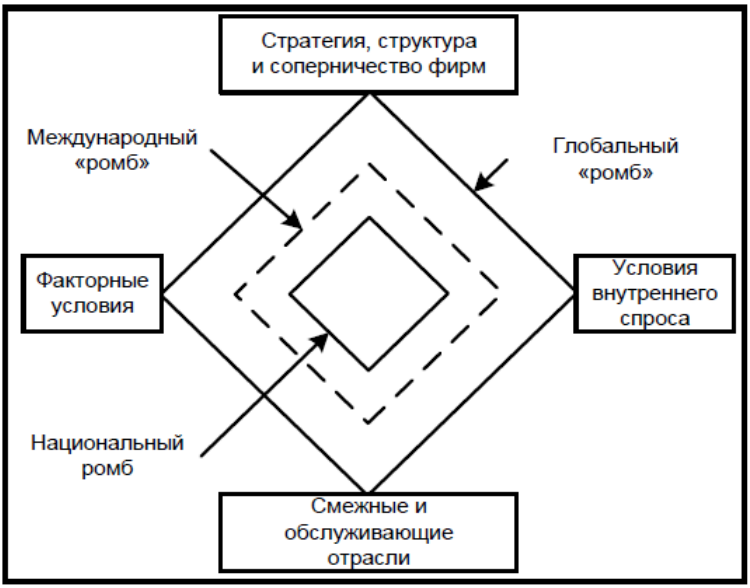


Рис. 1.1.2. «Обобщенный двойной ромб конкурентоспособности»[33]

[32] Белова Л.Г. Эволюция подходов к оценке конкурентных преимуществ различных стран // Аудит и финансовый анализ. 2012, №5. С.315.

[33] Белова Л.Г. Эволюция подходов к оценке конкурентных преимуществ различных стран // Аудит и финансовый анализ. 2012, №5. С.316.

В модели «обобщенного двойного ромба», национальная конкурентоспособность определяется как способность компаний создающих добавленную стоимость в конкретной отрасли и в конкретной стране поддерживать создание этой стоимости в течение длительного периода времени в условиях международной конкуренции.

Итак, существует два важных отличия между теорией М. Портера и новой моделью «обобщенного двойного ромба». Первое, – созданная добавленная стоимость в конкретной стране может быть результатом деятельности как национальных, так и зарубежных фирм (в модели Портера, напомним, деятельность иностранных компаний игнорировалась). Второе отличие – создание и поддержание добавленной стоимости в конкретной стране может потребовать вовлечение национальных ромбов многих стран, – уникальные локальные преимущества, возникающие в разных экономиках, таким образом, смогут дополнять друг друга. Напротив, в модели М. Портера, утверждалось, что наиболее эффективная глобальная стратегия заключается в том, чтобы сконцентрировать как можно больше процессов и преимуществ в одной стране (в одном национальном ромбе) и завоевывать мировые рынки из страны базирования.

Для Портера, глобальные компании – это просто экспортеры продукции, в его теории не принимается в расчет организационная сложность поистине глобального процесса производства[34]. Именно такой упрощенный взгляд на транснациональную экономическую деятельность и привел к недооценке Портером перспектив развития экономики Сингапура, чей взрывной рост был обеспечен движением ПЗИ от иностранных компаний, расположенных в Сингапуре (они обеспечили приток капитала и технологий), и в свою очередь, инвестициями сингапурских компаний за рубеж (что обеспечило доступ к дешевым ресурсам и рабочей силе).

[34] Cho Dong-Sung, Moon Hwy-Chang. From Adam Smith to Michael Porter. Evolution of competitiveness theory. URL: http://ebooks.worldscinet.com/ISBN/9789812385222/toc.shtml

По Портеру локальная конкуренция гораздо важнее глобальной, что может быть справедливо в отношении больших стран (таких как США), но не в отношении малых (Канады, Сингапура, Кореи), для которых международное соперничество имеет большее значение, чем локальная конкуренция.

Модель «обобщенного двойного ромба» расширила оригинальную теорию М. Портера сразу по трем направлениям. Во-первых, новая модель учитывает транснациональную экономическую деятельность. Во-вторых, новый подход позволил применять эту модель по отношению к неограниченному кругу стран, а соотношение размеров и форм различных ромбов (см. рис. 1.1.2) содержит важные данные о стратегических отличиях в уровне национальной конкурентоспособности[35]. В-третьих, новая модель включает правительство в качестве не экзогенного, а эндогенного параметра, который оказывает непосредственное влияние на 4 детерминанты национального ромба конкурентоспособности.

Несколько позднее, в 2000 году, появляется девятифакторная модель Донг-Сунг Чо (Cho, 2000), который предложил расширить портеровский «ромб конкурентоспособности» за счет включения в него человеческого фактора. В этой модели противопоставляется и вместе с тем объединяется классический «портеровский ромб», отражающий материальные факторы конкурентоспособности и 4 группы факторов (работники, политики, предприниматели и специалисты), формирующих нематериальные основания конкурентоспособности (т.н. «человеческий фактор») (см. рис.1.1.3).

[35] См. подробнее: Cho Dong-Sung, Moon Hwy-Chang. From Adam Smith to Michael Porter. Evolution of competitiveness theory. URL: http://ebooks.worldscinet.com/ISBN/9789812385222/toc.shtml

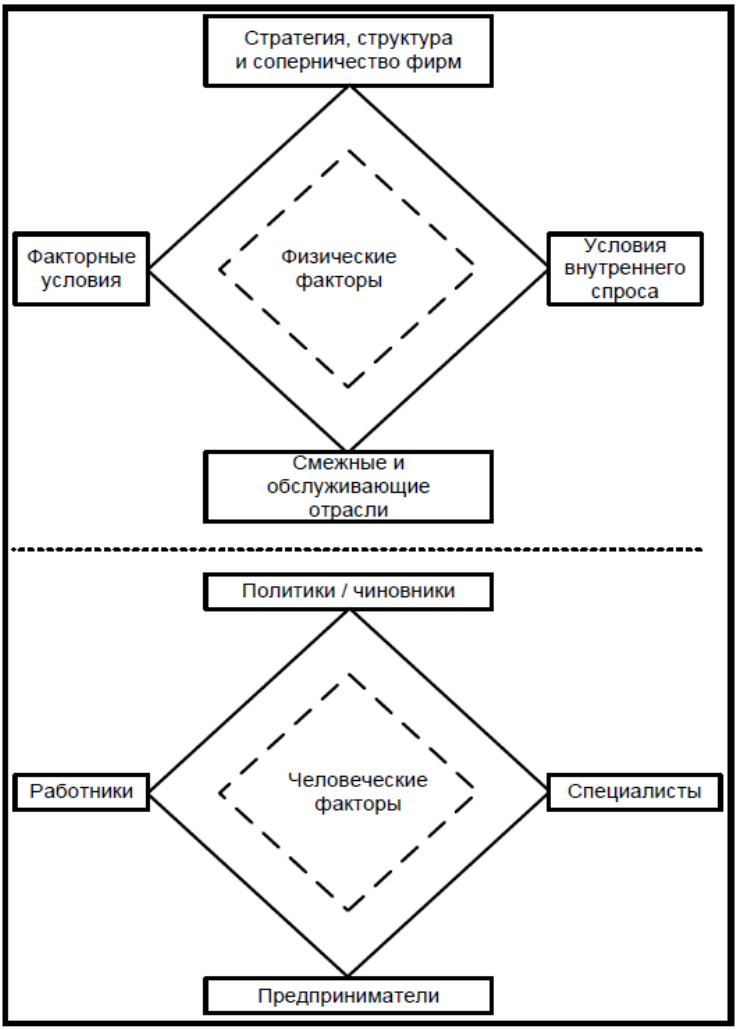


Рис.1.1.3. Девятифакторная модель конкурентоспособности[36]

[36] Белова Л.Г. Эволюция подходов к оценке конкурентных преимуществ различных стран // Аудит и финансовый анализ. 2012, №5. С.316.

Таким образом, по мнению Чо, модель становится более динамичной и позволяет учесть влияние различных групп населения на развитие национальной конкурентоспособности. Более того, влияние человеческого фактора позволяет глубже раскрыть идею М. Портера о том, что национальное богатство не наследуется, а создается – именно через взаимодействие различных групп населения и материальных факторов достигается повышение уровня национальной конкурентоспособности. Необходимо отметить, – как и у Ругмана, деятельность правительства в этой модели считается эндогенным фактором. Девятым фактором в модели Чо выступают случайные события, которые он рассматривает как экзогенный фактор.

Итак, можно выделить четыре существенных улучшения теории М. Портера, предложенные представителями менеджериальной школы:

- признание того, что государство важнейший и неотъемлемый участник отношений конкурентоспособности (эндогенная переменная);

- перенос акцента с локальных факторов конкурентоспособности на глобальные (учет влияния процессов транснационализации, транспарентности границ);

- расширение круга факторов, определяющих национальную конкурентоспособность (человеческий фактор в модели Чо, деятельность зарубежных компаний в модели Ругмана);

- понимание важности ПЗИ для роста конкурентоспособности стран.

Критика модели М. Портера со стороны представителей «чистой экономической науки» была гораздо более жесткой. Вэйверман (1995), Дэйвис и Эллис (2000), Болто (1996) в своих работах указывали на то, что за моделью М. Портера не стоит никакая фундаментальная теория, она не обладает никакими предсказательными возможностями и ведет к неправильной

интерпретации классической и новой теории торговли. Более того, взаимосвязь между национальным процветанием, производительностью, торговлей, экспортом и конкурентоспособностью, которая представлена в модели Портера – искажена (наше исследование в следующем разделе монографии отчасти подтверждает это суждение).

В то время как классическая и новая теория торговли объясняют торговлю между странами, Портер с помощью модели «ромба конкурентоспособности» пытается объяснить факторы, которые определяют международную конкурентоспособность фирмы той или иной страны. Таким образом, модель Портера является мощным инструментом для определения источника локальных конкурентных преимуществ для национальных компаний, но «ромб конкурентоспособности» не имеет ничего общего с конкурентоспособностью стран в глобальной экономике.

В более поздних работах, можно увидеть еще как минимум две линии атаки на модель М. Портера со стороны представителей «чистой экономической науки».

Во-первых, по Портеру, в глобальной экономике конкурируют не страны, а фирмы из этих стран, для которых международная торговля представляет собой игру с отрицательной суммой. Поскольку в модели М. Портера конкурентоспособность компаний определяет уровень национальной конкурентоспособности, отсюда следует, что и для отдельных стран торговля является игрой с отрицательной суммой. Это вступает в острое противоречие с установившимся в теории торговли консенсусом, согласно которому, международная торговля – это игра с положительной суммой.

Во-вторых, несмотря на то, что в модели М. Портера государство является экзогенной переменной (наряду со случайными событиями), его высказывание о том, что правительство должно сосредоточить свое внимание на устранении препятствий, мешающих повышению факторной производительности и развитию кластерной инициативы, было

воспринято рядом экономистов как призыв к политике неопротекционизма.

На наш взгляд, ключевой проблемой модели М. Портера является то, что изменения в характере общественного воспроизводства вызванные глобализацией (унификация институтов, глобальная инфраструктура, единые «правила игры», интегрирующая роль новых технологий) «размывают» локально создаваемые конкурентные преимущества. Проблема в том, что теория М. Портера возникла в тот период, когда глобализация только начинала оказывать заметное влияние на развитие производительных сил. Сейчас теория национальной конкурентоспособности устарела по форме, поскольку противостояние локальное (национальное) vs. глобальное (транснациональное) в современной экономике во многом утратило свой смысл в силу транспарентности границ глобальной экономики. Как, впрочем, и косвенная роль правительства в создании конкурентной среды, что особенно ярко проявилось в условиях последнего глобального экономического кризиса и наращивания государственного присутствия в экономиках даже самых либерально настроенных стран.

Однако, как это ни парадоксально, политэкономическая суть теории, идея о факторной производительности как источнике конкурентоспособности национальной экономики не утратила своей актуальности. В условиях глобализации экономики на место локальной конкуренции по М. Портеру приходит конкуренция извне (глобальная), которая благодаря транспарентности границ и снижению барьеров входа на локальные и мировые рынки берет на себя функции, ранее относящиеся к «компетенции» местных (локальных) субъектов – обеспечивая доступ к ресурсам и капиталу, нивелируя тем самым конкурентные преимущества национальных компаний.

В настоящий момент ведущим фактором развития общественного воспроизводства выступает не локальная, а глобальная (внешняя) конкуренция, что еще раз возвращает нас к тезису о роли эффективности стратегий в условиях универсальных «правил игры» на мировых рынках.

1.2 Корреляционный анализ как инструмент верификации теории национальной конкурентоспособности

Как мы уже упоминали выше, в первом параграфе монографии, несмотря на то, что в экономической литературе не существует единого понимания категории «национальная конкурентоспособность», сформировался определенный консенсус, под влиянием идей М. Портера, – производительность труда определяет конкурентоспособность страны, темпы ее роста и качество жизни граждан, увязывая воедино социальные и экономические аспекты этого феномена[37].

Однако данные, характеризующие состояние, например, российской экономики, демонстрируют явное противоречие между динамикой производительности труда, темпами экономического роста и уровнем национальной конкурентоспособности, что и актуализирует тематику данной части монографии.

Методология исследования

Методология исследования базируется на теоретических предпосылках, сформулированных в работе М. Портера «Конкуренция»[38]: во-первых, уровень национальной конкурентоспособности определяется факторной производительностью; во-вторых, конечной целью роста национальной конкурентоспособности является повышение качества жизни населения. Следовательно, рост конкурентоспособности национальной экономики должен сопровождаться и увеличением темпов роста самой экономики, как фактора, обеспечивающего повышение качества жизни населения.

Отсюда и вытекает гипотеза нашего исследования: между конкурентоспособностью национальной экономики, темпами

[37] Шкиотов С.В. Верификация модели национальной конкурентоспособности М. Портера на примере стран БРИКС // Экономический анализ: теория и практика. 2014, №2 (353)
[38] Портер М. Конкуренция. М.: Вильямс, 2002. – 496 с.

роста экономики и динамикой производительности труда должна существовать статистически значимая взаимосвязь. Таким образом, определив изменение уровня национальной конкурентоспособности для экономик стран БРИКС в долгосрочном временном интервале, наложив их на динамику показателей производительности труда и темпов экономического роста, можно, таким образом, верифицировать ряд ключевых положений теории М. Портера.

Выбор девятилетнего временного интервала (2008-2016 гг.) в исследовании обусловлен двумя факторами: 1) методология исследования ВЭФ постоянно меняется, необходимо обеспечить сопоставимость используемых данных, что возможно достичь в средне- и долгосрочном интервале; 2) данный период времени охватывает развитие мировой экономики с учетом последствий преодоления мирового финансового кризиса 2008-09 гг. и рецессии 2014-16 гг.

В настоящий момент существует большое число ежегодно публикуемых исследований, так или иначе затрагивающих тематику межстрановой компаративистики, однако непосредственно проблематике национальной конкурентоспособности посвящено два пользующихся всеобщим признанием доклада: «О глобальной конкурентоспособности» Всемирного экономического форума (ВЭФ) и «Мировой ежегодник конкурентоспособности» Международного института развития менеджмента (МИРМ)[39].

Для оценки динамики конкурентоспособности экономик стран БРИКС в долгосрочном временном интервале был выбран доклад ВЭФ, поскольку:

- доклад выходит ежегодно и имеет огромную накопленную фактологическую базу протяженностью в 35 лет;

[39] Шкиотов С.В., Маркин М.И. Оценка влияния функционирования таможенного союза на конкурентоспособность российской экономики // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2016, № 1. С. 130-136.

- исследование, в отличие от своего аналога «Мирового ежегодника конкурентоспособности», распространяется абсолютно бесплатно и находится в открытом доступе;

- имеет внутреннюю логику, широкий спектр анализируемых индикаторов (более 100) и стран (135), учитывает мнение локального экспертного сообщества[40].

Как мы отмечали ранее, проблема заключается в том, что за прошедшие 30 лет методология ВЭФ неоднократно менялась: с 2005 г. для оценки уровня конкурентоспособности экономик рассчитывается Индекс глобальной конкурентоспособности (ИГК, Global Competitiveness Index, GCI), что обеспечило сопоставимость данных за ряд последующих лет. При этом под конкурентоспособностью экономики ВЭФ понимает набор институтов, политик и факторов, определяющих уровень производительности в стране[41].

Как известно, производительность труда отражает объем продукции, создаваемый одним работником за единицу времени. Производительность труда рассчитывается как отношение ВВП (или ВДС) к числу занятых, либо к количеству отработанного времени (в часах)[42]. Межстрановые сравнения производительности труда проводятся рядом международных организаций, исследовательских компаний и институтов, экономических департаментов государственных структур, таких как: Организация экономического сотрудничества и развития (OECD), The Conference Board, McKinsey Global Institute (MGI), Американское бюро статистики труда (BLS USA) и др. В этом исследовании были использованы данные о динамике производительности труда экономиках стран БРИКС, предоставленные The Conference Board – некоммерческой

[40] Шкиотов С.В. Взаимосвязь динамики показателей национальной конкурентоспособности и экономического роста // Теоретическая экономика. 2013. №3. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www.theoreticaleconomy.info/articles/768.pdf

[41] Шкиотов С.В. Верификация модели национальной конкурентоспособности М. Портера на примере стран БРИКС // Экономический анализ: теория и практика. 2014, №2 (353)

[42] Нагимова А.М. Экономические условия жизнедеятельности как определяющий компонент качества жизни населения региона: социологический анализ // Экономический вестник Республики Татарстан. 2007. № 4. С.70 – 75.

глобальной компанией, существующей в 60 странах мира в виде 1300 объединенных корпораций[43]. Компания занимается проведением международных конференций по вопросам экономики, разработкой и реализацией как глобальных бизнес-исследований, так и исследований в интересах конкретной страны, имеет огромную накопленную базу макроэкономической статистики по странам мира.

Для проверки выдвинутой гипотезы мы использовали корреляционный анализ. Значения коэффициента корреляции Пирсона важно для исследований, в которых значение показателя близко к нормальному. Он принимает значение в интервале от −1 до +1. Отрицательные значения, свидетельствуют о наличии обратной связи между показателями, положительные – о прямой связи. При значении коэффициента корреляции равного 0, связь между показателями отсутствует. Для классификации связи по значению линейного коэффициента корреляции используется шкала Чеддока (см. табл. 1.2.1).

Таблица 1.2.1 – Шкала Чеддока для оценки корреляции[44]

	0 : 0,1	0,11 : 0,3	0,31 : 0,5	0,51 : 0,7	0,71 : 0,9	0,91 : 0,99	0,991 : 1
характеристика связи	отсутствует	слабая	умеренная	заметная	тесная	сильная	функциональная

Вывод о наличии или отсутствии корреляционной связи между исследуемыми показателями можно сделать лишь после проверки значимости коэффициента корреляции. Это связано с тем, что надежность коэффициента корреляции зависит от объема выборки, не исключена ситуация, когда величина коэффициента корреляции будет целиком связана со случайными

[43] Total Economy Database. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: https://www.conference-board.org/data/economydatabase/index.cfm?id=27762

[44] Жданов В.Ю., Афанасьева О.А. Модель Жданова: диагностики риска банкротства предприятий авиационно-промышленного комплекса // Корпоративные финансы. 2011. №4.

изменениями в выборке. При проведении нашего исследования для проверки значимости коэффициента корреляции мы установили уровень значимости в 5%.

Основная часть

Далее обратимся к анализу исследуемых показателей по странам БРИКС.

Россия

Российская экономика за последние девять лет улучшила свои позиции в рейтинге ВЭФ, поднявшись с 51 на 43 место (табл. 1.2.2). Произошли существенные улучшения в таких детерминантах конкурентоспособности как институты, инфраструктура, высшее образование и профессиональная подготовка, а также развитость бизнеса. При этом резко отрицательную динамику продемонстрировали две детерминанты – макроэкономическая среда и эффективность рынка труда.

Таблица 1.2.2 – Конкурентоспособность России по оценке ВЭФ, 2008-17[45]

	2008-09 гг.	2009-10 гг.	2010-11 гг.	2011-12 гг.	2012-13 гг.	2013-14 гг.	2014-15 гг.	2015-16 гг.	2016-17 гг.
Место в рейтинге ВЭФ	**51**	**63**	**63**	**66**	**67**	**64**	**53**	**45**	**43**
Субиндексы									
Базовые условия:	**56**	**64**	**65**	**63**	**53**	**47**	**44**	**47**	**59**
• Институты	110	114	118	128	133	121	97	100	88
• Инфраструктура	59	71	47	48	47	45	39	35	35
• Макроэкономическая среда	29	36	79	44	22	19	31	40	91
• Здравоохранение и начальное образование	59	51	53	68	65	71	56	56	62
Факторы эффективности:	**50**	**52**	**53**	**55**	**54**	**51**	**41**	**40**	**38**
• Высшее образование и профессиональная подготовка	46	51	50	52	52	47	39	38	32
• Эффективность товарных рынков	99	108	123	128	134	126	99	92	87

[45] Рассчитано по: The Global Competitiveness Report 2008-09; 2009-10; 2010-11; 2011-12; 2012-13; 2013-14; 2014-15; 2015-16; 2016-17.

• Эффективность рынка труда	27	43	57	65	84	72	45	50	49
• Развитость финансового рынка	112	119	125	127	130	121	110	95	108
• Технологический уровень	67	74	69	68	57	59	59	60	62
• Размер рынка	8	7	8	8	7	7	7	6	6
Факторы инноваций:	**73**	**73**	**80**	**97**	**108**	**99**	**75**	**76**	**66**
• Развитость бизнеса	91	95	101	114	119	107	86	80	72
• Инновации	48	51	57	71	85	78	65	68	56

Таблица 1.2.3 – Динамика исследуемых показателей в России, 2008-16 гг.[46]

Годы	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Место в рейтинге глобальной конкурентоспособности, ВЭФ	51	63	63	66	67	64	53	45	43
Производительность труда в расчете на одного занятого, в тыс. долл. США	51308	48442	50247	51703	52968	53779	54046	51474	51345

[46] Составлено авторами по:
World Development Indicators. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=RUS&id=556d8fa6&report_name=Popular_countries&populartype=country&ispopular=y;
The Global Competitiveness Report 2016–2017. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf;
Total Economy Database. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: https://www.conference-board.org/data/economydatabase/index.cfm?id=27762

Темпы экономического роста российской экономики, в %	5.2	-7.8	4.5	4.3	3.5	1.3	0.7	-3.7	-0.1

Далее, проведем визуальный анализ данных представленных в таблице 1.2.3, построив диаграмму рассеивания, в статистическом пакете RStudio (рис. 1.2.1).

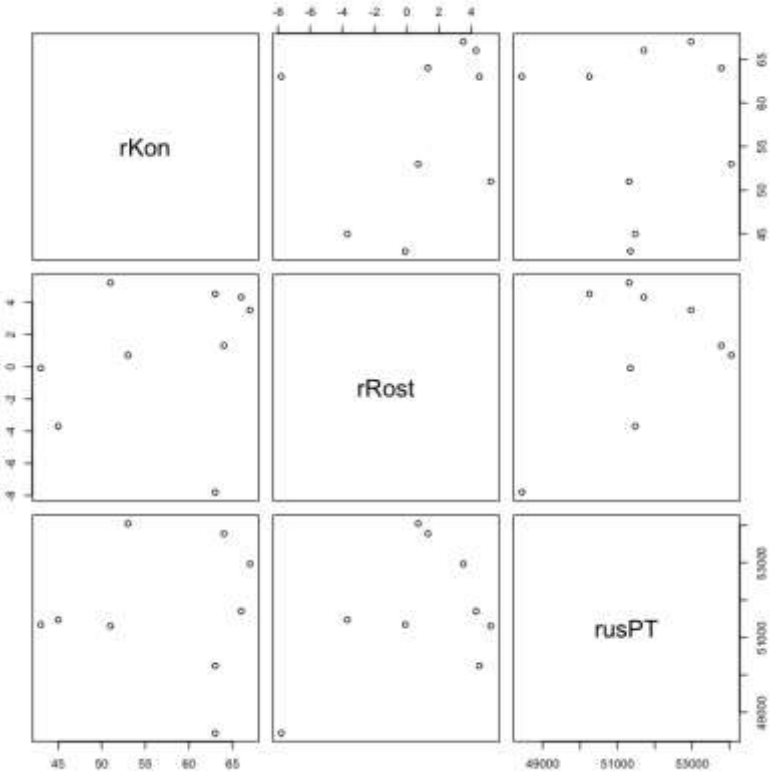


Рис. 1.2.1. Диаграмма рассеивания для российской экономики

(rKon – конкурентоспособность; rRost – темпы роста экономики; rusPT – производительность труда)[47]

Визуальный анализ диаграммы не дал информации о наличии какой-либо связи между исследуемыми показателями. Поэтому далее мы построим матрицу корреляции для исследуемых показателей (см. табл. 1.2.4).

Таблица 1.2.4 – Корреляционная матрица для российской экономики без временного лага[48]

	Конкурентоспособность	Темпы роста экономики	Производительность труда
Конкурентоспособность	1,000000	0,228132	-0,002752
Рост ВВП	0,228132	1,000000	0,440317
Производительность труда	-0,002752	0,440317	1,000000

Данные таблицы 1.2.4 показывают, что существенной связи между конкурентоспособностью и другими показателями нет. При этом проверка значимости говорит о том, что *данные коэффициенты не значимы*, а, следовательно, *корреляционная связь между исследуемыми показателями отсутствует*.

Таблица 1.2.5 - Корреляционная матрица для российской экономики с временным лагом в 1 год[49]

	Конкурентоспособность	Рост ВВП	Производительность труда
Конкурентоспособность	1,000000	0.3969717	-0.4748935
Рост ВВП	0.3969717	1,000000	0.4366643
Производительность труда	-0.4748935	0.4366643	1,000000

[47] Построено авторами
[48] Построено авторами
[49] Построено авторами

Данные таблицы 1.2.5, а также проведенная проверка значимости показывает, что данные коэффициенты не значимы, а следовательно, можно утверждать об отсутствии корреляционной связи между исследуемыми показателями.

Бразилия

Таблица 1.2.6 – Конкурентоспособность Бразилии по оценке ВЭФ, 2008-17[50]

	2008-09 гг.	2009-10 гг.	2010-11 гг.	2011-12 гг.	2012-13 гг.	2013-14 гг.	2014-15 гг.	2015-16 гг.	2016-17 гг.
Место в рейтинге ВЭФ	**64**	**56**	**58**	**53**	**48**	**56**	**57**	**75**	**81**
Субиндексы									
Базовые условия:	**96**	**91**	**86**	**87**	**73**	**79**	**83**	**103**	**103**
• Институты	91	93	93	77	79	80	94	121	120
• Инфраструктура	78	74	62	64	70	71	76	74	72
• Макроэкономическая среда	122	109	111	115	62	75	85	117	126
• Здравоохранение и начальное образование	79	79	87	87	80	89	77	103	99
Факторы эффективности:	**51**	**42**	**44**	**41**	**38**	**44**	**42**	**55**	**61**

[50] Рассчитано по: The Global Competitiveness Report 2008-09; 2009-10; 2010-11; 2011-12; 2012-13; 2013-14; 2014-15; 2015-16; 2016-17.

• Высшее образование и профессиональная подготовка	58	58	58	57	66	72	41	93	84
• Эффективность товарных рынков	101	99	114	113	104	123	123	128	128
• Эффективность рынка труда	91	80	96	83	69	92	109	122	117
• Развитость финансового рынка	64	51	50	43	46	50	53	58	93
• Технологический уровень	56	46	54	54	48	55	58	54	59
• Размер рынка	10	10	10	10	9	9	9	7	8
Факторы инноваций:	**42**	**38**	**38**	**35**	**39**	**46**	**56**	**64**	**72**
• Развитость бизнеса	35	32	31	31	33	39	47	56	63
• Инновации	43	43	42	44	49	55	62	84	100

За исследуемый временной интервал экономика Бразилии существенно ухудшила свои позиции в рейтинге глобальной конкурентоспособности ВЭФ (-17 позиций). Более того, все детерминанты национальной конкурентоспособности, за исключением трех, показали резко отрицательную динамику.

Таблица 1.2.7 – Динамика исследуемых показателей в Бразилии, 2008-16 гг.[51]

Годы	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Место в рейтинге глобальной конкурентоспособности, ВЭФ	64	56	58	53	48	56	57	75	81
Производительность труда в расчете на одного занятого, в тыс. долл. США	29272	29078	30064	30626	30599	31082	30663	29414	28176
Темпы экономического роста бразильской экономики, в %	5.2	-7.8	4.5	4.3	3.5	1.3	0.7	-3.7	n/a

На основе визуального анализа рисунка 1.2.2 мы можем сделать предположение о том, что существует обратная связь между конкурентоспособностью и производительностью труда, при отсутствии взаимосвязи между конкурентоспособностью и темпами роста ВВП в экономике Бразилии. Для подтверждения или опровержения наших предположений построим матрицу корреляции для исследуемых показателей без временного лага и с временным лагом 1 год по исследуемым показателям (табл. 1.2.8 и 1.2.9).

[51] Составлено авторами по:
World Development Indicators. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=RUS&id=556d8fa6&report_name=Popular_countries&populartype=country&ispopular=y;
The Global Competitiveness Report 2016–2017. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf;
Total Economy Database. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: https://www.conference-board.org/data/economydatabase/index.cfm?id=27762

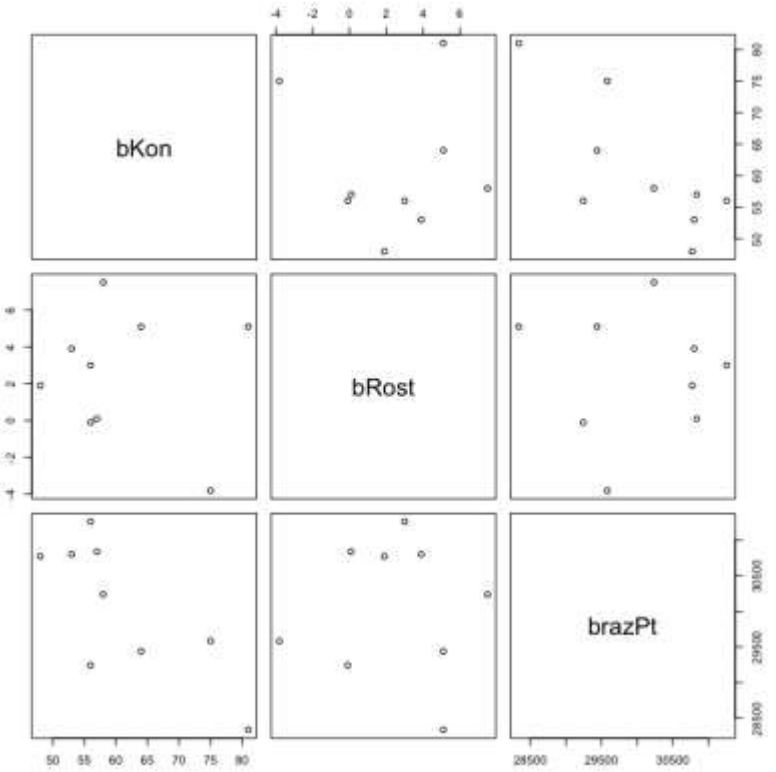


Рис. 1.2.2. Диаграмма рассеивания для экономики Бразилии

(bKon – конкурентоспособность; bRost – темпы роста экономики; BrazPT – производительность труда)[52]

[52] Построено авторами

Таблица 1.2.8 - Корреляционная матрица для Бразилии без временного лага[53]

	Конкурентоспособность	Рост ВВП	Производительность труда
Конкурентоспособность	1,000000	-0,091413	-0,776641
Рост ВВП	-0,091413	1,000000	-0,028392
Производительность труда	-0,776641	-0,028392	1,000000

По данным таблицы 1.2.8 видно, что существует тесная связь между конкурентоспособностью и производительностью труда и отсутствует между другими факторами. Проведя проверку значимости для данной пары показателей, мы можем говорить о наличии *существенной корреляционной связи между конкурентоспособностью и производительностью труда*.

Таблица 1.2.9 - Корреляционная матрица для Бразилии с временным лагом в 1 год[54]

	Конкурентоспособность	Рост ВВП	Производительность труда
Конкурентоспособность	1,000000	-0.8022259	-0.1925055
Рост ВВП	-0.8022259	1,000000	0.2273357
Производительность труда	-0.1925055	0.2273357	1,000000

По данным таблицы 1.2.9 видно, что существует тесная связь между конкурентоспособностью и темпом роста ВВП экономики Бразилии и отсутствует между другими факторами (рост ВВП в текущем периоде, создаст предпосылки для повышения конкурентоспособности страны в следующем году). Проведя проверку значимости данного коэффициента корреляции, мы делаем вывод о существовании *существенной*

[53] Построено авторами
[54] Построено авторами

корреляционной связи между темпами роста ВВП и конкурентоспособностью национальной экономики.

Индия

Экономика Индии в долгосрочной перспективе показала положительную динамику в рейтинге глобальной конкурентоспособности, поднявшись на 11 позиций. Детерминант, в которых по итогам девяти лет произошли значительные улучшения, не много – макроэкономическая среда и здравоохранение и начальное образование. Серьезное ухудшение условий можно выделить в таких детерминантах конкурентоспособности как высшее образование и профессиональная подготовка, технологический уровень, эффективность товарных рынков.

Таблица 1.2.10 – Конкурентоспособность Индии по оценке ВЭФ, 2008-17[55]

	2008-09 гг.	2009-10 гг.	2010-11 гг.	2011-12 гг.	2012-13 гг.	2013-14 гг.	2014-15 гг.	2015-16 гг.	2016-17 гг.
Место в рейтинге ВЭФ	**50**	**49**	**51**	**56**	**59**	**60**	**71**	**55**	**39**
Субиндексы									
Базовые условия:	**80**	**79**	**81**	**91**	**85**	**96**	**92**	**80**	**63**
• Институты	53	54	58	69	70	72	70	60	42
• Инфраструктура	72	76	86	89	84	85	87	81	68
• Макроэкономическая среда	109	96	73	105	99	110	101	91	75
• Здравоохранение и начальное образование	100	101	104	101	101	102	98	84	85

[55] Рассчитано по: The Global Competitiveness Report 2008-09; 2009-10; 2010-11; 2011-12; 2012-13; 2013-14; 2014-15; 2015-16; 2016-17.

Факторы эффективности:	**33**	**35**	**38**	**37**	**39**	**42**	**61**	**58**	**46**
• Высшее образование и профессиональная подготовка	63	66	85	87	86	91	93	90	81
• Эффективность товарных рынков	47	48	71	70	75	85	95	91	60
• Эффективность рынка труда	89	83	92	81	82	99	112	103	84
• Развитость финансового рынка	34	16	17	21	21	19	51	53	38
• Технологический уровень	69	83	86	93	96	98	121	120	110
• Размер рынка	5	4	4	3	3	3	3	3	3
Факторы инноваций:	**27**	**28**	**42**	**40**	**43**	**41**	**52**	**46**	**30**
• Развитость бизнеса	27	27	44	43	40	42	57	52	35
• Инновации	32	30	39	38	41	41	49	42	29

Таблица 1.2.11 – Динамика исследуемых показателей в Индии, 2008-16 гг.[56]

Годы	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Место в рейтинге глобальной конкурентоспособности, ВЭФ	50	49	51	56	59	60	71	55	39
Производительность труда в расчете на одного занятого, в тыс. долл. США	9991	10538	11616	12466	13460	14145	14889	15662	16407
Темпы экономического роста индийской экономики, в %	3.9	8.5	10.3	6.6	5.6	6.6	7.2	7.6	n/a

На основе визуальной оценки рисунка 1.2.3 мы не может сказать о наличии связи между исследуемыми переменными. Любопытно, что диаграмма рассеивания для экономики Индии демонстрирует практически линейный рост производительности труда. Для подтверждения или опровержения нашей гипотезы, вновь построим матрицу корреляции для исследуемых показателей без временного лага и с временным лагом в 1 год (табл. 1.2.12 и 1.2.13).

[56] Составлено авторами по:
World Development Indicators. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=RUS&id=556d8fa6&report_name=Popular_countries&populartype=country&ispopular=y;
The Global Competitiveness Report 2016–2017. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf;
Total Economy Database. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: https://www.conference-board.org/data/economydatabase/index.cfm?id=27762

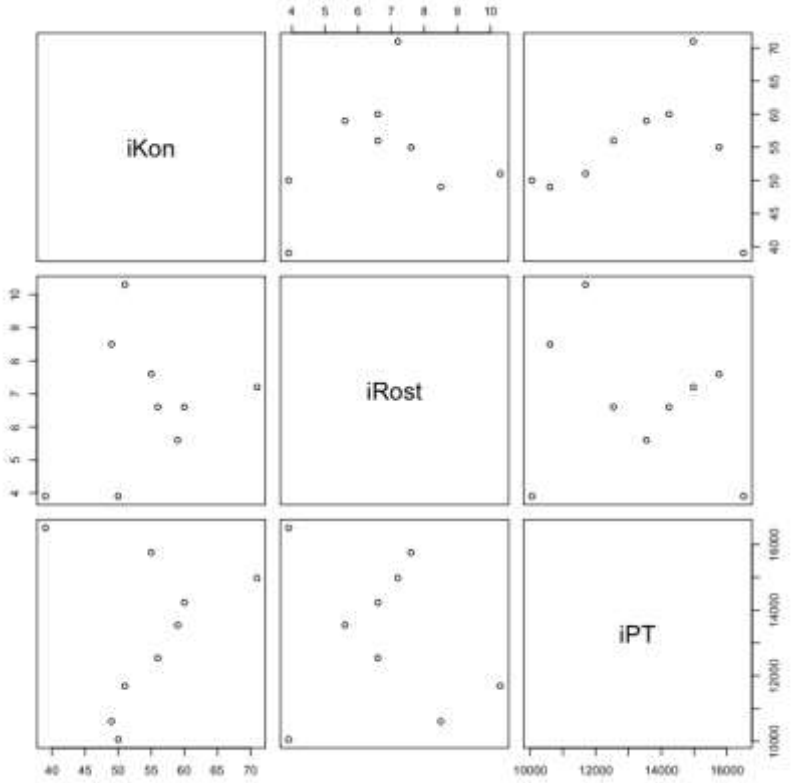


Рис. 1.2.3. Диаграмма рассеивания для Индии

(iKon – конкурентоспособность; iRost – темпы роста экономики; iPT – производительность труда)[57]

[57] Построено авторами

Таблица 1.2.12 – Корреляционная матрица для Индии без временного лага[58]

	Конкурентоспособность	Рост ВВП	Производительность труда
Конкурентоспособность	1,000000	0,249430	0,120721
Рост ВВП	0,249430	1,000000	-0,207656
Производительность труда	0,120721	-0,207656	1,000000

Данные представленные в таблице 1.2.12 показывают, что существенной связи между конкурентоспособностью и другими факторами нет. При этом проверка значимости говорит о том, что данные коэффициенты не значимы, а следовательно, можно смело утверждать об *отсутствии корреляционной связи между исследуемыми показателями.*

Таблица 1.2.13 – Корреляционная матрица для Индии с временным лагом в 1 год[59]

	Конкурентоспособность	Рост ВВП	Производительность труда
Конкурентоспособность	1,000000	0.07009804	0.01777123
Рост ВВП	-0.07009804	1,000000	0.08066835
Производительность труда	0.01777123	0.08066835	1,000000

Данные таблицы 1.2.13 подтверждают сделанный выше вывод.

[58] Построено авторами
[59] Построено авторами

Китай

Таблица 1.2.14 – Конкурентоспособность Китая по оценке ВЭФ, 2008-17[60]

	2008-09 гг.	2009-10 гг.	2010-11 гг.	2011-12 гг.	2012-13 гг.	2013-14 гг.	2014-15 гг.	2015-16 гг.	2016-17 гг.
Место в рейтинге ВЭФ	**30**	**29**	**27**	**26**	**29**	**29**	**28**	**28**	**28**
Субиндексы									
Базовые условия:	**42**	**36**	**30**	**30**	**31**	**31**	**28**	**28**	**30**
• Институты	56	48	49	48	50	47	47	51	45
• Инфраструктура	47	46	50	44	48	48	46	39	42
• Макроэкономическая среда	11	8	4	10	11	10	10	8	8
• Здравоохранение и начальное образование	50	45	37	32	35	40	46	44	41
Факторы эффективности:	**40**	**32**	**29**	**26**	**30**	**31**	**30**	**32**	**30**
• Высшее образование и профессиональная подготовка	64	61	60	58	62	70	65	68	54
• Эффективность товарных рынков	51	42	43	45	59	61	56	58	56
• Эффективность рынка труда	51	32	38	36	41	34	37	37	39
• Развитость финансового рынка	109	81	57	48	54	54	54	54	56

[60] Рассчитано по: The Global Competitiveness Report 2008-09; 2009-10; 2010-11; 2011-12; 2012-13; 2013-14; 2014-15; 2015-16; 2016-17.

• Технологический уровень	77	79	78	77	88	85	83	74	74
• Размер рынка	2	2	2	2	2	2	2	1	1
Факторы инноваций:	**32**	**29**	**31**	**31**	**34**	**34**	**33**	**34**	**29**
• Развитость бизнеса	43	38	41	37	45	45	43	38	34
• Инновации	28	26	26	29	33	32	32	31	30

Китайская экономика, несмотря на то, что за последние девять лет стала второй крупнейшей экономикой мира, в рейтинге ВЭФ улучшила свое положение всего на 2 позиции за рассматриваемый период. Существенные положительные сдвиги произошли в двух детерминантах конкурентоспособности – эффективности рынка труда, а также развитости финансового рынка. Небольшое ухудшение позиций можно отметить в таких детерминантах как эффективность товарных рынков и инновации.

Таблица 1.2.15 – Динамика исследуемых показателей в Китае, 2008-16 гг.[61]

Годы	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Место в рейтинге глобальной конкурентоспособности, ВЭФ	30	29	27	26	29	29	28	28	28

[61] Составлено авторами по:
World Development Indicators. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=RUS&id=556d8fa6&report_name=Popular_countries&populartype=country&ispopular=y;
The Global Competitiveness Report 2016–2017. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf;
Total Economy Database. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: https://www.conference-board.org/data/economydatabase/index.cfm?id=27762

Производительность труда в расчете на одного занятого, в тыс. долл. США	14314	15645	17363	19086	20571	22183	23783	25449	27148
Темпы экономического роста китайской экономики, в %	9.7	9.4	10.6	9.5	7.9	7.8	7.3	6.9	n/a

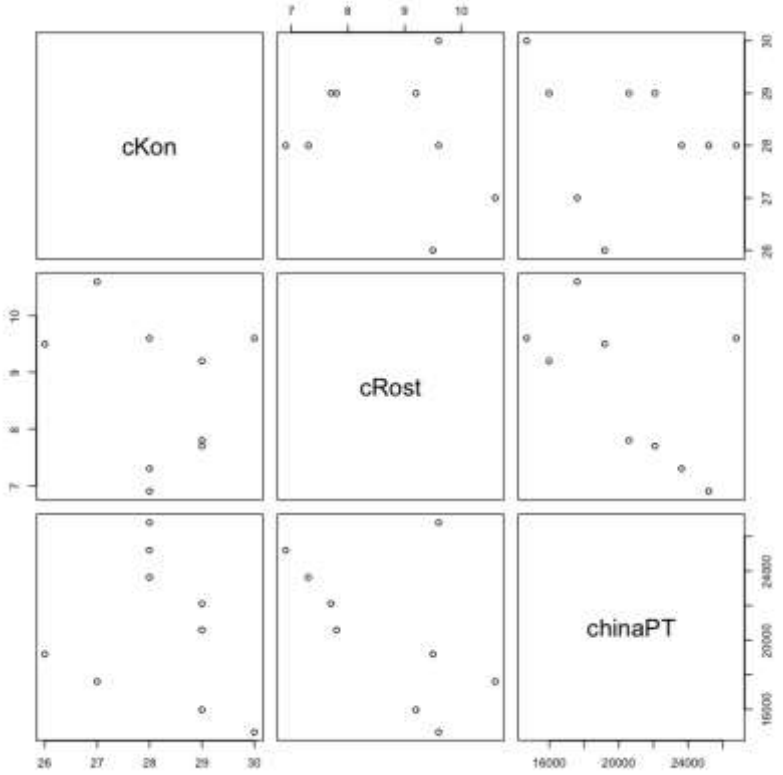


Рис. 1.2.4. Диаграмма рассеивания для Китая[62]

[62] Построено авторами

(cKon – конкурентоспособность; cRost – темпы роста экономики; ChinaPT – производительность труда)

Рисунок 1.2.4 позволяет идентифицировать связь между темпами роста экономики и производительностью труда. Для подтверждения или опровержения наших предположений построим матрицу корреляции для исследуемых показателей без временного лага и с временным лагом в 1 год (табл. 1.2.16 и 1.2.17).

Таблица 1.2.16 – Корреляционная матрица для Китая без временного лага[63]

	Конкурентоспособность	Рост ВВП	Производительность труда
Конкурентоспособность	1,000000	-0,249878	-0,231237
Рост ВВП	-0,249878	1,000000	-0,537236
Производительность труда	-0,231237	-0,537236	1,000000

Данные таблицы 1.2.16 указывают на слабую линейную связь между конкурентоспособностью и производительностью труда и ростом ВВП. Проведенная проверка значимости показала, что данные коэффициенты не значимы, а следовательно, можно сделать вывод об отсутствии корреляционной связи между исследуемыми показателями. При этом существует заметная связь между темпами роста экономики Китая и производительностью труда, но она не значима при выбранном в исследовании уровне значимости (5%).

[63] Построено авторами

Таблица 1.2.17 – Корреляционная матрица для Китая с временным лагом в 1 год[64]

	Конкурентоспособность	Рост ВВП	Производительность труда
Конкурентоспособность	1,000000	-0.354349	0.1184548
Рост ВВП	-0.354349	1,000000	-0.8545713
Производительность труда	0.1184548	-0.8545713	1,000000

По данным таблицы 1.2.17 мы видим, что корреляционная связь высокая и значимая (на любом уровне значимости) только между темпами роста китайской экономики и производительностью труда.

ЮАР

Таблица 1.2.18 – Конкурентоспособность ЮАР по оценке ВЭФ, 2008-17[65]

	2008-09 гг.	2009-10 гг.	2010-11 гг.	2011-12 гг.	2012-13 гг.	2013-14 гг.	2014-15 гг.	2015-16 гг.	2016-17 гг.
Место в рейтинге ВЭФ	**45**	**45**	**54**	**50**	**52**	**35**	**56**	**49**	**47**
Субиндексы									
Базовые условия:	**69**	**77**	**79**	**85**	**84**	**38**	**89**	**85**	**84**
• Институты	46	45	47	46	43	58	36	38	40
• Инфраструктура	48	45	63	62	63	10	60	68	64
• Макроэкономическая среда	63	68	43	55	69	116	89	85	79
• Здравоохранение и начальное образование	122	125	129	101	132	30	132	126	123

[64] Построено авторами

[65] Рассчитано по: The Global Competitiveness Report 2008-09; 2009-10; 2010-11; 2011-12; 2012-13; 2013-14; 2014-15; 2015-16; 2016-17.

Факторы эффективности:	**35**	**39**	**42**	**38**	**37**	**28**	**43**	**41**	**35**
• Высшее образование и профессиональная подготовка	57	65	75	73	84	26	86	83	77
• Эффективность товарных рынков	31	35	40	32	32	63	32	38	28
• Эффективность рынка труда	88	90	97	95	113	115	113	107	97
• Развитость финансового рынка	24	5	9	4	3	97	7	12	11
• Технологический уровень	49	65	76	76	62	26	66	50	49
• Размер рынка	23	24	25	25	25	14	25	29	30
Факторы инноваций:	**36**	**39**	**43**	**39**	**42**	**32**	**37**	**36**	**31**
• Развитость бизнеса	33	36	38	38	38	33	31	33	30
• Инновации	37	41	44	41	42	34	43	38	35

Экономика Южно-Африканской Республики за рассматриваемый период времени ослабила свои конкурентные позиции, сместившись с 45 на 47 место в рейтинге ВЭФ. Развитость финансового рынка – единственный фактор, показавший значительную положительную динамику в докладе о глобальной конкурентоспособности, за девять лет. Можно отметить существенное ухудшение условий в следующих детерминантах: инфраструктура, макроэкономическая среда, высшее образование и профессиональная подготовка.

Таблица 1.2.19 – Динамика исследуемых показателей в ЮАР, 2008-16 гг.[66]

Годы	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Место в рейтинге глобальной конкурентоспособности, ВЭФ	45	45	54	50	52	35	56	49	47
Производительность труда в расчете на одного занятого, в тыс. долл. США	42034	42311	44370	44040	43910	43551	43395	42283	41652
Темпы экономического роста экономики ЮАР, в %	3.2	-1.5	3.0	3.3	2.2	2.3	1.6	1.3	n/a

[66] Составлено авторами по:
World Development Indicators. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=RUS&id=556d8fa6&report_name=Popular_countries&populartype=country&ispopular=y;
The Global Competitiveness Report 2016–2017. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf;
Total Economy Database. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: https://www.conference-board.org/data/economydatabase/index.cfm?id=27762

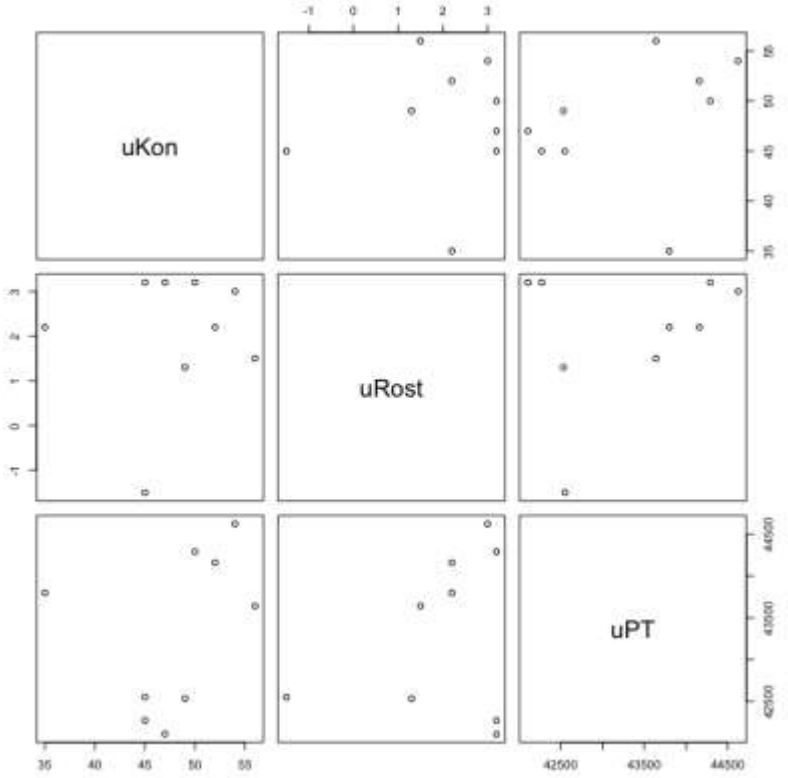


Рис. 1.2.5. Диаграмма рассеивания для ЮАР[67]

(uKon – конкурентоспособность; uRost – темпы роста экономики; uPT – производительность труда)

График 1.2.5 не позволяет сделать вывод о наличии связи между исследуемыми показателями. Для подтверждения или опровержения вывода, построим матрицу корреляции для

[67] Построено авторами

исследуемых показателей без временного лага и с временным лагом в 1 год (табл. 1.2.20 и 1.2.21).

Таблица 1.2.20 – Корреляционная матрица для ЮАР без временного лага[68]

	Конкурентоспособность	Рост ВВП	Производительность труда
Конкурентоспособность	1,000000	0,100422	0,319548
Рост ВВП	0,100422	1,000000	0,264616
Производительность труда	0,319548	0,264616	1,000000

Данным таблицы 1.2.20 показывают, что есть умеренная линейная связь между конкурентоспособностью и производительностью труда, а также между производительностью труда и ростом ВВП экономики ЮАР. Впрочем, проверка значимости указывает на то, что данные коэффициенты не значимы, а следовательно, корреляционная связь между исследуемыми показателями отсутствует.

Таблица 1.2.21 – Корреляционная матрица для ЮАР с временным лагом в 1 год[69]

	Конкурентоспособность	Рост ВВП	Производительность труда
Конкурентоспособность	1,000000	-0.2561443	-0.03893195
Рост ВВП	-0.2561443	1,000000	0.47685078
Производительность труда	-0.03893195	0.47685078	1,000000

Данные таблицы 1.2.21 указывают на отсутствие какой-либо корреляционной связи, все коэффициенты корреляции незначимы.

[68] Построено авторами
[69] Построено авторами

Таким образом, в результате этой части монографии мы пришли к следующим выводам:

1. Российская экономика за последние девять лет улучшила свои позиции в рейтинге ВЭФ, поднявшись с 51 на 43 место. Производительность труда в России за последние девять лет практически не изменилась, рост этого показателя в 2012-14 гг. был нивелирован резким снижением, наблюдавшимся последние два года. Это непосредственно связано с отрицательными темпами экономического роста российской экономики, зафиксированными в этот же интервал времени.

2. Результаты анализа позволили нам выделить 3 группы стран, в зависимости от наличия/отсутствия статистически значимой связи между исследуемыми показателями:

- Россия, Индия, ЮАР: в этих странах, как показывает корреляционный анализ, отсутствует статистически значимая связь между исследуемыми показателями;

- Китай: корреляционный анализ показал, что существует заметная связь между темпами роста экономики Китая и производительностью труда, но она не значима при выбранном в исследовании уровне значимости (5%);

- Бразилия: корреляционный анализ указывает на наличие существенной корреляционной связи между темпами роста ВВП и конкурентоспособностью национальной экономики.

3. В целом можно говорить о том, что между исследуемыми показателями не наблюдается статистически значимой взаимосвязи. С одной стороны, это может объясняться недостаточностью выборки для проведения корреляционного анализа, а с другой – указывает на острую необходимость переосмысления самой категории «национальная конкурентоспособность», и дальнейшую верификацию теории национальной конкурентоспособности М. Портера.

1.3 Корреляционный анализ как инструмент оценки влияния функционирования таможенного союза на конкурентоспособность российской экономики

В рамках данного раздела монографии мы рассмотрим, как изменялся уровень конкурентоспособности российской экономики за период 2011-15 гг. по версии Всемирного экономического форума (ВЭФ), существует ли корреляция с динамикой товаропотоков в рамках Таможенного союза. При этом мы исходим из предположения о том, что создание Таможенного союза генерирует ряд эффектов интеграции, которые оказывают влияние на уровень конкурентоспособности российской экономики.

Здесь необходимо сделать несколько методологических пояснений:

- среднесрочный (пятилетний) интервал исследования обусловлен с одной стороны – периодом функционирования Таможенного союза (фактически действует с 01.07.2011 г.), а с другой – постоянным изменением методологии оценки конкурентоспособности ВЭФ[70];

- несмотря на то, что к настоящему моменту участниками Таможенного союза являются пять государств, речь в работе будет идти только о трех странах: России, Белоруссии и Казахстане (ТС РБК), что объясняется отсутствием накопленной внешнеторговой статистики по новым членам объединения.

Итак, согласно данным последнего доклада ВЭФ, российская экономика в 2015-16 году третий год подряд усиливает свои позиции в рейтинге глобальной конкурентоспособности (2005-06 гг. – 53 место; 2006-07 гг. – 62; 2007-08 гг. – 58; 2008-09 гг. – 51; 2009-10 гг. – 63; 2010-11 гг. – 63; 2011-12 гг. – 66; 2012-13 гг. – 67; 2013-14 гг. – 64; 2014-15 гг.

[70] См. подробнее: Шкиотов С.В. Верификация модели национальной конкурентоспособности М. Портера на примере стран БРИКС // Экономический анализ: теория и практика. – 2014. - №2 (353).

– 53), заняв в этом бенчмаркинге 45 место из 140 экономик мира[71]. Анализ данных, представленных в этом докладе (табл. 1.3.1), показывает, что за 2015-16 год российской экономике удалось существенно улучшить такие детерминанты конкурентоспособности как: эффективность товарных рынков (+7 позиций по сравнению с прошлым годом), развитость финансового рынка (+15), развитость бизнеса (+6). Значительное ухудшение конкурентных позиций национальной экономики наблюдается по двум детерминантам: макроэкономическая среда (-9 позиций) и эффективность рынка труда (-5).

Как указывают авторы доклада: «Улучшение позиций России в рейтинге на 8 пунктов во многом связано с пересмотром МВФ паритета покупательной способности российской валюты, что привело к 40% увеличению ВВП экономики, измеренной по ППС»[72].

Таблица 1.3.1 – Россия в отчете о глобальной конкурентоспособности, 2014-16 гг.[73]

	2014-15 гг.	2015-16 гг.	тренд
Место в рейтинге ВЭФ	53 (из 144)	45 (из 140)	
Субиндексы			
Базовые условия:	**44**	**47**	**-3**
• Институты	97	100	**-3**
• Инфраструктура	39	35	**+4**
• Макроэкономическая среда	31	40	**-9**
• Здравоохранение и начальное образование	56	56	**0**

[71] The Global Competitiveness Report 2015–2016. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2015-2016

[72] The Global Competitiveness Report 2015–2016. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2015-2016

[73] Приведено по: The Global Competitiveness Report 2015–2016. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2015-2016; The Global Competitiveness Report 2014–2015. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2014-2015

Факторы эффективности:	**41**	**40**	**+1**
• Высшее образование и профессиональная подготовка	39	38	**+1**
• Эффективность товарных рынков	99	92	**+7**
• Эффективность рынка труда	45	50	**-5**
• Развитость финансового рынка	110	95	**+15**
• Технологический уровень	59	60	**-1**
• Размер рынка	7	6	**+1**
Факторы инноваций:	**75**	**76**	**-1**
• Развитость бизнеса	86	80	**+6**
• Инновации	65	68	**-3**

К конкурентным преимуществам российской экономики можно отнести: размер внутреннего рынка (7), размер государственного долга (10), охват населения высшим образованием (19), заработную плату и производительность (24) и ряд других показателей[74].

Конкурентными недостатками российской экономики, по мнению экспертов ВЭФ, являются: защита прав частной собственности (122 место рейтинга из 140-х экономик), степень государственного регулирования экономики (116 место), защита интересов миноритариев (116), эффективность антимонопольной политики (102), высокие входные барьеры на рынок (111), доступность новых технологий (108), ПЗИ и трансфер технологий (123) и пр.[75].

Далее обратимся к динамике рейтинга конкурентоспособности российской экономики за последние пять лет.

Анализ данных, представленных в докладе ВЭФ, показывает, что в среднесрочном интервале российской экономике удалось существенно улучшить все детерминанты конкурентоспособности (табл. 1.3.2). Вместе с тем, нельзя не

[74] The Global Competitiveness Report 2015–2016. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2015-2016

[75] The Global Competitiveness Report 2015–2016. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2015-2016

отметить, что перечень конкурентных преимуществ и недостатков российской экономики за эти годы в докладах ВЭФ практически не изменился.

Так, конкурентные преимущества российской экономики можно агрегировать в три группы: 1) макроэкономическая стабильность; 2) система высшего образования; 3) инфраструктура.

В свою очередь, конкурентные недостатки российской экономики традиционно связаны: 1) со слабостью институтов; 2) неразвитостью конкуренции; 3) низкой технологической готовностью.

Таблица 1.3.2 – Россия в отчете о глобальной конкурентоспособности (ВЭФ), 2011-15 гг.[76]

	2011-12 гг.	2012-13 гг.	2013-14 гг.	2014-15 гг.	2015-16 гг.	тренд
Место в рейтинге ВЭФ	**66** (из 142)	**67** (из 144)	**64** (из 148)	**53** (из 144)	**45** (из 140)	
Субиндексы						
Базовые условия: • Институты • Инфраструктура • Макроэкономическая среда	**63** 128 48 44	**53** 133 47 22	**47** 121 45 19	**44** 97 39 31	**47** 100 35 40	**+16** **+28** **+13** **+4**

[76] Приведено по: The Global Competitiveness Report 2015–2016. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2015-2016; The Global Competitiveness Report 2014–2015. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2014-2015; The Global Competitiveness Report 2013–2014. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2013-2014; The Global Competitiveness Report 2012–2013. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2012-2013; The Global Competitiveness Report 2011–2012. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2011-2012

• Здравоохранение и начальное образование	68	65	71	56	56	**+12**
Факторы эффективности:	**55**	**54**	**51**	**41**	**40**	**+15**
• Высшее образование и профессиональная подготовка	52	52	47	39	38	**+14**
• Эффективность товарных рынков	128	134	126	99	92	**+36**
• Эффективность рынка труда	65	84	72	45	50	**+15**
• Развитость финансового рынка	127	130	121	110	95	**+15**
• Технологический уровень	68	57	59	59	60	**+32**
• Размер рынка	8	7	7	7	6	**+2**
Факторы инноваций:	**97**	**108**	**99**	**75**	**76**	**+21**
• Развитость бизнеса	114	119	107	86	80	**+34**
• Инновации	71	85	78	65	68	**+3**

Неизменность выделенных конкурентных преимуществ отечественной экономики можно объяснить тем, что они во многом опираются на государственную поддержку, которая была обусловлена высокой ценовой конъюнктурой мировых товарных рынков. В то время как постоянство конкурентных недостатков российской экономики связано, прежде всего, со слабостью институциональной среды, которая безотносительно страновой принадлежности изменяется крайне медленно.

Выделив конкурентные преимущества и недостатки российской экономики, обратимся к анализу эффектов, возникающих при создании и функционировании интеграционного объединения стран.

В экономической литературе эта тема была исследована довольно давно. Еще в 1950 году Якобом Вайнером в работе «Проблема таможенного союза» были раскрыты не только

положительные, но и отрицательные эффекты создания таможенного союза[77]. Причем, часть эффектов вступает в действие сразу же после создания таможенного союза и действует в краткосрочном временном интервале (статические эффекты интеграции), другие же проявляются лишь в долгосрочной перспективе (динамические эффекты интеграции). Сейчас, спустя полвека после выхода этой знаковой работы, в экономической науке сформировался определенный консенсус в отношении эффектов, возникающих при создании таможенного союза.

Эффектами (статическими и динамическими), которые увеличивают выгоды стран-участниц союза являются:

- эффект создания торговли – преимущества, получаемые экономиками за счет объединения таможенных границ и открытия рынков;
- эффект расширения внутреннего рынка – выгоды от экономии за счет масштабов производства, растущего внутреннего спроса на инвестиции, более динамичного экономического роста;
- эффект усиления конкурентного давления на отрасли – при отсутствии торговых барьеров внутри таможенного союза предприятия сталкиваются с конкуренцией со стороны соседей по интеграционному объединению, что заставляет их повышать свою эффективность.

Эффектами (статическими и динамическими), которые уменьшают благосостояние стран-участниц союза являются:

- эффект отклонения торговли – осуществление коллективного протекционизма в отношении третьих стран, не входящих в таможенный союз, причем этот эффект проявляется двояко, но в обоих случаях отрицательно – с одной стороны, через снижение благосостояния населения, сталкивающегося с удорожанием импортных товаров, с другой, – снижение доходов

[77] Viner J. The Customs Union Issue. New York, Carnegie Endowment for International Peace, 1950.

правительства, вызванное экономическим неравенством участников союза;

- эффект перетока ресурсов – риски, связанные с неоптимальной аллокацией ресурсов – от бедных к более богатым экономикам.

Несмотря на то, что в настоящий момент нельзя сделать однозначных выводов о соотношении выгод и издержек, связанных с созданием ТС РБК в силу целого ряда обстоятельств[78], можно оценить динамику товаропотоков в рамках союза.

Таблица 1.3.3 – Динамика товаропотоков в рамках ТС РБК, 2011-15 гг. (млн долл. США)[79]

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г. (январь-август)
Экспорт в страны вне ТС РБК (внешняя торговля)	581 397,4	593 661,8	587 667,9	556 800,3	256 747,0
Экспорт в страны ТС РБК (взаимная торговля)	63 100,9	67 856,4	64 520,0	58 511,0	30 335,1
Импорт из стран вне ТС РБК (внешняя торговля)	325 833,8	340 924,2	345 292,9	311 896,3	133 194,6
Импорт из стран ТС РБК (взаимная торговля)	63 049,0	67 776,7	64 372,0	58 431,5	30 677,3
Внешнеторговый оборот внешней торговли (сумма экспорта и импорта)	126 149,9	135 633,1	128 892,0	116 942,5	61 012,4

[78] а) короткий период наблюдения данных эффектов в рамках действующего объединения; б) институционализация союза еще не завершена: многие институты, процедуры, практики только формируются; в) в каждой стране имеются отрасли экономики как выигравшие, так и проигравшие в результате создания ТС РБК; г) на статистику деятельности ТС РБК оказывают влияние экзогенные шоки (нестабильная ценовая конъюнктура сырьевых рынков, девальвация национальных валют и т.д.)

[79] Внешняя и взаимная торговля товарами Евразийского экономического союза. [Электрон. данные]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/time_series/Pages/default.aspx

Внешнеторговый оборот взаимной торговли (сумма экспорта и импорта)	907 231,2	934 586,0	932 960,8	868 696,6	389 941,6

Поскольку речь идет о среднесрочном интервале – времени фактического функционирования ТС РБК, динамические эффекты интеграции еще не оказывают существенного влияния на деятельность союза. Именно поэтому подавляющая часть исследований, посвященных оценке влияния эффектов интеграции на деятельность ТС РБК связана с анализом двух статических эффектов – создания торговли (положительный) и отклонения торговли (отрицательный)[80].

Более того, обобщая результаты этих исследований, можно сделать ряд выводов:

- создание ТС РБК в целом не оказало существенного влияния на торговлю стран-участниц с третьими экономиками – значение снижения тарифных барьеров преувеличено. Торговля в рамках союза, во всяком случае в первые годы его существования, существенно увеличилась – во многом благодаря снижению нетарифных барьеров внутри союза, а также ряду «ненаблюдаемых факторов»[81].

[80] См. например: Plekhanov A., Isakova F. Customs Union and Kazakhstan's Imports / CASE Network Studies & Analyses No.442. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.case-research.eu/sites/default/files/publications/CNSA_2012_442.pdf; How Much Do Tariffs Matter? Evidence from the Customs Union of Belarus, Kazakhstan and Russia. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.ebrd.com/downloads/research/economics/workingpapers/wp0154.pdf; Islyami A. The impact of Russia, Kazakhstan and Belarus Customs Union: Gravity approach. Preliminary version. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://hompi.sogang.ac.kr/sgrime/apts2014/Paper2014/Islyami,%20Aidan.pdf; Шкодинский С.В. Анализ текущих и прогнозных оценок от участия Российской Федерации в Таможенном союзе // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. – 2014. - №4; Trade Impact of Non-Tariff Trade Costs. An Assessment of the Eurasian Customs Union. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://apps.eui.eu/Personal/Researchers/Mkrtchyan/Trade_NonTariffCosts_Customs_Union.pdf

[81] How Much Do Tariffs Matter? Evidence from the Customs Union of Belarus, Kazakhstan and Russia. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.ebrd.com/downloads/research/economics/workingpapers/wp0154.pdf

• являясь крупнейшей экономикой союза, Россия попросту «не заметила» никаких эффектов создания таможенного союза – «вес» остальных стран-участниц слишком мал, иными словами, существенного эффекта отклонения торговли не наблюдается. Вместе с тем, существует крайне пессимистичная оценка Всемирного Банка, согласно которой, российскую экономику (как и другие страны союза) ждет тренд на снижение ВВП, а большинство отраслей окажется под ударом в результате преобладания эффекта отклонения торговли (над эффектом создания)[82].

Итак, с помощью методов экономико-математического моделирования построим модель отражающую взаимосвязь динамики уровня конкурентоспособности российской экономики и динамики темпов товарооборота в рамках ТС РБК (в среднесрочном временном интервале). В начале определим есть ли взаимосвязь между исследуемыми показателями: рейтингом конкурентоспособности российской экономики (в докладе ВЭФ) и динамикой внешнеторгового оборота ТС РБК (внешней торговлей союза). Анализ зависимостей традиционно начинается с визуализации данных, для этого построим диаграмму рассеивания (рис. 1.3.1).

Диаграмма показывает, что при снижении внешнеторгового товарооборота ТС РБК (внешней торговли) рейтинг конкурентоспособности российской экономики повышается! Далее оценим тесноту связи между выбранными показателями (рис. 1.3.2). Для этого воспользуемся выборочным коэффициентом корреляции Пирсона, определяющийся равенством:

$$r_{xy} = \frac{\left(\sum_{i=1}^{n}(x_i-\bar{x})(y_i-\bar{y})\right)}{n \cdot S_x \cdot S_y} \qquad (1.3.1)$$

где $x_i\, y_{,i}$ - варианты зависимой (парной) выборки, т.е. выборочные значения признаков X и Y, выбираемых парами;

[82] Lúcio Vinhas de Souza. An Initial Estimation of the Economic Effects of the Creation of the EurAsEC Customs Union on Its Members. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://siteresources.worldbank.org/INTPREMNET/Resources/EP47.pdf

n - объем выборки;

S_x, S_y – выборочные средние квадратические отклонения;

$\bar{x}, \bar{y}$ - выборочные средние

Для интерпретации коэффициентом корреляции используется следующая шкала:

$0{,}01 \leq r_{xy} \leq 0{,}29$–слабая связь;

$0{,}3 \leq r_{xy} \leq 0{,}69$ – умеренная связь;

$0{,}7 \leq r_{xy} \leq 1$– сильная связь.

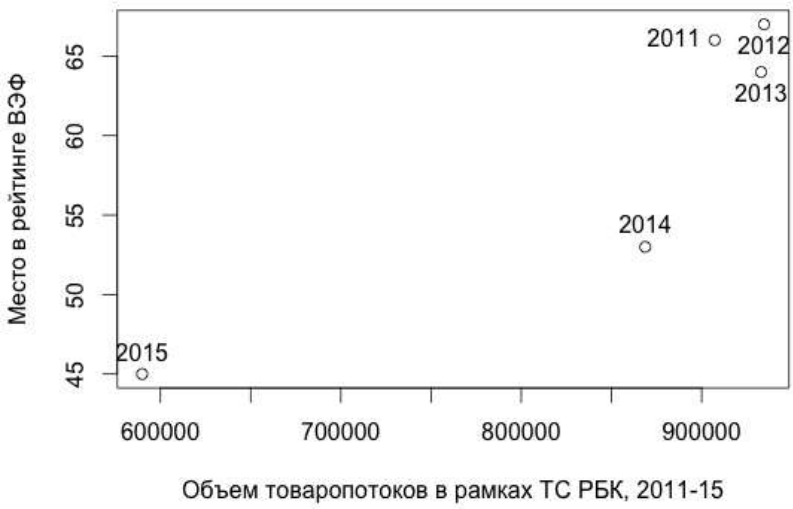


Рис.1.3.1. Диаграмма рассеивания

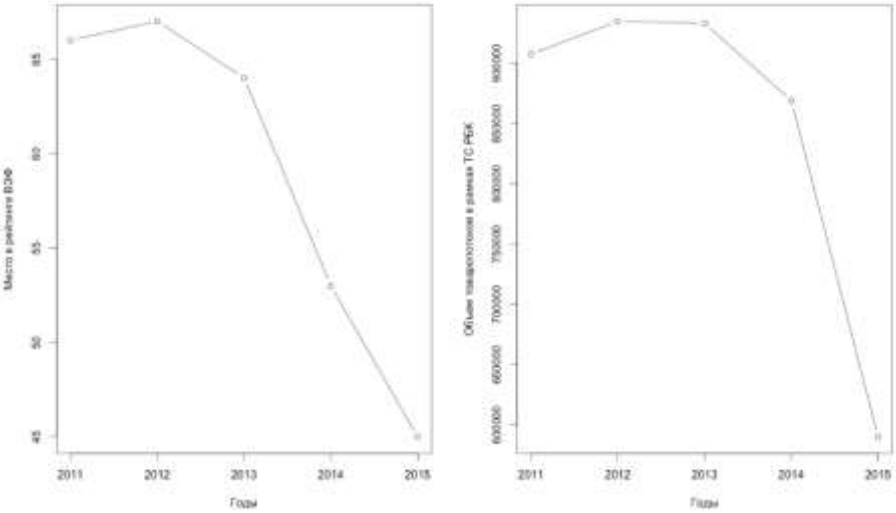


Рис. 1.3.2. Динамика внешнеторгового оборота ТС РБК и места в рейтинге конкурентоспособности ВЭФ, 2011-15 гг.

Для проведения анализа под Y будем рассматривать значение уровня конкурентоспособности российской экономики в докладе ВЭФ (место в рейтинге), а под X уровень внешнеторгового товарооборота в рамках ТС РБК (показатели внешней торговли). Известно, что если величины Y и X являются независимыми, то коэффициент корреляции генеральных совокупностей $\rho_{xy} = 0$, а если Y и X связаны линейной функциональной зависимостью, то $\rho_{xy} = \pm 1$. Таким образом, коэффициент корреляции характеризует силу линейной связи между исследуемыми величинами.

Для оценки значимости показателя корреляции используем статистику Стьюдента с n-2 степенями свободы:

$$t_{\text{р}} = \sqrt{n-2} \cdot \frac{r_{xy}}{\sqrt{1-r_{xy}^2}} \qquad (1.3.2)$$

Сформулируем нулевую гипотезу, она состоит в предположении о незначимости парного коэффициента корреляции, т.е. $H0: r_{xy} = 0$.

Обратная или конкурирующая гипотеза состоит в предположении о значимости парного коэффициента корреляции, т.е. $H1: r_{xy} \neq 0$.

Если $t_p > t_{кр}(\alpha, n-2)$, то нулевая гипотеза на уровне значимости α отвергается и связь между переменными значима. В нашем случае примем уровень значимости 5%, как наиболее часто используемый в экономических расчетах (допускает возможность ошибки в 5% случаев).

В программе R-Studio для оценки коэффициента корреляции используется функция cor(), а проверку гипотезы о значимости показателя корреляции осуществляется функцией cor.test(). В результате анализа получили следующие данные:

```
##
##  Pearson's product-moment correlation
##
## data:  Место в рейтинге and Объем товаропотоков
## t = 3.4561, df = 3, p-value = 0.04076
## alternative hypothesis: true correlation is not
equal to 0
## 95 percent confidence interval:
##  0.0555939 0.9930239
## sample estimates:
##       cor
## 0.8940103
```

Результаты анализа позволяют подтвердить зависимость, видимую на диаграмме рассеивания:

- имеется сильная положительная связь между исследуемыми показателями – коэффициент корреляции $r_{xy} = 0.8940103$;

- расчетный коэффициент корреляции попадает в доверительный интервал $0.056 \leq r_{xy} \leq 0.993$;
- при $\alpha = 5\%$ гипотеза о значимости коэффициента корреляции правдива (p-value = 0.04076< 5%). *Это означает, что существует статистически значимая обратная взаимосвязь (математически прямая) между рейтингом конкурентоспособности российской экономики (в докладе ВЭФ) и динамикой внешнеторгового оборота ТС РБК (показателей внешней торговли союза).*

В заключение этого раздела монографии можно сделать следующие выводы:

1. Учитывая характер конкурентных преимуществ и недостатков российской экономики, можно прогнозировать существенное снижение рейтинга национальной конкурентоспособности в докладе ВЭФ в ближайшие годы (на 10-15 позиций вниз, рейтинг меняется инерционно). Так, антироссийские санкции наряду с экзогенными шоками и структурными диспропорциями российской экономики, привели к тому, что уже в первый год после событий на Украине можно наблюдать: снижение объемов реального ВВП, дефицит консолидированного бюджета, увеличение размера государственного долга, резкое сокращение потребительского спроса (емкости рынка), секвестирование расходов на поддержку высшего образования, девальвацию национальной валюты и т.д. По сути, из трех групп конкурентных преимуществ российской экономики – первые две, в настоящий момент, находятся под серьезнейшим внешнеполитическим и экономическим давлением. Учитывая, что в России нет собственного производства элементов ИКТ-инфраструктуры с одной стороны, а с другой – антироссийские санкции могут в любой момент затронуть и технологический сектор экономики, перекрыв доступ к западным телекоммуникационным технологиям, третья группа конкурентных преимуществ также находится в зоне риска.

2. Парадоксальный вывод о существовании статистически значимой обратной взаимосвязи (математически прямой) между рейтингом конкурентоспособности российской экономики (в докладе ВЭФ) и динамикой внешнеторгового оборота ТС РБК (внешней торговлей союза) может, в определенной степени, объясняться следующими факторами:

- динамика внешнеторгового оборота ТС РБК испытывает серьезное воздействие со стороны экзогенных факторов: эффекта обесценения национальных валют, понижательной ценовой конъюнктуры мировых сырьевых рынков, рецессией в крупнейшей экономике союза – России и ряда других «ненаблюдаемых факторов»;

- методология расчета рейтинга конкурентоспособности ВЭФ непосредственно не учитывает уровень интеграционной активности стран, их вовлеченность в глобализационные процессы;

- может существовать определенный лаг между изменением показателей внешнеторгового товарооборота стран союза и их влиянием на уровень конкурентоспособности национальной экономики;

- интеграционные эффекты от создания ТС РБК не оказали никакого существенного влияния на экономику России (в силу ее масштаба), уровень ее конкурентоспособности определяется совершенно иными факторами и процессами.

ГЛАВА 2. РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ: ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ

2.1 Агломерационная экономика, территориальная концентрация и специализация регионов

Изучение тенденций территориального размещения производительных сил, возникающих и развивающихся процессов концентрации и агломерации экономической активности, изменений региональной специализации позволяет прицельно проводить региональную политику. Важно понимать, какие условия должны создаваться для привлечения новых производств; какова будет численность населения в будущем и за счет чего произойдет ее изменение; получит ли должный эффект предоставление субсидий; какие транспортные направления необходимо развивать в первую очередь. На сегодняшний день теории размещения производительных сил доказали свою несостоятельность: факторы «первой природы» перестали объяснять эффективность развития многих видов экономической деятельности и их сосредоточение в отдельных регионах. На почве совершенствования имеющихся научных положений в данной области произошло возникновение таких ультрасовременных течений в науке, как новая экономическая география, новая и новейшая теории международной торговли, создаются предпосылки для их объединения в единую доктрину. Происходит постоянное тестирование теоретических положений в регионах различных стран мира. Проведение эмпирического анализа на базе регионов России (Растворцева, 2013) позволило показать определенную специфику и выявить некоторые противоречия в положениях имеющихся теорий размещения.

Целью этой части исследования, результаты которого положены в основу данного раздела монографии, является теоретическое обоснование и анализ размещения экономической

активности в части оценки концентрации и специализации регионов России в динамике.

Современная экономическая наука рассматривает положения теорий размещения производительных сил в двух основных направлениях: с позиции новой экономической географии (в рамках изучения и объяснения концентрации экономической активности в отдельных регионах) и с позиции новой теории торговли (объяснение положений приграничных регионов при конкретных условиях торговли). Проверка адекватности теоретических положений в региональной экономике стран мира позволит привнести новые аспекты в развитие данной области знаний, послужить не только предметом дополнительных исследований, но и основой для пересмотра и дополнения теорий размещения производительных сил.

Актуальной задачей, на решение которой направлены современные мировые исследования в области региональной экономики, является создание единой теории, объясняющей процессы территориальной концентрации и рассеивания населения, трудовых ресурсов, других факторов производства и благосостояния населения (Ottaviano et al., 2003). За попытку объединения теорий размещения и международной торговли в 2008 году был удостоен Нобелевской премии американский экономист П. Кругман. При этом актуальность исследования в данной области возрастает.

Подчеркнем место и роль отечественной (в том числе, советской) науки в развитии данной области знаний. Известно, что классиками в теории размещения производительных сил являются А. Вебер, И. Тюнен, А. Леш, В. Кристаллер, Д. Норт, А. Маршалл, У. Айзард и другие зарубежные исследователи. Однако данное направление весьма успешно развивалось и среди отечественных ученых в 60-70-е годы XX века. К их числу считаем необходимым отнести В.С. Немчинова, А.Е. Пробста, Н.Н. Некрасова, А.Г. Гранберга, Ю.А. Шаталина, И.Г. Шилина, А.Г. Аганбегяна, А.Т. Хрущева, Н.Т. Агафонова, П.Я. Бакланова, М.К. Бандмана и др. Сложность интерпретации результатов их исследований в современных условиях заключается в том, что

они были написаны для плановой экономики. Но надо отметить, что ряд наработок советских авторов предвосхищал зарубежные исследования, а отдельные выводы сохранили свою актуальность и на сегодняшний день.

В данной части монографии мы не будем перечислять современных российских исследователей, которые занимаются развитием теории размещения производительных сил, из опасения оставить кого-либо без заслуженного внимания. Такой обзор должен являться предметом самостоятельной монографии. Здесь мы можем сослаться на замечательную работу «Эволюция научных взглядов на теорию размещения производительных сил» (авторы Е.Г. Анимица, П.Е. Анимица, О.Ю. Денисова) и согласиться с авторами в том, что дальнейшие исследования отечественных ученых в области размещения производительных сил, развития отношений пространственных социально-экономических систем, изучение особенностей локализации и функционирования экономической активности отдельных территорий с учетом наработок новой экономической географии позволят внести значимый вклад в региональную экономику (Анимица и др., 2014).

Размещение экономической активности в регионе характеризуется уровнем концентрации, агломерации и *специализации*. Если последняя однозначно рассматривается относительно региона и оценивает степень доминирования какого-либо вида экономической деятельности (или равномерное ее распределение), то различия между концентрацией и агломерацией в литературе не столь очевидны. Для начала рассмотрим, что такое концентрация.

Концентрация определяется в отношении вида экономической деятельности, сектора, подсектора, промышленной группы и т.п. и означает степень сосредоточения или разреженности промышленного производства в рамках конкретной территории. Необходимо различать абсолютную и относительную концентрацию. Сектор промышленности является *абсолютно сконцентрированным*, если несколько стран, независимо от их размеров, составляют довольно

значимые доли в общем объеме данного производства (Midelfart-Knavik et al., 2000). Сектор промышленности является *относительно сконцентрированным*, если какой-то один вид деятельности отличается от тех, которые в среднем наиболее распространены в объемах промышленного производства в странах. Неоклассическая теория обычно имеет дело с относительной концентрацией, новая экономическая география – с абсолютной, новая теория торговли предусматривает оба вида (Haaland et ak., 1999).

Мы считаем, что концентрация отражает распределение в географическом пространстве конкретных видов экономической деятельности, в то время, как *агломерация* свидетельствует о целесообразности размещения совершенно разных видов активности на общей территории. Например, черная и цветная металлургия в Свердловской области – это концентрация, а сосредоточение предприятий разных отраслей в Белгородской области – это агломерация. И концентрация, и агломерация могут иметь место в одном и том же регионе, но агломерация является более общим процессом, так как обычно затрагивает несколько отраслевых срезов. Считаем, что правомерно будет утверждение, что «агломерационный процесс – это концентрация экономической активности в регионе (в городе) в динамике», но нельзя сказать, что концентрация – это обязательно агломерационный процесс.

Ввиду того, что в кругу экономистов и географов термин «агломерация» ассоциируется скорее с городскими агломерациями (определенный тип системы расселения, состоящий из нескольких городов), мы предлагаем остановиться подробнее на данной научной категории. Агломерация − это кластеризация экономической деятельности, созданная и поддерживаемая круговой логикой на многих уровнях: от местных торговых районов, обслуживающих близлежащие жилые области в городах, до специализированных экономических регионов, таких, как Силиконовая Долина (или

Лондон-Сити), обслуживающих мировой рынок в целом (Fujita et al., 1999, p.1) [83].

Термин "агломерация" (*agglomeration*) был введен впервые Альфредом Вебером в 1905 году для обозначения возникающего взаимного притяжения между предприятиями, располагающимися в одной местности. Сегодня в экономической литературе проводится четкое разграничение двух типов агломерации (в зависимости от возникающих экстерналий) – размещение в одном месте предприятий одного вида деятельности и разных.

В первом случае принято говорить об «экономике локализации» (*localization economics*). Здесь возникают эндогенные эффекты от специализации (экстерналии размещения) и появляются экзогенные источники дополнительной выгоды. Пионером в данной области исследования был А. Маршалл. Он показал, что взаимодействия между предприятиями на одной территории приводят к росту производительности всех факторов производства. Эмпирически такая агломерация оценивается показателями концентрации.

Во втором случае, когда предприятия разных видов экономической деятельности предпочитают размещаться в одном географическом месте, принято говорить об экономике урбанизации (urbanization economics). Именно здесь происходит пересечение термина с «городской» агломерацией, более принятой в российской экономической географии. Выгоды предприятий возрастают от сосредоточения экономической деятельности и связаны уже с разнообразием. Ключевой принцип, лежащий в основе экономического механизма возникновения агломерационного процесса в регионе, заключается в том, что при производстве разнообразных потребительских и промежуточных товаров определенное значение имеют три группы факторов: возрастающая отдача (на

[83] В оригинале: Agglomeration - the clustering of economic activity, created and sustained by some sort of circular logic-occurs at many levels, from the local shopping districts that serve surrounding residential areas within cities to specialized economic regions like Silicon Valley (or the City of London) that serve the world market as a whole

уровне отдельного предприятия), транспортные издержки и миграция рабочей силы и, соответственно, потребителей.

Для анализа размещения определенных видов экономической деятельности в регионах мы можем использовать традиционный показатель локализации:

$$LQ = \frac{\frac{E_{ij}}{E_i}}{\frac{E_j}{E}} = \frac{\frac{E_{ij}}{E_j}}{\frac{E_i}{E}}, \qquad (2.1.1)$$

где LQ – коэффициент локализации;

E_{ij} – численность занятых в секторе экономики j в регионе i;

E_i – общая численность занятых в регионе i;

E_j – численность занятых в секторе экономики j;

E – общая численность занятых в стране;

j – сектор экономики;

i – регион.

Коэффициент локализации показывает, во сколько раз концентрация конкретного вида экономической деятельности превышает средний показатель по стране. То есть, коэффициент локализации характеризует регион относительно специфики промышленного производства. Расчеты показателя можно производить не только по численности занятых в секторе экономики, но и по объему выпуска и стоимости основных фондов.

Данный коэффициент имеет хорошее прикладное назначение и широко используется в рамках разработки и проведения региональной экономической политики. Ранее в работе (Rastvortseva et al., 2013) нами была предложена и апробирована методика с применением коэффициента локализации, позволяющая выявлять в регионе потенциальные кластеры. Например, в Белгородской области эмпирически было выявлено пять экономических кластеров: агропромышленный,

добывающий, металлургической промышленности, по производству машин и оборудования и строительный.

Еще одним методическим инструментом анализа размещения экономической активности является индекс Херфиндаля-Хиршмана (*Herfindahl–Hirschman Index* (*HHI*)). Для его расчета в качестве исходных показателей, по которым будет проводиться оценка, определим объем промышленного производства, объем инвестиций в основной капитал и численность занятых в экономике:

$$HHI = \sum_{i=1}^{n} x^2 \quad \text{HHI} = \sum_{i=1}^{n} x_i^2, \qquad (2.1.2)$$

где x_i^2 - доля региона *i* в общем объеме совокупности.

Индекс Херфиндаля-Хиршмана может использоваться и для оценки географической концентрации (HHI_j^C), и для региональной специализации (HHI_i^S):

$$HHI_j^C = \sum_{i=1}^{n} \left(\frac{E_{ij}}{E_j} \right)^2, \qquad (2.1.3)$$

$$HHI_i^S = \sum_{j=1}^{m} \left(\frac{E_{ij}}{E_i} \right)^2, \qquad (2.1.4)$$

Индекс Херфиндаля-Хиршмана считается *абсолютной мерой концентрации или специализации*. Индекс Херфиндаля возрастает с увеличением степени концентрации или специализации, достигая верхнего предела 1 в том случае, когда отрасль *j* сосредоточена в одном регионе или регион *i* специализируется только в одной отрасли. Основным недостатком индекса ХХИ является чувствительность его нижнего предела к числу наблюдений: самый низкий уровень

концентрации составляет 1/*n* (когда все регионы имеют равные доли в отрасли *j*), а самая низкая специализация 1/*m* (когда все виды экономической деятельности имеют равные доли в области *i*). В качестве абсолютной меры этот показатель имеет еще один важный недостаток: крупные по показателю регионы из-за их большого удельного веса в значительной степени влияют на изменения в концентрации / специализации (индекс смещается в сторону больших регионов).

Степень концентрации экономической активности в регионе оценивается индексом Джини (Gini index (*G*)):

$$G = 1 - 2\sum_{i=1}^{k} dx_i dy_i^n + \sum_{i=1}^{k} dx_i dy_i , \qquad (2.1.5)$$

где dx_i - доля *i*-ой группы в общем объеме совокупности;

dy_i - доля *i*-ой группы в общем объеме признака;

dy_i^n - накопленная доля *i*-ой группы в общем объеме признака.

Коэффициент Джини изменяется от 0 до 1.

Индекс неоднородности Кругмана (*Krugman Dissimilarity Index* (*KDI*)) считается *относительной мерой концентрации или специализации*. Индекс Кругмана дает оценку концентрации по отдельным секторам экономики (KDI_j^C) и специализации по регионам (KDI_i^S):

$$KDI_j^C = \sum_{i=1}^{n} \left| \frac{E_{ij}}{E_j} - \frac{E_i}{E} \right|, \qquad (2.1.6)$$

$$KDI_i^S = \sum_{j=1}^{m} \left| \frac{E_{ij}}{E_i} - \frac{E_j}{E} \right|. \qquad (2.1.7)$$

Относительный показатель специализации / концентрации Кругмана используется для сравнения одного региона / сектора с экономикой страны в целом. Значение показателя варьируется в диапазоне от 0 (идентичные территориальные / отраслевые структуры) до 2 (совершенно неоднородные структуры).

Индексы концентрации CR_3, CR_4, CR_5 показывают, какая доля занятых в промышленном секторе сконцентрирована в трех, четырех или пяти наиболее крупных по этому показателю регионах:

$$CR_{3j} = \sum_{i=1}^{3} \frac{E_{ij}}{E_j}, \quad (2.1.8)$$

$$CR_{4j} = \sum_{i=1}^{4} \frac{E_{ij}}{E_j}, \quad (2.1.9)$$

$$CR_{5j} = \sum_{i=1}^{5} \frac{E_{ij}}{E_j}. \quad (2.1.10)$$

Динамику индекса Херфиндаля-Хиршмана мы рассчитали по трем показателям: объему промышленного производства, инвестициям в основной капитал и численности занятых в экономике. Результаты по 80 российским регионам в 1990-2015 гг. представлены на рисунке 2.1.1.

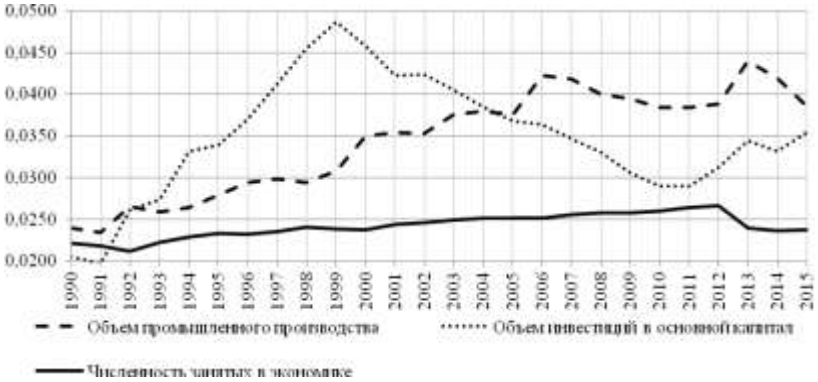


Рис. 2.1.1. Динамика географической концентрации в регионах России в 1990-2015 гг., индекс Херфиндаля-Хиршмана

Как показано на рисунке 2.1.1, наибольшую степень концентрации регионы России имеют по показателю инвестиций в основной капитал. До 1999 г. индекс концентрации стабильно увеличивался до 0,0486, затем до 2010 г. имел тенденции снижения до 0,029 и в дальнейшем уже не превышал отметки 0,0345 (2013 г.).

Наименьший показатель концентрации, но со стабильной тенденцией роста, имеет место по численности занятых в экономике. Считаем, что в связи со значительными размерами территории страны население России не отличается высокой мобильностью. Однако даже низкая мобильность приводит к постепенному росту концентрации трудовых ресурсов в отдельных регионах, а следовательно, и к росту социально-экономического неравенства. Исключение составляет 2013 год – индекс Херфиндаля-Хиршмана снизился с 0,0266 до 0,0239 единиц.

Высокую степень концентрации регионы имеют по показателю объема промышленного производства. Он более чутко реагирует на воздействие глобализационных факторов: до 2006 г. степень его концентрация в регионах России имела

стабильную тенденцию к возрастанию, затем плавно снижалась до 2010 года. Индекс Херфиндаля-Хиршмана варьируется на протяжении анализируемого периода (от наименьшего значения 0,0234 в 1991 г. до максимальной отметки 0,0439 в 2013 г.).

Рассмотрим динамику индекса Джини по этим же показателям (рис. 2.1.2).

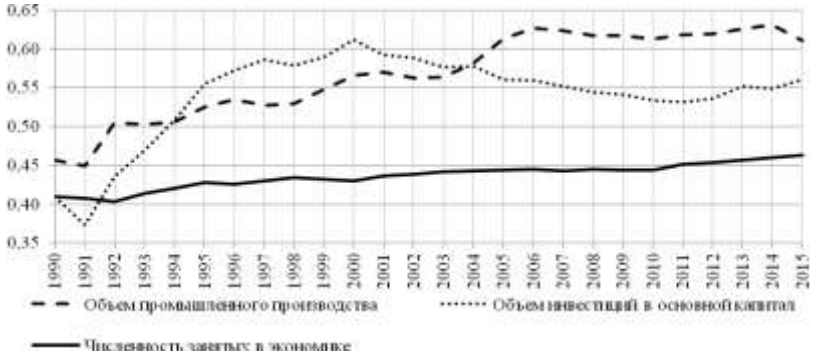


Рис.2.1.2. Динамика неравенства регионов России в 1990-2015 гг., индекс Джини

Динамика неравенства регионов России по социально-экономическим показателям имеет схожий рисунок, что и концентрация. Индекс Джини по численности занятых в экономике практически полностью повторяет траектории развития индекса Херфиндаля-Хиршмана, имеет стабильный рост, по своему значению уступает показателям промышленного производства и инвестиций. Можно отметить, что некоторое снижение степени концентрации занятых в экономике в 2013 г. не повлияло на положительную динамику роста неравенства регионов по показателю.

Высокая степень концентрации инвестиций в основной капитал в 1999 г. привел к максимальному уровню межрегионального неравенства в 2000 г. В целом траектории

динамики показателей схожи, но амплитуда колебаний индекса Джини несколько менее выражена.

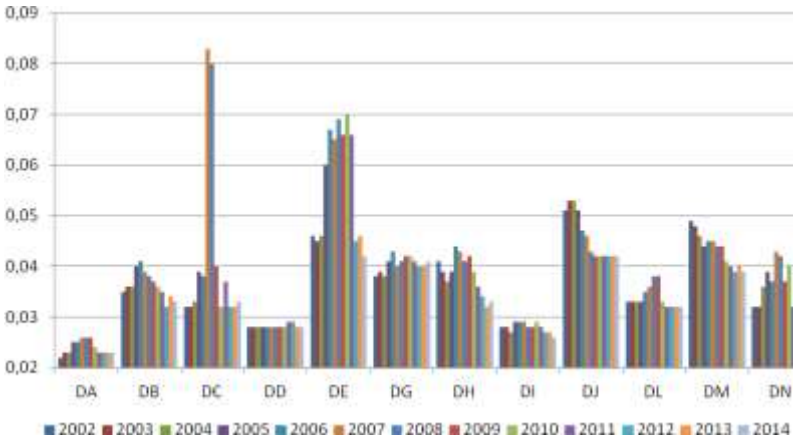
Аналогичные выводы можно сделать и относительно концентрации и неравенства регионов России по показателю промышленного производства. Мы можем сделать вывод, что концентрация экономических ресурсов и промышленного производства приводит к усилению межрегионального неравенства.

Рассмотрим процессы концентрации экономической активности в промышленном секторе более подробно. Для этого мы можем оценить динамику доли региона в численности занятых в обрабатывающей промышленности. За период с 2002 г. по 2014 г. произошло общее сокращение численности на 28,23 %; увеличение удельного веса имело место в 38 регионах страны (безусловно, за счет снижения в других регионах). Особенно можно отметить Московскую (ее доля возросла на 1,37 %), Новосибирскую (0,48 %) области, Республику Татарстан (0,47 %), Белгородскую (0,45 %), Челябинскую (0,44 %), Калужскую (0,42 %), Калининградскую (0,38 %), Омскую (0,30 %), Свердловскую (0,29 %), Ленинградскую (0,28 %), Ростовскую (0,28 %) области. Суммарно доля перечисленных одиннадцати регионов в общей численности занятых в обрабатывающей промышленности увеличилась на 5,16 %, и мы однозначно можем говорить о развитии процессов концентрации промышленного производства, а если доля региона увеличивается сразу по нескольким секторам экономики, то и о наличии агломерации.

Положения экономической теории указывают на то, что концентрация экономической активности повышает общую эффективность использования ресурсов, приводит к получению дополнительных выгод и в целом положительно отражается на развитии экономики. Но мы должны понимать, что рост концентрации приводит к усилению межрегионального неравенства, сначала по экономическим, а потом и по социальным показателям. Регионы, которые становятся менее привлекательными для работников, инвестиций и других

ресурсов, для развития промышленного производства (а значит, и вспомогательных видов деятельности), становятся реципиентами. Возникающие затраты на поддержание таких территорий снижают выгоды, получаемые от концентрации экономической активности в регионах-лидерах. Именно поэтому мы считаем, что в целом высокая степень концентрации экономической активности в отдельных регионах не может позитивно отражаться на развитии национальной экономики и социальной сферы. Принимая во внимание обширность территории России и наличие межрегиональной дифференциации по социальным и экономическим показателям, необходимо проводить мониторинг возникновения и развития агломерационных процессов, которые могут усилить имеющиеся дисбалансы.

Важно понимать, какие виды экономической деятельности имеют специфику концентрироваться на отдельных территориях, а какие − перспективы развития в любом регионе. Склонность к концентрации объясняется двумя факторами: возможностью получения дополнительной прибыли за счет эффекта масштаба и близостью к ресурсам (полезные ископаемые, высококвалифицированный труд и т.д.). Предлагаем рассмотреть эти виды деятельности на примере обрабатывающей промышленности. Для этого рассчитаем динамику абсолютного (индекс Херфиндаля-Хиршмана – рис. 2.1.3) и относительного (индекс Кругмана – рис. 2.1.4) показателей географической концентрации (по численности занятых в секторах промышленного производства).

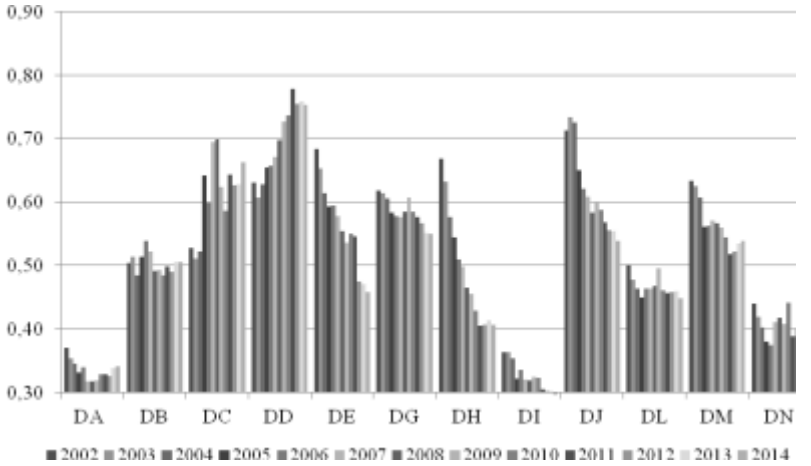


DA – производство пищевых продуктов, включая напитки и табак;
DB – текстильное и швейное производство;
DC – производство кожи, изделий из кожи и производство обуви;
DD – обработка древесины и производство изделий из дерева;
DE – целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность;
DG – химическое производство;
DH – производство резиновых и пластмассовых изделий;
DI – производство прочих неметаллических минеральных продуктов;
DJ – металлургическое производство и производство готовых металлических изделий;
DL – производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования;
DM – производство транспортных средств и оборудования;
DN – прочие производства.

Рис. 2.1.3. Динамика географической концентрации промышленного производства по видам деятельности в регионах России в 2002-2014 гг., индекс Херфиндаля-Хиршмана

Индекс Херфиндаля-Хиршмана оценивает абсолютную концентрацию определенных видов обрабатывающей промышленности. Традиционно имеют тенденцию сосредотачиваться на отдельных территориях предприятия

целлюлозно-бумажного производства, издательской и полиграфической деятельности, металлургии, производства транспортных средств и оборудования. Равномерно распределены в регионах страны пищевая промышленность, обработка древесины и производство изделий из дерева, производство неметаллических минеральных продуктов. Близкие выводы можно сделать и по относительному показателю концентрации – индексу неоднородности Кругмана.



DA – производство пищевых продуктов, включая напитки и табак;
DB – текстильное и швейное производство;
DC – производство кожи, изделий из кожи и производство обуви;
DD – обработка древесины и производство изделий из дерева;
DE – целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность;
DG – химическое производство;
DH – производство резиновых и пластмассовых изделий;
DI – производство прочих неметаллических минеральных продуктов;
DJ – металлургическое производство и производство готовых металлических изделий;
DL – производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования;
DM – производство транспортных средств и оборудования;
DN – прочие производства.

Рис. 2.1.4. Динамика географической концентрации промышленного производства по видам деятельности в регионах России в 2002-2014 гг., индекс неоднородности Кругмана

Географическая концентрация трудовых ресурсов в производстве пищевых продуктов невысока – индекс Херфиндаля-Хиршмана составляет 0,022-0,026 единиц, индекс Кругмана - 0,32-0,37 единиц. Отметим, что в целом по России численность занятых в этом секторе стабильно сокращается. Рост концентрации в последние годы происходит за счет усиления позиций четырех регионов-лидеров: Краснодарского края и Московской области (их доли в общей численности занятых в секторе – по 6 %), г. Москвы (около 5 %) и Белгородской области (3-3,5 %). Всего в четырех регионах (CR_4) занято почти 20 % работников производства пищевых продуктов.

Снижается абсолютная концентрация в текстильном и швейном производствах. Индекс Херфиндаля-Хиршмана имел максимальное значение (0,041) в 2006 г., минимальное (0,032) − в 2012 г. Индекс Кругмана колеблется в пределах 0,48-0,54. Отметим, что 30% работников текстильного и швейного производства сосредоточены в пяти регионах (CR_5). Лидерами в данном секторе являются Ивановская (ее доля сокращается) и Московская (доля увеличивается) области. Растет доля г. Москвы; среди регионов-лидеров сокращается участие г. Санкт-Петербурга, Ростовской и Владимирской областей.

Абсолютную концентрацию производства кожи, изделий из кожи и обуви нельзя назвать высокой. Исключение составляет период 2007-2008 гг., когда индекс Херфиндаля-Хиршмана увеличился до 0,08-0,083. Это произошло по причине значительного роста численности занятых в секторе в г. Москве. Лидерами в секторе являются г. Москва (около 6 %) и Московская область (5-6%, доля снижается). Расширяется производство в г. Санкт-Петербурге, Кировской и Челябинской областях. На долю пяти регионов приходится около 27% всей численности занятых в производстве. В одиннадцати регионах данный сектор экономики не представлен совсем. По этой

причине при невысокой абсолютной концентрации (индекс Херфиндаля-Хиршмана в среднем составляет 0,042) наблюдается высокая межрегиональная неоднородность (индекс Кругмана − 0,51-0,70).

Наивысшая степень неоднородности (при умеренной концентрации) в промышленности имеет место в обработке древесины и в производстве изделий из дерева (индекс Кругмана – 0,61-0,78, индекс Херфиндаля-Хиршмана – 0,028). На пять регионов в последние годы проходится около 25 % данного сектора экономики. Среди регионов с большей численностью занятых можно назвать Красноярский и Пермский края, Кировскую, Иркутскую, Вологодскую области.

В целлюлозно-бумажном производстве, издательской и полиграфической деятельности наблюдается тенденция снижения индекса Кругмана: в 2002 г. он составлял 0,68 ед., а в 2014 г. – 0,44 ед. Степень концентрации максимально высока: в среднем за анализируемый период − 0,056. При этом в г. Москве, Московской области и г. Санкт-Петербурге сосредоточено более четверти занятых; на пять регионов приходится около 33 %.

Высокая концентрация наблюдается в химическом производстве: индекс Кругмана варьируется от 0,52 ед. до 0,62 ед, индекс Херфиндаля-Хиршмана – 0,038-0,043. На долю пяти регионов приходится свыше 35% занятых в секторе промышленности. Первое место по численности занятых в химическом производстве занимает Республика Татарстан (свыше 8 %), в последние годы эта доля стабильно увеличивается. Значительные объемы деятельности имеют Пермский край, Московская область, Республика Башкортостан − свыше 7 %, Самарская область и г. Москва – около 5 %.

В производстве резиновых и пластмассовых изделий наблюдается явная тенденция рассеивания промышленности. Индекс Кругмана снижается от 0,67 ед. в 2002 г. до 0,41 ед. в 2014 г., индекс Херфиндаля-Хиршмана – от 0,044 в 2006 г. до 0,033 в 2014 г. Около 30 % занятых в секторе работают в пяти регионах: Московской области (около 10 %), Республике Татарстан (6-7 %),

в г. Москве (около 5 %), Нижегородской области (свыше 4 %) и г. Санкт-Петербурге. В 2013 г. пятерку лидеров завершала Республика Башкортостан − свыше 3 %.

Наиболее низкий уровень географической концентрации на протяжении анализируемого периода имеет место в производстве прочих неметаллических минеральных продуктов – индекс Кругмана составляет 0,30-0,34 ед., индекс Херфиндаля-Хиршмана – 0,26-0,29 ед. Доля пяти крупных по показателю регионов варьируется около 25 %. К их числу можно отнести Московскую, Челябинскую, Свердловскую области, Москву и Краснодарский край.

В металлургическом производстве, напротив, надо отметить высокую степень концентрации, но при ее постоянном снижении. В данном секторе экономики свыше 26 % занятых работают только в трех регионах страны: Свердловской, Челябинской и Московской областях. На долю пяти регионов (с Кемеровской и Нижегородской областями) приходится уже свыше 34 % всех занятых в металлургии работников.

Положительно стоит оценить невысокую географическую концентрацию производства электрооборудования, электронного и оптического оборудования. В пяти регионах страны занято около 30 % сектора. К их числу относятся г. Санкт-Петербург (свыше 8 %), г. Москва (около 7 %), Московская (свыше 5%), Свердловская (около 5 %) и Нижегородская области, а в 2014 г. – Республика Татарстан – почти 4 %.

Сокращается общая численность занятых в производстве транспортных средств и оборудования. Данный сектор экономики можно охарактеризовать как высококонцентрированный со снижающимся уровнем неоднородности. Индекс Херфиндаля-Хиршмана снижается от 0,049 до 0,039, Кругмана − от 0,52 ед. до 0,63 ед. за анализируемый период. В последние годы происходит усиление лидирующих регионов: доля первых пяти территорий возросла до 33,4 %, при этом только в Самарской, в Республике Татарстан

и Нижегородской областях занято около 25 % трудовых ресурсов данного сектора промышленности.

Сектор «Прочие производства» имеет среднюю степень концентрации, численность занятых здесь постепенно сокращается.

В целом географическая концентрация по численности занятых в обрабатывающей промышленности снижается (от 0,044 в среднем по секторам в 2007 г. до 0,034 в 2014 г.), сокращается и степень неоднородности (с 0,55 ед. в 2002 г. до 0,49 ед. в 2012-2014 гг.). Сочетание данной тенденции с повышением концентрации по показателю объема промышленного производства (рис. 2.1.2) свидетельствует о различиях в уровне эффективности: в регионах-лидерах сокращается численность работников при сохранении или росте объема производства.

Мы видим, что значительная доля занятых во многих секторах обрабатывающей промышленности приходится на Московскую область, г. Москву и г. Санкт-Петербург, Нижегородскую область, Республику Татарстан, Краснодарский и Пермский края, Свердловскую область. Это неудивительно, так как именно в данных регионах трудится большая часть экономически активного населения.

Проведем анализ динамики специализации промышленного производства в регионах России в 2002-2014 гг. по индексу Херфиндаля-Хиршмана. Результаты анализа представим на рисунке 2.1.5.

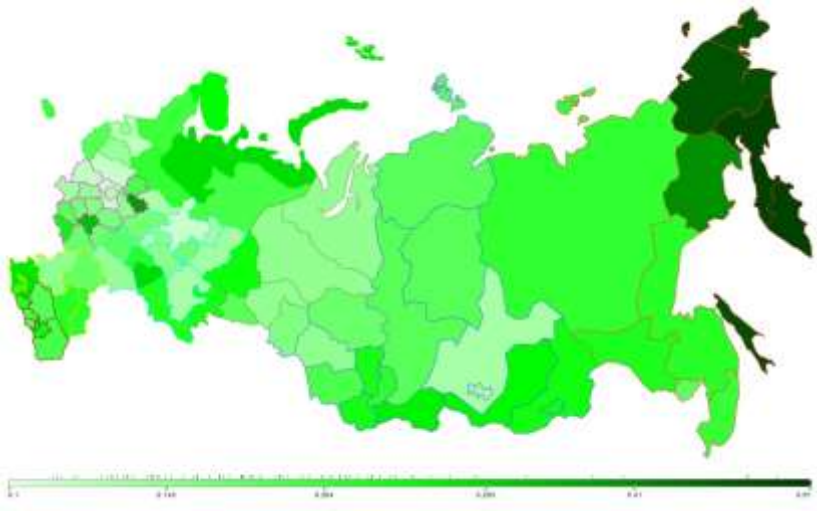


Рис. 2.1.5. Среднее значение индекса специализации Херфиндаля-Хиршмана в обрабатывающей промышленности по регионам России в 2002-2014 гг., индекс

За анализируемый период индекс специализации по секторам обрабатывающей промышленности колебался от 0,106 в Тверской области (2006 г.) до 0,696 в Камчатском крае (2013 г.). Среднее значение по регионам страны – 0,193-0,207. К регионам с наиболее высоким уровнем специализации можно отнести Камчатский край, Чукотский автономный округ, Сахалинскую, Магаданскую, Ивановскую и Липецкую области. Низким уровнем специализации отличаются Кировская, Московская, Тверская, Ленинградская, Смоленская области, г. Москва, Чувашия и Башкортостан, Костромская, Иркутская области и др. Отметим, что в перечисленных регионах Дальнего Востока высокое значение показателя достигается за счет существенной доли работников, занятых в производстве пищевых продуктов (DA), в Ивановской области – текстильном и швейном производстве (DB), в Липецкой – металлургии и производстве готовых металлических изделий (DJ). С 2002 г. по 2014 г. к числу

регионов с уровнем специализации в обрабатывающей промышленности выше среднего можно было отнести 28-32 территории, ниже среднего – 47-51.

Для более глубокого исследования специализации регионов ранее нами проводился анализ (Растворцева и др., 2012) взаимосвязи ее уровня с показателями социально-экономического развития: ВРП в расчете на душу населения, производительностью труда, среднемесячной номинальной начисленной заработной платой, уровнем безработицы. Регионы России были разделены на три группы – с низким уровнем специализации, добывающие регионы с высоким уровнем специализации, регионы с высоким уровнем специализации и отсутствующим добывающим сектором. Было определено, что узкую специализацию в каком-либо секторе промышленности «могут позволить» себе только регионы, обеспечивающие развитие своей экономики за счет добывающего производства. В остальных случаях глубокая специализация российских регионов неэффективна (Растворцева и др., 2012).

Анализ индекса неоднородности специализации Кругмана показал, что значительно от среднероссийского уровня отличаются помимо перечисленных выше регионов Архангельская область и Ненецкий АО, Коми, Тыва, Самарская область, Карелия, некоторые республики Кавказа, Алтайский край, Еврейская ОА, Белгородская область.

Развитие теории размещения в настоящее время приобретает особую актуальность. Выявлены новые факторы, оказывающие значительное влияние географическую концентрацию экономической активности и региональную специализацию, такие как возникновение агломерационных эффектов от расположения производства на одной территории и возрастающая отдача. Степень доминирования какого-либо вида экономической деятельности в регионе оценивается показателями специализации, сосредоточение или разреженность определенного вида деятельности или ресурса определяется концентрацией. Ситуация, когда концентрация в

регионе наблюдается по нескольким видам экономической деятельности, называется агломерацией.

Для анализа тенденций размещения экономической активности в регионах используются показатели локализации, концентрации и специализации Херфиндаля-Хиршмана и Кругмана, индекс Джини, CR_3, CR_4, CR_5. В ходе исследования нами была выявлена высокая концентрация инвестиций и промышленного производства в российских регионах, стабильная тенденция повышения показателя по численности трудовых ресурсов. Данная ситуация приводит к усилению межрегионального неравенства. В обрабатывающей промышленности произошло сокращение занятых за 2002-2014 гг. почти на треть. Склонность к концентрации определена в целлюлозно-бумажном производстве, издательской и полиграфической деятельности, металлургии, производстве транспортных средств и оборудования. К регионам с высоким уровнем специализации отнесены Камчатский край, Чукотский автономный округ, Сахалинская, Магаданская, Ивановская и Липецкая области.

Полученные результаты могут быть использованы в научных исследованиях для анализа размещения экономической активности, оценки развития агломерационных процессов, как рекомендации при проведении экономической политики в регионах.

2.2 Факторы концентрации экономической активности в российских регионах

В последние годы возрастает интерес к исследованиям в области размещения производительных сил и формированию современного научного течения – новой экономической географии. В первую очередь, это связано с бурным развитием интеграционных процессов в странах и регионах мира. Происходящая либерализация торговли способствует

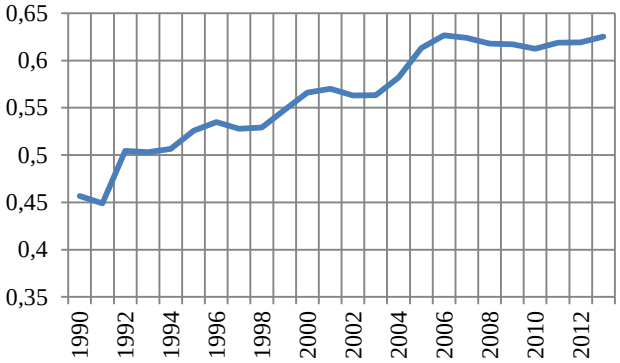
сближению экономик, а значит, и пересмотру системы размещения производства в регионах. Важной задачей здесь становится формирование такой институциональной среды, которая позволила бы регионам получить максимальные преимущества от интеграции и сократить возможные риски.

Вторая причина роста числа исследований заключается в том, что процессы концентрации экономической активности (агломерационные процессы [84]) традиционно сопровождаются усилением дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития. Регионы выступают самостоятельными субъектами экономических отношений, в большинстве случаев являясь не партнерами друг другу, а конкурентами. Конкуренция регионов имеет место за ограниченные ресурсы, такие, как рабочая сила, инвестиции, бюджетное финансирование, получение государственных заказов и привлечение технологий. В более успешных регионах наблюдаются процессы концентрации экономической активности, для фирм возникает возможность получения агломерационных эффектов от размещения производства. Одни регионы в конкурентной борьбе занимают лидирующие позиции, другие становятся аутсайдерами.

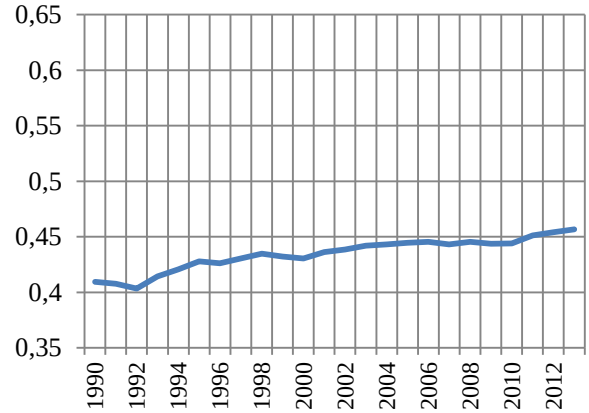
Неравенство регионов России по уровню социально-экономического развития в последние годы имеет тенденцию усиления. Так, индекс Джини по объему промышленного производства в 1991 году (минимальное значение) составлял 0,45, в 2000 году – 0,57, достиг максимального значения в 2006 году – 0,627 – и в 2013 году составил 0,625 (расчеты авторов). Если мы проанализируем индекс Джини по показателю численности занятых в экономике, то в 1995 году он составлял 0,41, в 2000 году – 0,431, в 2005 году – 0,445 и достиг своего максимума в 2013 году – 0,457 (расчеты авторов). Индекс Джини по объему инвестиций в основной капитал в 1990 году составлял

[84] или «Агломерирование – процесс концентрирования (или стягивания), сопровождающийся территориальным расширением ядра концентрации (с возможным усложнением последнего), приводящий к появлению агломерации…- обратимый процесс…» (Алаев, 1983, с. 90).

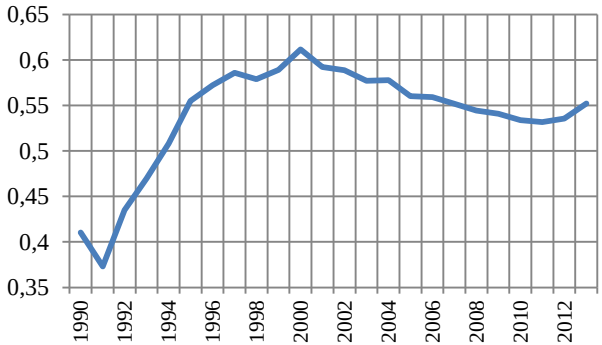
0,41, в 2000 году – 0,61 (максимальное значение за период), в 2013 году – 0,55 (рис. 2.2.1).



а) по объему промышленного производства



б) по численности занятых в экономике



в) по объему инвестиций в основной

Рис.2.2.1. Динамика индекса Джини в российских регионах за 1990-2013 годы

Рост дифференциации регионов России во многом объясняется жесткой конкуренцией за ограниченные ресурсы. В пяти регионах сосредоточено 24,52 % трудовых ресурсов страны (в 2002 году доля этих же регионов в общей численности занятых составляла 22,73 % - расчеты авторов). В пяти регионах – лидерах по объемам инвестиций в основной капитал в 2013 году было сосредоточено 64,53 % таких инвестиций (для сравнения, в 2002 году в пяти лидирующих по показателю регионах было сосредоточено 66,1 % инвестиций – расчеты авторов). Таким образом, мы можем предполагать высокую концентрацию ресурсов и экономической деятельности в отдельных регионах страны.

И третья причина, по которой происходящие агломерационные процессы требуют пристального изучения, – это возможное перенасыщение региона, которое приводит к рассеиванию экономической активности. На эти процессы оказывают влияние различные факторы. Одни притягивают фирмы и трудовые ресурсы в регион – их принято называть центростремительными силами. Другие факторы, наоборот, стимулируют процессы рассеивания, ухода производства из

региона – центробежные силы. Важно понимать, при каких условиях и в какой момент в экономике отдельного региона действие этих сил уравновесится, и может начаться обратный текущему процесс.

Необходимо понимать взаимосвязь агломерационного процесса с основными показателями социально-экономического развития региона для проведения грамотной экономической политики.

Применение новых теоретических и методических подходов к исследованию факторов пространственной концентрации представляет научный и практический интерес. Положение новой экономической географии активно используются в зарубежной практике, но имеют слабое применение в отечественных теоретических и эмпирических исследованиях. Целью данной части исследования является построение модели влияния факторов на процессы концентрации (рассеивания) экономической активности на базе российских регионов.

Новая экономическая география считается достаточно молодым научным направлением, предпосылки для возникновения и развития которого возникли достаточно давно. Так, основные три вида преимуществ агломерационных процессов определил еще А. Леш:

1) возможность совместного пользования объектами инфраструктуры для предприятий: «единой железнодорожной станцией, улицами, канализацией, более дешевой водой и электричеством» (Lösch, pp. 75-76);

2) общий рынок труда большего размера, позволяющий предприятиям быстрее и эффективнее найти необходимых специалистов, а работникам – трудоустроиться;

3) аккумуляция неявных знаний: в условиях концентрации экономической активности наиболее способные представители профессий имеют возможность работать совместно, увеличивая при этом совместные достижения.

Помимо этого, он подчеркивает преимущества концентрации для предприятий, деятельность которых носит сезонный характер; отмечает, что объединение продавцов товаров позволяет потребителям не только совершать покупки в одном месте, но и выбирать из более широкого ассортимента; определяет, что регион, в котором происходит агломерационный процесс, легче справляется со структурными сдвигами в экономике.

В качестве основных факторов агломерационных процессов он рассматривает ориентацию по отношению к столичному городу, по отношению к главным дорогам, относительное расстояние между городами равной величины (Lösch, p. 77).

Пространственная организация экономической активности традиционно являлась предметом исследований двух научных направлений: теории размещения и теории международной торговли. Представители теории размещения определяют приграничные регионы, как достаточно «хрупкие и находящиеся под угрозой» (Hansen, 1977, p. 11). Когда мы рассуждаем о размещении экономической активности в закрытых системах, то для приграничных регионов мы не видим наличия конкурентных преимуществ, так как они становятся периферийными. Можно отметить ряд недостатков наличия границы: 1) существование тарифов разделяет экономически взаимодополняемые рыночные территории; 2) эффект, подобный таможенным пошлинам, создают языковые сложности, различия в менталитете; 3) сделки по государственным контрактам не могут пересекать границу; 4) наличие угрозы военного вторжения (Lösch, 1954, p. 200). Эффект границы, например, при торговле промышленными товарами, достигает 44 % от общей надбавки к цене FOB (Anderson, van Wincoop, 2004, p. 692).

Обратная картина наблюдается, если происходит процесс интеграции (или либерализации внешнеэкономических отношений). Приграничные регионы могут иметь преимущества от экономической активности, сфокусированной на границе: хранение товаров, таможенный контроль и прочие

соответствующие услуги. В этом случае приграничные регионы получают новые перспективы для экономического роста (Рыжова, 2012).

В свое время еще Б. Олин считал, что теория международной торговли является частью более общей теории размещения, однако она стала исследоваться как таковая сравнительно недавно: в рамках новой теории торговли (Krugman and Venables, 1990) и новой экономической географии (Fujita et al., 2000; Venables, 1998). Модели этих двух направлений представляют растущую отдачу от масштаба, дифференцированные товары и торговые издержки как производные от размещения экономической активности. Рассмотрим некоторые подходы к выделению факторов концентрации экономической активности в регионе (табл. 2.2.1).

Таблица 2.2.1 – Некоторые походы к выделению внешнеэкономических факторов концентрации экономической активности в регионе

Факторы	Авторы
Либерализация торговли приводит к увеличению промышленной концентрации в регионе	П.Кругман (Krugman, 1991)
Снижение торговых издержек только на начальной стадии увеличивает концентрацию, а затем рассеивает производство [85]	Р. Форслид и И. Вутон (Forslid and Wooton, 2003)
Преимущественное размещение промышленного производства вблизи рынков сбыта	С.Харрис (Harris, 1954, pp. 217-319)
Возможность свободной торговли позволяет производителям более полно использовать преимущества эффекта масштаба, что приводит к концентрации экономической	Л.Ресмини (Resmini, 2003)

[85] Более подробно о влиянии изменения степени либерализации внешней торговли на экономические показатели развития региона представлено в (Melitz and Ottaviano, 2008).

активности лишь в некотором числе регионов, располагающихся близко к международным рынкам.	
Влияние прямых иностранных инвестиций обычно происходит через технические факторы (трансфер технологий, навыков, знаний и управленческих схем), создает прямые и обратные взаимосвязи между местными и зарубежными формами, стимулирует распространение положительного воздействия во внутренней экономике.	Л.Ресмини (Resmini, 2003)
Стимулирующая экспортная политика и улучшение транспортной инфраструктуры приводит к ослаблению агломерационных процессов	А.Гелан (Gelan, 2008)
Положительно на концентрации экономической активности в регионе сказывается наличие экспортного узла. Особенно данное наблюдение актуально для предприятий сферы наукоемких технологий.	В.Науде, М.Матэ (Trade Integration, 2010)
Факторы зависимости от предшествующего развития (взаимозависимость специализированных производительных сил; рост внешней экономии при увеличении концентрации производительных сил; квазинеобратимость первичного территориального размещения; неравномерность роста внешней экономии)	Е.Куценко (Куценко, 2012)
Для российских регионов плотность населения, размер и доступность рынков, степень диверсификации экономики (только для западной части страны)	Е.Коломак (Коломак, 2013)

Имеются российские исследования факторов концентрации экономической активности, но акцентирующие

внимание не на внешнеэкономических аспектах. В работе Е. Куценко определена зависимость от предшествующего развития: специализированных производительных сил; рост внешней экономии при увеличении концентрации производительных сил; квазинеобратимость первичного территориального размещения; неравномерность роста внешней экономии (Куценко, 2012). Е.Коломак доказала, что значимыми факторами концентрации экономической активности в регионе являются плотность населения, размер и доступность рынков, степень диверсификации экономики (только для западной части страны) (Коломак, 2013).

Концентрация экономической активности[86] оценивается рядом показателей: динамика плотности населения региона, коэффициент Херфиндаля-Хиршмана, индекс Джини, индекс географической агломерации предприятий обрабатывающей промышленности с модификациями, индекс периферизации Кибла и др.[87]. При построении эконометрических моделей авторы используют и некоторые другие измерители концентрации экономической активности.

Помимо индекса Джини достаточно часто в экономической литературе для оценки степени концентрации экономической активности применяется индекс Херфиндаля-Хиршмана (*Herfindahl-Hirschman index - HHI*). Чем выше индекс Херфиндаля-Хиршмана, тем более высокий уровень концентрации имеет место. Индекс концентрации экономической активности Херфиндаля-Хиршмана рассчитывается по формуле:

$$HHI = \sum_{i=1}^{n} x_i^2 \qquad (2.2.1)$$

где x_i^2 - доля показателя региона i в федеральном округе (по конкретному показателю).

[86] *Концентрация* определяется в отношении вида экономической деятельности, сектора, подсектора, промышленной группы и т.п. и означает степень сосредоточения или разреженности промышленного производства в рамках конкретной территории.
[87] Более подробно в (Растворцева, 2013).

Для оценки индекса Херфиндаля-Хиршмана (1990-2013 гг.) используем три базовых показателя: объем промышленного производства (по данным Федеральной службы государственной статистики – «Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности - обрабатывающие производства» (для 1990-2004 гг. – «Объем промышленной продукции»), «Объем инвестиций в основной капитал» и «Среднегодовую численность занятых в экономике»).

Географическая концентрация экономической активности в регионах России

Динамика индекса Херфиндаля-Хиршмана, рассчитанного по объему промышленного производства, объему инвестиций в основной капитал и среднегодовой численности занятых в экономике в регионах России, в 1990-2013 гг.

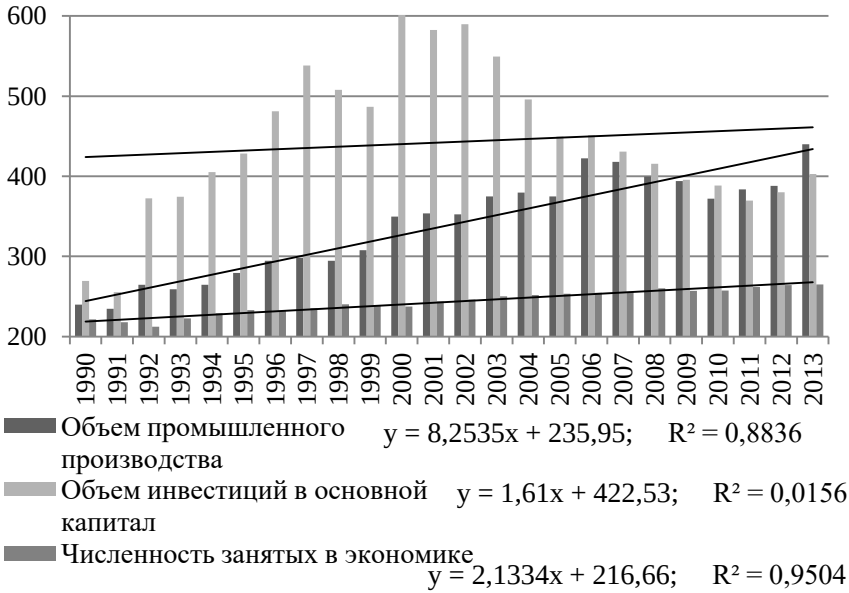


Рис. 2.2.1 Динамика индекса Херфиндаля-Хиршмана, рассчитанного по объему промышленного производства, объему инвестиций в основной капитал и среднегодовой численности занятых в экономике в регионах России, в 1990-2013 гг.[88]

Как видно, наибольшую степень концентрации имеют инвестиции в основной капитал, так как индекс Херфиндаля-Хиршмана принимает высокие значения. При этом именно по показателю инвестиций динамика концентрации носит неустойчивый характер: в 2000 году индекс Херфиндаля-Хиршмана достиг максимального значения (индекс – 604,08), снизившись к 2011 году до 369,68 и к 2013 году к 402,95. Это означает, что инвестиции в основной капитал были сосредоточены в небольшом числе регионов в 2000 году, а к 2011 году – равномерно среди большого числа регионов.

Существенный рост концентрации происходит по показателю объема промышленного производства. В 2013 году индекс Херфиндаля-Хиршмана по показателю достиг максимума −439,91. Ранее нами был проведен более глубокий анализ по видам промышленного производства и определено, что низкая степень концентрации имеет место в производстве пищевых продуктов, в производстве прочих неметаллических минеральных продуктов. Высокая степень концентрации имеет место в производстве кожи, изделий из кожи и производстве обуви, в обработке древесины и производстве изделий из дерева. Снижение степени концентрации производства характерно для целлюлозно-бумажного производства, издательской и полиграфической деятельности, производства резиновых и

[88] Рассчитано по: Регионы России: Стат. сб. в 2 т. Т.2 / Госкомстат России. – М., 2001, с. 72-73, 372-373, 785-759; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005: Стат. сб. / Росстат. - М., 2006, с. 436-437; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: Стат. сб. / Росстат. - М., 2007,с. 428-429; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. / Росстат. - М., 2009, с. 444-445; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. - М., 2011, с. 86-87, 442-443, 926-927.

пластмассовых изделий, металлургического производства и производства готовых металлических изделий.

Устойчивый, но незначительный рост концентрации экономической активности в регионах наблюдается по показателю среднегодовой численности занятых в экономике.

Определим, какие факторы влияют на развитие агломерационного процесса в российских регионах. К числу центростремительных сил агломерационного процесса прямого воздействия традиционно относят транспортные издержки, миграцию рабочей силы и возрастающую отдачу от масштаба. Остальные центростремительные силы являются косвенными и влияют на агломерационные процессы лишь через силы прямого воздействия. Однако, на наш взгляд, при проведении социально-экономической политики развития региона именно силы косвенного воздействия поддаются влиянию со стороны экономических субъектов.

К числу центробежных сил относят: значительное повышение стоимости жизни в регионе, стоимости ведения бизнеса и негативные стороны «перенасыщенности» региона: повышенную нагрузку на окружающую среду, высокую плотность автомобильного движения, отставание предложения социальных услуг от быстрорастущего спроса на них и т.д.

В качестве основы для построения модели концентрации (рассеивания) экономической активности на базе российских регионов мы предлагаем применить подход Лауры Ресмини, используемый ею для стран Центральной и Восточной Европы – новых стран-членов Европейского Союза (Resmini, 2003). Таким образом, в качестве основных факторов концентрации (рассеивания) экономической активности в российских регионах мы определим следующие: 1) рост относительной заработной платы (заработной платы региона относительно общенационального уровня); 2) расстояние до крупных городов (при условии ориентации основных производителей в сторону иностранных рынков, степень либерализации и развития торговли); 3) прямые зарубежные инвестиции через внешние

эффекты и связи; 4) плотность автодорог; 5) степень развития сферы услуг в регионе. Все показатели возьмем по значению их натурального логарифма (по (Hallet, 2000)):

$$\ln\left(\frac{E_{it}}{E_t}\right) = \alpha_{it} + \beta_{i1}\ln\left(\frac{W_{it-1}}{\overline{W}_{t-1}}\right) + \beta_{i2}\ln\left(\frac{DIST_{ic}}{\sum_i \omega_{it} DIST_{ic}}\right) + \beta_{i3}\ln\left(FDI_{it-1}\right) +$$
$$+ \beta_{i4}\ln\left(ROAD_{it}\right) + \beta_{i5} SER_{it} + \varepsilon_{it} \qquad (2.2.2)$$

Результирующий показатель, отражающий степень концентрации экономической активности, определен, как доля региона в общей численности занятых в экономике страны:

$\frac{E_{it}}{E_t}$ – доля региона *i* в общей численности занятых в сфере производства в стране за период времени *t*;

E_{it} – численность занятых в сфере производства в регионе *i* за период времени *t*;

E_t – численность занятых в сфере производства в стране за период времени *t*.

Для расчета данного показателя используем данные Федеральной службы государственной статистики – «Распределение среднегодовой численности занятых в экономике по видам экономической деятельности (тыс. чел) – обрабатывающие производства»[89].

Данная спецификация позволяет учитывать эффекты масштаба страны и совокупного спроса. Рассмотрим составляющие модели более подробно.

$\frac{W_{it-1}}{\overline{W}_{t-1}}$ – относительная заработная плата, которая определяется, как отношение средней заработной платы в

[89] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. - М., 2011, с. 90-93.

регионе i к средней заработной плате по стране за предшествующий t период времени;

W_{it-1} – средняя заработная плата в регионе i за предшествующий t период времени;

$\overline{W}t-1$ – средняя заработная плата в стране за предшествующий t период времени;

Во избежание проявления синхронности в регрессии переменная относительной заработной платы берется за прошлый период. В той или иной степени, показатель отражает рыночные условия, и мы считаем, что относительная занятость снижается вместе с относительной заработной платой в регионе. Для расчета данного показателя используем данные Федеральной службы государственной статистики – «Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций»[90].

Второе слагаемое в формуле представляет собой показатель для определения географического расстояния от столицы (для России, с учетом ее территориальной обширности, мы применяли расстояние до ближайшего крупного города с численностью жителей свыше 1 млн. человек[91]), которую мы рассматриваем как экономически изолированный промышленный центр. Эта переменная должна вступать в корреляцию с показателем относительной занятости в том случае, если либерализация и развитие торговли переориентируют основное производство в сторону иностранных рынков. В противном случае, корреляция этой переменной с показателем относительной занятости будет отрицательной, так как расстояние увеличивает торговые издержки.

[90] Там же, с. 150-151.

[91] Рассчитан по: Расчет расстояний между городами. Автодиспетчер: автомобильный портал грузоперевозок. URL: http://www.avtodispetcher.ru/distance/

$\frac{DIST_{ic}}{\sum_i \omega_{it} DIST_{ic}}$ – отношение расстояния по дорогам от региона i до столицы страны к средневзвешенному расстоянию до крупного города;

$DIST_{ic}$ – расстояние по дорогам от региона i до крупного города;

ω_{it} - удельный вес расстояния по дорогам от региона i до столицы страны в общей сумме расстояний.

Третий член уравнения отражает роль прямых зарубежных инвестиций в регионе. Представляется, что на развитие агломерационных процессов оказывают влияние факторы, повышающие степень открытости национальной экономики, стимулирующие рост внешнеторговых потоков и прямых иностранных инвестиций[92]. Прямые иностранные инвестиции играют положительную роль в региональном развитии через внешние эффекты и связи. Относительная занятость в регионе увеличивается с притоком прямых иностранных инвестиций. Однако, такое влияние может быть и негативным, поскольку иностранные фирмы активно вовлекаются в реструктуризацию экономической деятельности, особенно на начальной стадии развития (Resmini, 2003). Для расчета данного показателя используем данные Федеральной службы государственной статистики – «Иностранные инвестиции в экономику Российской Федерации – поступило инвестиций – прямые»[93].

FDI_{it-1} – объем поступивших прямых иностранных инвестиций в регионе *i* за предшествующий *t* период времени.

---

[92] Прямые иностранные инвестиции рассматриваются как важный фактор агломерационных процессов в ряде эконометрических исследования: A.M. Hansson, K.Olofsdotter (через налоговые ставки регионов в странах ЕС-15 в 1986-2004 гг.) (Hansson and Olofsdotter, 2013), S.Poelhekke, F. van der Ploeg (через оценку институциональной среды в странах ОЭСР в 1960-2000) (Poelhekke and Ploeg, 2008; Trade Integration…, 2010).

[93] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. - М., 2011, с. 946-949.

Немаловажным фактором процесса концентрации экономической активности является степень доступности до того или иного экономического субъекта (с позиции транспортных расходов). В качестве индикативного показателя можно использовать плотность автомобильных дорог с твердым покрытием. Предполагается, что относительная занятость будет выше в тех регионах, где более высокая плотность автомобильных дорог. Для расчета данного показателя используем данные Федеральной службы государственной статистики – «Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием»[94].

$ROAD_{it}$ - плотность автомобильных дорог в регионе i в период времени t.

Важным фактором процесса концентрации экономической активности является степень развития сферы услуг в регионе. Он может быть измерен как доля региона в общей численности занятых в сфере услуг по стране. Для расчета данного показателя используем данные Федеральной службы государственной статистики – «Распределение среднегодовой численности занятых в экономике по видам экономической деятельности – гостиницы и рестораны, транспорт и связь, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг»[95].

SER_{it} – доля региона i в общей численности занятых в сфере услуг по стране в период времени t.

Поскольку развитие сферы услуг вносит положительный вклад в процесс концентрации экономической активности в регионе, полагаем, что она вступает в положительную корреляцию с размещением производства.

[94] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. - М., 2011, с. 664-665
[95] Там же, с. 90-93

α_{it} , β_{i1}, β_{i2}, β_{i3}, β_{i4}, β_{i5}, β_{i6} – коэффициенты уравнения, которые будут получены методом наименьших квадратов;

ε_{it} – ошибка измерения.

Для построения модели влияния факторов на процессы концентрации (рассеивания) экономической активности в России используем данные 83 регионов за 2010 год. Расчет проведем методом наименьших квадратов.

Результаты анализа

$$\ln\left(\frac{E_{it}}{E_t}\right) = -1{,}9 - 0{,}956\ln\left(\frac{W_{it-1}}{\overline{W}t-1}\right) - 0{,}00015\ln\left(\frac{DIST_{ic}}{\sum i\,\omega_{it}DIST_{ic}}\right) + 0{,}089\ln\left(FDI_{it-1}\right) + \\ + 0{,}16\ln\left(ROAD_{it}\right) + 1{,}028SER_{it} + \varepsilon_{it} \quad , (2.2.3)$$

R^2 = 0,91.

Таким образом, построенная для российских регионов модель влияния факторов на процессы концентрации (рассеивания) экономической активности позволяет нам сделать некоторые выводы. Так, рост относительной заработной платы в регионе отрицательно сказывается на процессе концентрации экономической активности (-0,956 при стандартной ошибке 0,213)[96]. Мы можем предположить, что процесс концентрации экономической активности в регионе сопровождается притоком трудовых ресурсов, предложение которых растет быстрее спроса, что способствует снижению относительной заработной платы. Считаем, что данные результаты в дальнейшем целесообразно исследовать дополнительно.

Рост прямых зарубежных инвестиций и плотности автодорог стимулируют развитие агломерационных процессов в российских регионах (0,089 при стандартной ошибке 0,02 и 0,16 при стандартной ошибке 0,051 соответственно). Среди центростремительных сил наибольшее влияние на процессы

[96] Для сравнения: в исследовании регионов в странах – новых членах Европейского Союза в 1993-1999 годы фактор относительной заработной платы отказался незначимым для агломерационных процессов (Resmini, 2003).

концентрации оказывает развитие сферы услуг в экономике региона (1,028 при стандартной ошибке 0,07).

Неопределенные результаты дает оценка влияния на агломерационные процессы географического расстояния от региона (за точку отсчета принимался областной центр) до ближайшего крупного города (с численностью населения свыше 1 млн. чел). Эта переменная должна вступать в корреляцию с показателем относительной занятости в том случае, если либерализация и развитие торговли переориентируют основные рынки в сторону иностранных рынков. В противном случае, корреляция этой переменной с показателем относительной занятости будет отрицательной, так как расстояние увеличивает торговые издержки. При построении модели на базе российских регионов мы видим, что данный фактор на агломерационные процессы влияет незначительно[97].

Свободный член уравнения равен -1,9 (при стандартной ошибке 0,61).

Для проведения более подробного анализа по модели влияния факторов на процессы концентрации экономической активности регионы Российской Федерации были разделены нами на 4 группы: регионы, имеющие границу с постсоветскими странами (24); регионы, граничащие со странами дальнего зарубежья (13); регионы с морской границей (10); внутренние регионы (36). В ходе исследования было выявлено, что ряд регионов имеет смешанные границы (сухопутные и морские). В таком случае предпочтение было отдано критерию сухопутной границы, следовательно, такие регионы, как Астраханская, Тюменская и Архангельская области были определены, как граничащие с постсоветскими странами, а Чукотская автономная, Мурманская области, Хабаровский и Приморский Края были обозначены, как граничащие со странами дальнего зарубежья.

[97] Для сравнения: в аналогичном исследовании по странам Европейского Союза относительная занятость положительно коррелирует с иностранными инвестициями, плотностью дорог и сектором услуг (Resmini, 2003).

Калининградская и Ленинградская области, Республика Алтай имеют границы, как с постсоветскими странами, так и со странами дальнего зарубежья. Решено отнести их к группе регионов, граничащих со странами дальнего зарубежья, по критерию направления внешней торговли (доля дальнего зарубежья во внешнеторговом обороте регионов в 2010 году составила соответственно 97,17%, 97,49% и 99,33%). Разработанная модель влияния факторов на процессы концентрации (рассеивания) экономической активности была построена нами для каждой группы российских регионов (табл. 2.2.2).

Таблица 2.2.2 – Коэффициенты модели влияния факторов на процессы концентрации (рассеивания) экономической активности по группам регионов России в 2010 году[98]

Фактор	BPSC	BEX	BM	INT
Относительная заработная плата β_{i1}	-0,245 (0,0559)	0,771 (0,826)	-0,29 (1,309)	-1,425 (0,287)
Расстояние до ближайшего крупного города β_{i2}	-0,023 (0,037)	-0,05 (0,067)	0,021 (0,065)	-0,02 (0,025)
Прямые иностранные инвестиции β_{i3}	0,102 (0,036)	-0,012 (0,058)	0,03 (0,071)	0,089 (0,04)
Плотность автодорог с твердым покрытием β_{i4}	0,243 (0,188)	0,342 (0,146)	0,117 (0,281)	0,008 (0,059)

[98] Рассчитано по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. - М., 2011

Доля региона в общей численности занятых в сфере услуг β_{i5}	0,775 (0,224)	1,338 (0,082)	1,259 (0,114)	0,986 (0,093)
Свободный член α_{it}	-3,567 (1,573)	–	–	-1,421 (0,787)
Число наблюдений	24	13	10	36
Коэффициент детерминации	0,87	0,996	0,994	0,91

Обозначения:
BPSC - regions bordering with post-soviet countries (регионы, имеющие границу с постсоветскими странами);
BEX - regions bordering with other countries (регионы, имеющие границу со странами дальнего зарубежья);
BM - regions with maritime boundary (регионы, имеющие морские границы);
INT - internal regions (внутренние регионы);
в скобках указаны значения стандартной ошибки.

Анализ модели влияния факторов на процессы концентрации по группам российских регионов показал, что для территорий, имеющих общую границу со странами постсоветского пространства, факторами центростремительного характера являются прямые зарубежные инвестиции (0,102 при стандартной ошибке 0,036), плотность автодорог с твердым покрытием (0,243 при стандартной ошибке 0,188) и уровень развития сферы услуг (0,775 при стандартной ошибке 0,224). Для регионов, имеющих границу со странами дальнего зарубежья, центростремительный характер носят факторы: плотность автодорог с твердым покрытием (0,342 при стандартной ошибке 0,146) и уровень развития сферы услуг (1,338 при стандартной ошибке 0,082); для регионов с морской внешней границей – только сфера услуг (1,259 при стандартной ошибке 0,114). Изменение относительной заработной платы в данном случае,

как и в европейских регионах, не являются значимым для развития агломерационных процессов.

Несколько иная ситуация наблюдается во внутренних регионах страны: здесь факторами центростремительного характера являются прямые зарубежные инвестиции (0,089 при стандартной ошибке 0,04) и развитие сферы услуг (0,988 при стандартной ошибке 0,093), а центробежного – относительная заработная плата (-1,425 при стандартной ошибке 0,287). Для российских регионов (как в целом, так и по выделенным группам) расстояние от областного центра до ближайшего крупного города является несущественным, что свидетельствует об отсутствии однозначного направления движения товаров: часть предприятий ориентируются на внешний рынок, другая – на внутренний.

Таким образом, в данной части монографии изложены результаты исследования концентрации (рассеивания) экономической активности в российских регионах на основе адаптированной модели. Необходимость проведения углубленного анализа влияния факторов на развитие агломерационных процессов на уровне регионов не вызывает сомнения, однако для российских регионов такие исследования не проводились. Данная работа ставит перед собой целью восполнить этот пробел. В исследовании представлены эмпирические доказательства того, что принципы размещения экономической активности внутри страны отличаются в зависимости от расположения региона по отношению к внешней границе.

Так, в регионах, граничащих с бывшими советскими территориями, как и во внутренних областях страны, важным конкурентным преимуществом является низкая заработная плата и достаточно эффективные иностранные инвестиции, повышающие концентрацию экономической активности в регионе. В отличие от стран Центральной и Восточной Европы (Resmini, 2003) фактор расстояния до ближайшего крупного города не играет существенной роли ни в одной группе регионов. Мы считаем, что это обуславливается обширными размерами

страны. Логичным, на наш взгляд, является доказательство того, что плотность автодорог с твердым покрытием является более существенным фактором для повышения концентрации экономической активности в регионах с сухопутной границей, как с ближним, так и с дальним зарубежьем. Для всех групп регионов без исключения развитие сферы услуг положительно сказывается на агломерационных процессах.

2.3 Зависимость экономического роста от предшествующей траектории развития (path dependence)

В последние годы в экономической географии сформировалось новое направление, рассматривающее текущее развитие региона с позиции предшествующих предпосылок. Оно получило название «эволюционная экономическая география». Видными представителями научной школы являются П. Дэвид [99], П. Горрост и С. Иоаннидес [100], А. Джойлнк и Дж. Вромен [101]. Проблема учета влияния фактора предшествующего развития на экономический рост в регионе заключается в том, что его трудно отделить от географических особенностей и накопленных знаний. Возникает вопрос: если зависимость от предшествующего развития обусловлена результатами сложившихся условий и специфики территории, то почему механизмы такой зависимости по-разному проявляются в разных местах. Следовательно, необходимо определить эти механизмы в системе региональной экономики, обозначить пороговые значения возникновения зависимости от предшествующей траектории.

[99] David, P. A. (2005) Path dependence in economic processes: implications for policy analysis in dynamical systems contexts. In K. Dopfer (ed.) The Evolutionary Foundations of Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 151–194.

[100] Garrouste, P., Ioannides, S. (eds) (2001) Evolution and Path Dependence in Economic Ideas. Cheltenham: Edward Elgar

[101] Joilnk, A., Vromen, J. J. (2001) Path dependence in scientific evolution. In P. Garrouste and S. Ioannides (eds) Evolution and Path Dependence in Economic Ideas. Cheltenham: Edward Elgar, 205–224.

Зависимость экономического роста от предшествующей траектории развития («*path dependence*») рассматривается с трех позиций. Во-первых, это фактор технологической замкнутости. Предполагается, что траектория развития замыкает на себе результаты произошедших в прошлом событий. Мы используем те или иные технологии потому, что когда-то в прошлом они проявили себя лучше. В то же время, на сегодняшний день могут существовать уже более совершенные альтернативные технологии, но выбор был сделан ранее. Центральной идеей данного направления является «QWERTY-economics» − пример того, как тип английской раскладки клавиатуры «QWERTY» в свое время стал общепринятым, хотя сегодня уже есть известны другие варианты, которые позволили бы печатать с более высокой производительностью. В этом направлении ведущим ученым считается П. Дэвид.

Во-вторых, «*path dependence» рассматривается с позиции* динамики возрастающей отдачи. Развитие многих явлений обусловлено процессом возрастающей отдачи, в котором различные внешние факторы и механизмы обучения приводят к получению положительных эффектов обратной связи, тем самым усиливая уже сложившиеся пути развития. Основоположником этого направления считается В. Артур.

В-третьих, институциональные особенности развития формируют предшествующую траекторию. Система формальных и неформальных институтов, социальных механизмов и культурных форм самовоспроизводится с течением времени, частично за счет социально-экономических действий, и служит для поддержки и стабилизации. Основоположниками данного направления можно считать Д. Норта и М. Сеттерфилда.

Отметим, что значимость подхода определения экономического роста региона от его предшествующего развития высока. Ученые пытаются определить, какое влияние на развитие экономики оказывают случайные события, произошедшие в прошлом, а какое – целенаправленные системные действия. В своих исследованиях данная школа опирается на примеры из региональной экономики или экономической географии. Так,

П. Дэвид объясняет роль внешних факторов в рамках концепции местных технологических кластеров Маршалла [102]. В. Артур описывает, как эффекты возрастающей отдачи приводят к проявлению «*path dependence*» в становлении промышленного и городского размещения [103].

В России данным направлением занимаются Р. Нуреев и Ю. Латов [104], В.В. Вольчик [105], Д.П. Фролов [106], И.М. Ширяев [107] и другие. И надо отметить, что из разряда экономико-географических проблем в отечественной науке она переходит в историко-философскую плоскость. Даже в работе Р. Нуреева и Ю. Латова направление эволюционной экономической географии называется «новая экономическая история». Отечественная научная школа рассматривает технические стандарты, которые были установлены в разных странах в прошлом, правовые и экономические институты.

На сегодняшний день в данной области исследования еще остается целый ряд нерешенных вопросов. До сих пор не разработана классификация зависимости от предшествующего развития по типам, степени влияния и причинам. Не изучена проблема воздействия на развитие окружающей среды и природа «замкнутого круга», отсутствуют работы о возможности

[102] David, P. A. (1997) Path dependence and the quest for historical economics: one more chorus of the ballad of QWERTY. Discussion Papers in Economic and Social History. University of Oxford

[103] Arthur, W. B. (1994b) Path Dependence, Self-Reinforcement and Human Learning, in Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Michigan: Michigan University Press, 133–158

[104] Нуреев Р., Латов Ю. Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты. Истоки: из опыта изучения экономики как структуры процесса. 2006

[105] Вольчик В.В. Зависимость от траектории предшествующего развития и эволюция института собственности в России // 20 лет исследования QWERTY-эффектов и зависимости от предшествующего развития. Интернет-конференция с 15.04.05 по 5.06.05. URL: http://ecsocman.hse.ru/text/16213414/

[106] Фролов Д.П. Многоуровневая иерархия экономического пространства: формирование эволюционной таксономии // Пространственная экономика. 2013. № 4. С. 122-150.

[107] Ширяев И.М. Зависимость от предшествующего пути развития и создание пути развития как важнейшие концепции в эволюционной экономике // Journal of Economic Regulation. 2013. Т. 4. № 3. С. 103-112.

создания такого «пути развития», не ясно, в какой степени «*path dependence»* является эволюционным процессом.

Рассмотрим, каким образом зависимость от предшествующей траектории развития может проявляться в региональной экономике. Во-первых, через природные ресурсы. Экономический рост в регионе зависит, с одной стороны, от наличия конкретного вида сырья, с другой стороны, от технических возможностей, которые обеспечивают использование данного сырья в промышленности в регионе.

Во-вторых, через вложения в основные фонды региона и инфраструктуру. Единожды вложив средства в развитие тяжелой промышленности или транспортные коммуникации, регион получает экономические преимущества перед соседями, так как в дальнейшем несет лишь небольшие издержки на поддержание основных фондов и инфраструктуры.

В-третьих, путем возникновения внешних экстерналий от промышленной специализации. Местные промышленные районы и специализированные экономические кластеры, характеризуемые по Маршаллианскому типу экстерналий, создают общий рынок специалистов и работников определенной квалификации, пул необходимых поставщиков и посредников. Такая специализация обеспечивает распространение и приумножение знаний и другие локальные эффекты в деловом секторе, например, налаженные сети сотрудничества, практику бизнес-соглашений и условия, которые проистекают из высокой степени экономики "взаимосвязанности" в регионе.

В-четвертых, «*path dependence»* территориально может проявляться через технологическую замкнутость. Становление и развитие уникальной системы развития технологий в регионе или инновационной среды возможно посредством программ коллективного обучения, формирования необходимых норм поведения, создания научных организаций и других форм технологического взаимодействия.

Аналогичным образом «*path dependence»* хорошо проявляется в агломерационной экономике: через возникновение

внешних экстерналий, общего рынка труда, налаженных связей с поставщиками и посредниками, в том числе услуг и информации. Зависимость экономического роста от предшествующей траектории развития объясняется местными специфическими институтами, социальными формами и культурными традициями. Отдельным направлением проявления «*path dependence»* в региональной экономике можно выделить межрегиональные связи и взаимозависимости.

Рассмотрим проявление «*path dependence»* в экономике российских регионов путем сопоставления текущего уровня экономического роста с показателями развития на начальный период времени. Отметим сразу, что регионы России отличаются высокой дифференциацией по уровню социально-экономического развития. Так, анализ валового регионального продукта на душу населения в 2014 г. свидетельствует о том, что лидирующие места в России занимают Ненецкий АО (4252,3 тыс. руб. на человека), Ямало-Ненецкий АО (2985,5 тыс. руб. на человека). Кроме того, можно выделить Ханты-Мансийский АО (1761,1 тыс. руб. на человека), Сахалинскую область (1620,3 тыс. руб. на человека), Чукотский АО (1119,9 тыс. руб. на человека), г. Москву (1054 тыс. руб. на человека), Республику Саха (690,6 тыс. руб. на человека), Магаданскую область (650,2 тыс. руб. на человека), Республику Коми (553,9 тыс. руб. на человека), Тюменскую область (522 тыс. руб. на человека), и г. Санкт-Петербург (513,8 тыс. руб. на человека). Низкие показатели ВРП на душу населения наблюдаются в Чеченской республике (104 тыс. руб. на человека) и Республике Ингушетия (113,8 тыс. руб. на человека) (рис. 2.3.1).

Рис.2.3.1. ВРП на душу населения в регионах России в 2014 г., млн руб. на чел.

Высокий уровень неравенства среди российских регионов имеет место и по другим показателям: темпы экономического роста, производительность труда, ВРП в расчете на размер территории, средняя заработная плата, уровень образования занятого в экономике населения, продолжительность жизни и т.п.

Проведем анализ экономического роста путем оценки показателей валового регионального продукта (ВРП), ВРП на душу населения и производительности труда (ВРП в расчете на одного человека, занятого в экономике региона). Объект исследования – 83 региона РФ, период исследования – 2003-2013 гг. Для дальнейшего рассмотрения показателей экономического роста необходимо учесть фактор инфляции и привести ВРП в сопоставимые цены (напр., в цены 2003 года). Отметим, что среди регионов индекс цен варьируется значительно. Так, в 2003 году наиболее высокий показатель инфляции наблюдался в Красноярском крае (18,4 %), низкий – в Республике Северной Осетии-Алании (7,8 %). В 2013 году максимальный рост цен имел место в Магаданской области (9%), минимальный – в Республике Дагестан (4,4 %). Приведем показатели ВРП, ВРП на душу

населения и производительности труда к сопоставимым ценам – ценам 2003 года.

В 2003 г. наиболее высокий показатель ВРП в России имел место в г. Москве (2 458 483 млн. руб. или 21,24 % совокупного ВРП российских регионов), Ханты-Мансийском автономном округе (АО) (773 785,9 млн. руб. или 6,68 %), Московской области (452 109,5 млн. руб. или 3,91 %), г. Санкт-Петербурге (435674,9 млн. руб. или 3,76 %), Республике Татарстан (320132,1 млн. руб. или 2,77 %), Ямало-Ненецком АО (311741 млн. руб. или 2,69 %). Таким образом, на шесть регионов страны приходилось 41,05 % совокупного ВРП, что свидетельствует о высокой степени концентрации производства.

За период 2003-2013 гг. совокупный ВРП по России увеличился в сопоставимых ценах в 1,91 раза. В 2013 г. с учетом инфляции наиболее высокий показатель ВРП наблюдался в г. Москве (4823347 млн. руб. или 21,8 % совокупного ВРП российских регионов), Ханты-Мансийском АО (1245675 млн. руб. или 5,63 %), Московской области (1035320 млн. руб. или 4,68 %), г. Санкт-Петербурге (975686,3 млн. руб. или 4,41 %), Республике Татарстан (675870,2 млн. руб. или 3,05 %), Краснодарском крае (641286,7 млн. руб. или 2,9 %). В 2013 г. на шесть регионов страны приходилось 42,47 % совокупного производства.

Анализ показателя ВРП на душу населения в 2013 г. свидетельствует о том, что лидирующие места в России занимают Ненецкий АО (3994,7 тыс. руб. на человека), Ямало-Ненецкий АО (2543,5 тыс. руб. на человека). Кроме того, можно выделить Ханты-Мансийский АО (1746,8 тыс. руб. на человека), Сахалинскую область (1372,3 тыс. руб. на человека), г. Москву (960,7 тыс. руб. на человека), Чукотский АО (921,4 тыс. руб. на человека), Тюменскую область (606,7 тыс. руб. на человека), Республику Саха (595,9 тыс. руб. на человека), Магаданскую область (589,9 тыс. руб. на человека), Республику Коми (562,8 тыс. руб. на человека) и г. Санкт-Петербург (486,5 тыс. руб. на человека). Низкие показатели ВРП на душу населения

наблюдаются в Чеченской республике (87,8 тыс. руб. на человека) и Республике Ингушетия (99,7 тыс. руб. на человека).

Что касается такого показателя, как производительность труда, то в 2013 г. наибольшая величина наблюдается в Ненецком АО (7468,3 тыс. руб. на человека). Также высокий показатель имеет место в Ямало-Ненецком АО (4226,1 тыс. руб. на человека). Кроме того, можно выделить Ханты-Мансийский АО (3103,1 тыс. руб. на человека), Сахалинскую область (2372,4 тыс. руб. на человека), город Москва (1228,2 тыс. руб. на человека), Чукотский АО (1127,9 тыс. руб. на человека), Тюменскую область (981,5 тыс. руб. на человека), Республику Саха (893,8 тыс. руб. на человека), Магаданскую область (876,3 тыс. руб. на человека), Республику Коми (828,9 тыс. руб. на человека) и Санкт-Петербург (780,1 тыс. руб. на человека). Низкие показатели ВРП на душу населения наблюдаются в Чеченской республике (182,1 тыс. руб. на человека) и Республике Ингушетия (224,7 тыс. руб. на человека).

Таблица 2.3.1 − Динамика показателей ВРП на душу населения и производительности труда регионов России за 2003-2013 гг.

Показатель	Изменение реального ВРП	Изменение реального ВРП на душу населения	Изменение производительности труда
Минимальный рост	3,93 % (Сахалинская область)	4,3 % (Сахалинская область)	3,71 % (Сахалинская область)
Максимальный рост	1,09 % (Чукотский автономный округ)	1,11 % (Чукотский автономный округ)	1,13 % (Чукотский автономный округ)
Разница	2,84 п.п.	3,19 п.п.	2,58 п.п.
*Для сравнения: анализ стран ОЭСР, 1995-2005 гг.**			

Минимальный рост	1,1 % (Япония)	1,0 % (Япония)	-0,4 % (Испания)
Максимальный рост	7,7 % (Ирландия)	6,0 % (Ирландия)	4,8 % (Польша)
Разница	6,6 п.п.	5,0 п.п.	5,2 п.п.
*Для сравнения: анализ регионов стран ОЭСР, 1995-2005 гг.**			
Минимальный рост	-1,7 % (Берлин, ФРГ)	-1,8 (Адана, Турция)	-3,8 % (Шампань-Арденны, Франция)
Максимальный рост	8,5 % (Западный и Восточный регионы, Ирландия)	7,1 % (Западный и Восточный регионы, Ирландия)	7,1 % (Подляское воеводство, Польша)
Разница	10,2 п.п.	8,9 п.п.	10,9 п.п.

* По данным: How Regions Grow: Trends and Analysis. Paris. OECD Publishing. 2009

Мы видим, что наиболее быстрыми темпами увеличивается показатель реального ВРП в Сахалинской области, медленными – в Чукотском автономном округе. Аналогичным образом развивается динамика производных показателей. Разница между максимальным и минимальным значением небольшая − сопоставимая с межстрановыми показателями ОЭСР.

Зарубежные исследования (например, стран ОЭСР) показывают, что разница в темпах экономического роста более заметна на межрегиональном уровне, чем на межстрановом. Логично предположить, что проведение анализа на уровне муниципальных образований также покажет более высокую разницу в темпах экономического роста. Такая разница является результатом наличия сравнительных преимуществ, исторических этапов развития и государственной политики.

Гетерогенность экономического роста в российских регионах и регионах стран ОЭСР показывает, что не существует единого пути к достижению устойчивых темпов роста. Необходимо рассмотреть факторы экономического развития в регионах с быстрыми и медленными темпами экономического роста для определения мер и инструментов эффективной региональной политики.

Для того, чтобы определить, как сильно текущие показатели экономического роста в регионе зависят от ситуации в начальном периоде исследования, построим точечную диаграмму по двум параметрам: среднегодовой темп прироста ВРП на душу населения (по оси *x*) за весь анализируемый период и его значение на начало периода (по оси *y*). Объект анализа – 83 региона России, период – 2003-2013 гг. ВРП был приведен в сопоставимые цены. Представим полученные данные на рисунке 2.3.2.

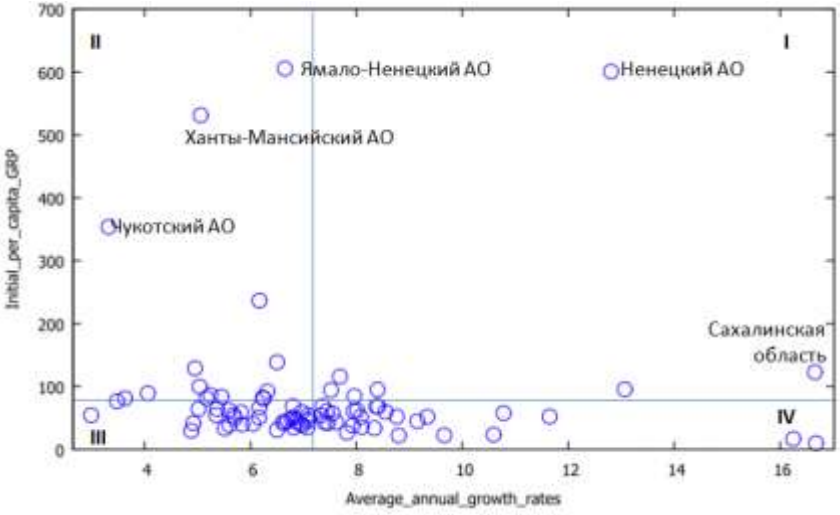


Рис. 2.3.2. Средний темп прироста душевого ВРП (в сопоставимых ценах) российских регионов за 2003-2013 гг. и душевой ВРП в 2003 году

Разделим регионы России на четыре группы по среднему значению показателей, как показано на рисунке 2.3.2. В первую группу попадают семь регионов с высоким стартовым уровнем душевого ВРП и хорошим темпом экономического роста: Ненецкий автономный округ, республики Коми и Татарстан, г. Санкт-Петербург и Тюменская и Сахалинская области. Экономический рост регионов по группе в среднем составил 10,59% за 2003-2013 гг., при том, что изначально уровень душевого ВРП был достаточно высоким – в среднем 172,71 тыс. руб.

Вторая группа регионов также немногочисленна. Это регионы с изначально высоким уровнем социально-экономического развития, но низкими темпами роста. Он включает одиннадцать регионов со средним ВРП на душу населения в 2003 году 222,39 тыс. руб. и средним темпом роста показателя – 5,34%.

Третья группа – это регионы с низким уровнем стартового развития и медленным экономическим ростом. Сюда отнесем 37 регионов страны. Средние показатели по группе: темп прироста – 5,98%, ВРП на душу населения на начальный период – 52,47 тыс. руб.

И четвертая группа – это наиболее производительные регионы. Именно их опыт должен лечь в основу разработки социально-экономической политики регионов страны. Это 27 регионов со средним уровнем социально-экономического развития 45,56 тыс. руб. и темпом прироста показателя 9,09%.

Таким образом, мы рассмотрели тенденции экономического роста регионов России в целом и его важный фактор – начальные условия развития. Новые реалии международных отношений ужесточают условия социально-экономического развития регионов, ставят под вопрос перспективы экономического роста. Важно понимать, насколько сильно на динамику показателей может повлиять положение региона «на старте» – на начало периода исследования.

Проведенный анализ позволил нам не только выявить основные тенденции развития в данной области, но и очертить ту группу регионов, которые целесообразно рассмотреть более детально для определения ключевых факторов роста.

2.4 Внешнеэкономический фактор региональной конкурентоспособности

Внешнеэкономическая деятельность способствует более эффективному размещению производства, применению финансовых ресурсов, стимулирует политическое и институциональное развитие. Углубление взаимоотношений приносит ряд выгод на национальном уровне, повышая конкурентоспособность экономики, содействуя проведению реформ, разрешению конфликтов и т.д. Сотрудничество во внешнеэкономической сфере помимо явных положительных экстерналий вызывает возникновение отдельных эффектов, которые сложно трактовать однозначно. Например, закрытые границы искажают эффекты размера рынка (Niebuhr, Stiller, 2002), в то время как устранение экономических барьеров улучшает межрегиональные связи, открывает доступ к внешним рынкам, повышает уровень конкуренции со стороны иностранных производителей через импортные потоки товаров (Brulhart et al., 2004). Следовательно, если в целом внешнеэкономическая деятельность положительно влияет на развитие экономики участвующих стран, то выигрыш от такого взаимодействия распределяется неравномерно не только между самими странами, но и внутри каждой из них среди регионов.

Если для российской экономики внешнеэкономическая деятельность всегда играла важную роль катализатора роста и инструмента сбалансированности внутренних товарных рынков, то сегодня ее развитие должно стать опорой для выхода из кризисного положения. При этом именно во внешнем секторе экономики сейчас происходят значимые изменения. Это − введение ряда санкций, как со стороны России, так и со стороны

внешних партнеров; возникновение ограничений на проведение финансовых операций; растущее напряжение в отношениях с Евросоюзом, укрепление связей в Азиатском регионе и в рамках БРИКС. За рубежом российские предприниматели сталкиваются с рядом сложностей. Это выражается в ограничении доступа к капиталу, технологиям, проблемах работы на внешних рынках, вызванных ожиданием ухудшения ситуации. Несвязанность времени введения санкций с динамикой конфликта на Украине вызывает опасения ухудшения отношений к российскому бизнесу. Компенсировать в какой-то степени сложившуюся ситуацию позволит выход на новые экспортные рынки, чему в настоящее время благоприятствует стабильное оживление мировой экономики.

В современной мировой практике интеграционные процессы и либерализация торговли активно развиваются сразу по нескольким направлениям. В период, когда торговые переговоры между странами в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) заходят в тупик (например, Дохийский раунд), акценты смещаются на региональные соглашения о торговле. Исследования в этой области показывают неоднозначное влияние открытости экономики на социально-экономическое развитие страны и регионов. Так, в ряде работ доказывается, что либерализация торговли положительно влияет на рост доходов на душу населения[108,109], при этом преференциальный характер региональных торговых соглашений может сдерживать ее рост в мировых масштабах [110], а, следовательно, уменьшать общее благосостояние в связи с тем,

[108] Niebuhr A, Stiller S, 2002, Integration effects in border regions – A survey of economic theory and empirical studies, HWWA Discussion Paper no. 179

[109] Brülhart M, Crozet M, Koenig-Soubeyran P, 2004, Enlargement and the EU periphery: The impact of changing market potential, The World Economy 27(6) 853–875

[110] Grossman G., Helpman E. Innovation and Growth in the Global Economy. Cambridge, MA, MIT Press, 1991

что торговые потоки будут становиться менее эффективными[111, 112].

Россия участвует в двух региональных соглашениях: зона свободной торговли СНГ и Евразийский экономический союз. Мы не можем говорить о переориентации внешнеторговых потоков в сторону СНГ, так как ее не происходит. Если в 2001 году доля стран СНГ в российском импорте составляла 26,71%, то в 2014 году она сократилась до 11,32 %. Доля стран СНГ в экспорте России также снизилась с 14,54% до 12,9 % за период [113].

Гораздо более активное развитие наблюдается в рамках сотрудничества стран БРИКС. С 2001 года по 2014 год объем экспорта России в страны БРИКС увеличился в 6,66 раза, импорта из стран БРИКС – в 18,22 раза (внешнеторговый оборот России с 2001 года возрос в целом в 5,47 раза) [114]. Переориентация торгового сотрудничества России от европейского партнерства в сторону стран БРИКС приведет к территориальной перестройке структуры ее экономики, а, значит, к существенным изменениям на уровне регионов.

Целью исследования, результаты которого отражены в данной работе, является определение перспектив развития экспорта российских регионов в современных условиях. Для ее реализации мы провели анализ товарной и региональной структуры экспорта России в период до начала трансформации внешнеэкономических связей, оценили последствия изменений

---

[111] Sala-i-Martin X., Barro R.J. Technological Diffusion, Convergence, and Growth. Journal of Economic Growth, 1997, Vol. 2(1), pp. 1 – 26

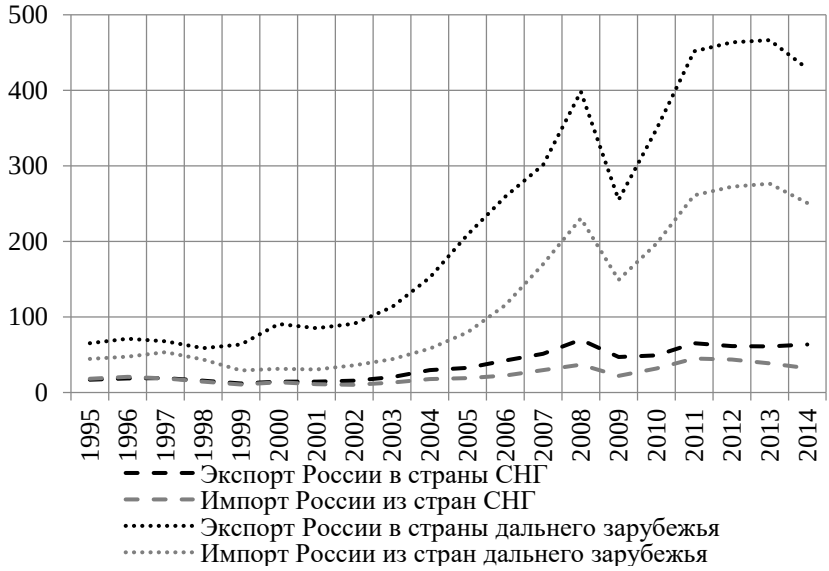
[112] Jagdish B. Regionalism versus Multilateralism. World Economy, 1992, Vol. 15(5), pp. 535-55

[113] Рассчитано по: Внешняя торговля Российской Федерации (по методологии платежного баланса) [Foreign trade of the Russian Federation (by balance of payments methodology)]./ Платежный баланс Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики [Balance of Payments of the Russian Federation. Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru (accessed 05.06.2015)

[114] Рассчитано по: Bilateral trade between Russian Federation and Brazil, Russia, India, China and South Africa (BRICS) // Trade Centre: Trade map. Trade statistics for international business development. URL: http://www.trademap.org/. В 2014 году импорт стран БРИКС из России сократился на 3,96% при общем росте экспорта России в страны группы на 2,6%.

во внешнеторговой деятельности, выявили регионы, принимающие на себя экспортные риски, определили возможные перспективы развития.

Рассмотрим динамику внешней торговли России по показателям экспорта и импорта со странами СНГ и дальнего зарубежья в 1995-2014 годах (рис. 2.4.1).



Построено по: до 2001 года[115]; с 2001 года[116].

Рис.2.4.1. Динамика внешней торговли России со странами СНГ и странами дальнего зарубежья за 1995-2014 гг., млрд. долл. США

Мы видим, что в целом наблюдается положительная динамика торговли, что свидетельствует об увеличении степени открытости российской экономики. Исключение составляет

[115] Jeffrey F., Stein E., and Wei Sh. Trading Blocs and the Americas: The Natural, the Unnatural, and the Super-natural. Journal of Development Economics, 1995, Vol. 47, pp. 61-95

[116] Venables A.J. Winners and losers from regional integration agreements., Economic Journal, 2003, vol. 113(490), pp. 747-61

кризисный период 2009 года и период с 2014 года по причинам, указанным выше.

Внешнеторговый оборот России в 2014 году сократился на 6,8%, в I квартале 2015 года – на 30,8 % (по сравнению с I кварталом 2014 года). Столь существенное сокращение внешней торговли наблюдалось только в 1999 г и 2009 г.

Объем российского экспорта сократился уже в 2013 годы (на 0,8 % по отношению к предыдущему периоду), в 2014 году – еще на 4,9%, в I квартале 2015 года – на 26,9%. Импорт в 2013 году еще имел тенденцию роста (на 1,7%). В 2014 году произошло снижение объема импорта на 9,8 %, в I квартале 2015 года – на 37,3 % по отношению к I кварталу 2014 года.

Российская внешняя торговля диверсифицирована территориально. Значительный отрыв объемов торговли со странами дальнего зарубежья от аналогичных показателей по СНГ начался в 2000 годы, резкое снижение которых произошло в 2009 году. И если в 2000-2012 годах ежегодный рост объема экспорта России со странами дальнего зарубежья в среднем составлял 16,84 % (импорта – 22,33 %), то в 2013 году объемы торговли практически не изменились, а уже в 2014 году произошло сокращение на 8,07 % и 9,32 % соответственно. Таким образом, снижение мировых цен на нефть, девальвация рубля и сокращение внутреннего спроса привели к сокращению объемов внешней торговли России, как со странами дальнего зарубежья, так и со странами СНГ (искл., растущий импорт из стран СНГ).

Либерализация торговли является основной составляющей процесса глобализации и может происходить как в рамках интеграционных объединений, так и без них. С одной стороны, либерализация торговли позитивно отражается на экономическом развитии страны в целом. Что касается территориального развития, то при снижении барьеров положительных эффектов возникает больше при значительной включенности региона в ВЭД. Это, в свою очередь, способствует росту социально-экономической дифференциации. С другой стороны, при снижении уровня либерализации экономика таких

регионов может пострадать в первую очередь. Рассмотрим этот аспект более подробно. Проведем анализ товарной и региональной структуры экспорта России.

Далеко не все регионы России являются экспортоориентированными. И даже среди регионов, производство которых направлено на экспорт, можно выделить регионы с более эффективными товарными группами экспорта и менее эффективными.

В таблице 2.4.1 представлены регионы с наибольшей долей в общем объеме экспорта по группам 1-24 «Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье».

Таблица 2.4.1 – Регионы России - основные экспортеры товаров по группам 1-24 «Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье» в 2012 г. и 2013 г.

№ п/п	Регионы	Экспорт, млн. долл. в 2012 г., млн. долл.		Доля регионов в общем объеме экспорта по группе, %	
		2012 г.	2013 г.	2012 г.	2013 г.
1.	г. Москва	3375	2380,1	20,25	14,70
2.	Ростовская область	2661	2656	15,97	16,40
3.	Краснодарский край	1671	1747,9	10,03	10,79
4.	г. Санкт-Петербург	1193	1199,7	7,16	7,41
5.	Приморский край	833	980,3	5,00	6,05
6.	Камчатский край	656	604,3	3,94	3,73
7.	Московская область	626	773,6	3,76	4,78
8.	Калининградская область	504	682,8	3,02	4,22
9.	Сахалинская область	483	512,2	2,90	3,16
10.	Воронежская область	410	373,7	2,46	2,31
11.	Саратовская область	262	209,3	1,57	1,29
12.	Липецкая область	254	161,8	1,52	1,00
13.	Ставропольский край	232	247	1,39	1,53
14.	Волгоградская область	216	222,5	1,30	1,37
15.	Белгородская область	214	221,9	1,28	1,37
	Итого по 15 регионам	13590	12973,1	81,55	80,10

	Российская Федерация	16663	16196,2	100	100

Регионы проранжированы по объему экспорта в 2012 году.
Рассчитано по: 2012 год[117]; 2013 год[118].

Следует отметить, что 15 регионов суммарно экспортируют свыше 80 % продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья. Наибольшая доля приходится на г. Москву, Ростовскую область, Краснодарский край, г. Санкт-Петербург и Приморский край. Обратим внимание, что компании (и регионы), экспортирующие продовольственные товары и сельхозсырье, зачастую не являются производителями. По этой причине города Москва и Санкт-Петербург, безусловно, не являющиеся прямыми производителями, имеют весомые доли в экспорте.

Однако, на наш взгляд, аграрные регионы в меньшей степени попадают в зону риска после введения ограничительных санкций. При эффективном менеджменте производимая продукция может быть перенаправлена на внутренние рынки страны.

Наиболее востребованной на мировом рынке товарной группой экспорта является продукция топливно-энергетического комплекса (табл. 2.4.2).

[117] Внешняя торговля Российской Федерации (по методологии платежного баланса) [Foreign trade of the Russian Federation (by balance of payments methodology)]./ Платежный баланс Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики [Balance of Payments of the Russian Federation. Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru (accessed 05.06.2015)

[118] Bilateral trade between Russian Federation and Commonweals of Independent States (CIS) // International Trade Centre: Trade map. Trade statistics for international business development. URL: http://www.trademap.org/

Таблица 2.4.2 – Регионы России - основные экспортеры товаров по группе 27 «Продукция топливно-энергетического комплекса» в 2012 г. и 2013 г.

№ п/п	Регионы	Экспорт, млн. долл.		Доля регионов в общем объеме экспорта по группе, %	
		2012 г.	2013 г.	2012 г.	2013 г.
1.	г. Москва	186861	201845,5	50,57	54,29
2.	Тюменская область без ХМАО и ЯНАО	33804	21425,4	9,15	5,76
3.	Ханты-Мансийский автономный округ	23870	24554,1	6,46	6,60
4.	Республика Татарстан	17620	17479,9	4,76	4,70
5.	г. Санкт-Петербург	15629	14343,9	4,23	3,86
6.	Сахалинская область	15464	16081,6	4,18	4,33
7.	Ленинградская область	13745	11092,6	3,72	2,98
8.	Республика Башкортостан	10940	12269,4	2,96	3,30
9.	Кемеровская область	8939	9524,5	2,41	2,56
10.	Краснодарский край	7620	5575,8	2,06	1,50

	Итого по 9 регионам	337523	336504	91,35	90,51
	Российская Федерация	369497	371791,8	100	100

Регионы проранжированы по объему экспорта в 2012 году; ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ, ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ.
Рассчитано по: 2012 год[119]; 2013 год[120].

Рассмотрение продукции топливно-энергетического комплекса показывает, что региональными экспортерами являются г. Москва, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Татарстан и г. Санкт-Петербург, на долю которых приходится около 75 % экспорта товарной группы. В целом, 9 регионов экспортируют свыше 90 %.

Принимая во внимание тот факт, что добыча топливно-энергетических ресурсов находится не в г. Москве и Санкт-Петербурге, считаем необходимым дополнительно рассмотреть территориальную структуру производства данной товарной группы (табл. 2.4.3).

[119] Внешняя торговля Российской Федерации (по методологии платежного баланса) [Foreign trade of the Russian Federation (by balance of payments methodology)]./ Платежный баланс Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики [Balance of Payments of the Russian Federation. Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru (accessed 05.06.2015)
[120] Bilateral trade between Russian Federation and Commonweals of Independent States (CIS) // International Trade Centre: Trade map. Trade statistics for international business development. URL: http://www.trademap.org/

Таблица 2.4.3 – Регионы России – лидеры по добыче топливно-энергетических полезных ископаемых в 2013 г.

№ п/п	Регионы	Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых, млн. руб.	Доля регионов в общем объеме добычи, %
1.	Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	2339277,4	26,9
2.	г. Москва	1329932	15,29
3.	Ямало-Ненецкий автономный округ	1053802,1	12,12
4.	Сахалинская область	557190,4	6,41
5.	Кемеровская область	420939,14	4,84
6.	Оренбургская область	396889,84	4,56
7.	Республика Татарстан	364905,35	4,2
8.	Красноярский край	273690,17	3,15
9.	Республика Коми	246976,26	2,84
10.	Пермский край	204007,05	2,34
	Всего по 10 регионам	7187609,71	82,66
	Российская Федерация	8695338,2	100

Рассчитано по: Bilateral trade between Russian Federation and Commonweals of Independent States (CIS) // International Trade Centre: Trade map. Trade statistics for international business development. URL: http://www.trademap.org/

В данной таблице мы видим, что на долю г. Москвы приходится около 15 % всего объема добычи топливно-

энергетических полезных ископаемых. Это можно объяснить тем, что компании, фактически работающие в нефтегазовых регионах страны, могут быть официально зарегистрированы в столице.

Основными регионами-производителями данной товарной группы являются Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Сахалинская, Кемеровская, Оренбургская области, Республика Татарстан. Всего же на 10 регионов приходится 82,66% общероссийского производства.

Существенную долю экспортной структуры также составляет продукция химической промышленности и каучука (табл. 2.4.4).

Таблица 2.4.4 – Регионы России - основные экспортеры товаров по группам 28-40 «Продукция химической промышленности, каучук» в 2012 г. и 2013 г.

№ п/п	Регионы	Экспорт, млн. долл. в 2012 г., млн. долл.		Доля регионов в общем объеме экспорта по группе, %	
		2012 г.	2013 г.	2012 г.	2013 г.
1.	Пермский край	4769	3458,6	14,91	11,25
2.	г. Москва	3594	4067,6	11,23	13,23
3.	Республика Татарстан	2686	2671,3	8,40	8,69
4.	Свердловская область	2117	1601,5	6,62	5,21
5.	Самарская область	1997	2367,9	6,24	7,70
6.	Вологодская область	1447	1408,4	4,52	4,58
7.	Тульская область	1239	1310,5	3,87	4,26
8.	Ленинградская область	1237	1281,6	3,87	4,17
9.	Воронежская область	1054	976,9	3,29	3,18
10.	Республика Башкортостан	978	966,1	3,06	3,14
11.	Новгородская область	970	859,8	3,03	2,80
12.	Тюменская область	920	762,8	2,88	2,48
13.	Саратовская область	892	802,8	2,79	2,61
14.	Московская область	811	871,1	2,53	2,83
15.	Ставропольский край	734	737,9	2,29	2,40
	Итого по 15 регионам	25445	24144,8	79,53	78,55
	Российская Федерация	31993	30739,2	100	100

Регионы проранжированы по объему экспорта в 2012 году.

Рассчитано по: 2012 год[121]; 2013 год[122].

В таблице 2.4.4 представлены регионы с наибольшей долей в общем объеме экспорта по товарным группам 28-40 «Продукция химической промышленности, каучук». Следует отметить, данная экспортная группа не так сильно сконцентрирована в небольшом числе регионов, как предыдущие. Более 78 % продукции химической промышленности и каучука экспортируется 15 регионами страны. Наибольшая доля экспорта по товарной группе приходится на Кировскую область, г. Москву, Республику Татарстан, Свердловскую и Самарскую области.

Следующим блоком структуры экспорта является «Древесина и целлюлозно-бумажные изделия» - товарные группы 44-49 (табл. 2.4.5).

Таблица 2.4.5 – Регионы России - основные экспортеры товаров по группам 44-49 «Древесина и целлюлозно-бумажные изделия» в 2012 г. и 2013 г.

№ п/п	Регионы	Экспорт, млн. долл. в 2012 г., млн. долл.		Доля регионов в общем объеме экспорта по группе, %	
		2012 г.	2013 г.	2012 г.	2013 г.
1.	Иркутская область	2484	2644,4	24,5	24,11
2.	Архангельская область	800	794,1	7,89	7,24
3.	Республика Карелия	666	585,8	6,57	5,34
4.	Красноярский край	593	637,4	5,85	5,81
5.	Хабаровский край	545	540,6	5,38	4,93

[121] Внешняя торговля Российской Федерации (по методологии платежного баланса) [Foreign trade of the Russian Federation (by balance of payments methodology)]./ Платежный баланс Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики [Balance of Payments of the Russian Federation. Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru (accessed 05.06.2015)

[122] Bilateral trade between Russian Federation and Commonweals of Independent States (CIS) // International Trade Centre: Trade map. Trade statistics for international business development. URL: http://www.trademap.org/

6.	Республика Коми	495	550,1	4,88	5,02
7.	Ленинградская область	481	583,1	4,74	5,32
8.	Пермский край	474	488,9	4,68	4,46
9.	Приморский край	353	371,4	3,48	3,39
10.	г. Санкт-Петербург	341	514,8	3,36	4,69
11.	г. Москва	286	410,9	2,82	3,75
12.	Вологодская область	264	344,5	2,6	3,14
13.	Новгородская область	215	207	2,12	1,89
14.	Нижегородская область	205	194,9	2,02	1,78
15.	Свердловская область	202	232,7	1,99	2,12
	Итого по 15 регионам	8404	9100,6	82,89	82,99
	Российская Федерация	10139	10965,8	100	100

Регионы проранжированы по объему экспорта в 2012 году.
Рассчитано по: 2012 год[123]; 2013 год[124].

Пространственная концентрация производства данных товаров высока в силу специфики – лишь некоторые регионы России характеризуются лесистостью. Это преимущественно регионы Сибири, Дальнего Востока и Европейского севера. Максимальные проценты лесопокрытой площади отмечаются в Иркутской области и Приморском крае, несколько ниже они на юге Хабаровского края, юге Якутии, в приенисейской части Красноярского края и в республике Коми, Вологодской Костромской и Пермской областях. 15 регионов страны суммарно экспортируют более 82 % древесины и целлюлозно-бумажных изделий. Наибольшая доля приходится на Иркутскую, Архангельскую области, Республику Карелия, Красноярский и Хабаровский края.

[123] Внешняя торговля Российской Федерации (по методологии платежного баланса) [Foreign trade of the Russian Federation (by balance of payments methodology)]./ Платежный баланс Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики [Balance of Payments of the Russian Federation. Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru (accessed 05.06.2015)

[124] Bilateral trade between Russian Federation and Commonweals of Independent States (CIS) // International Trade Centre: Trade map. Trade statistics for international business development. URL: http://www.trademap.org/

Следующая товарная группа экспорта - это «металлы и изделия из металлов» (табл. 2.4.6).

Таблица 2.4.6 - Регионы России - основные экспортеры товаров по группам 72-83 «Металлы и изделия из них» в 2012 г. и в 2013 г.

№ п/п	Регионы	Экспорт, млн. долл.		Доля регионов в общем объеме экспорта по группе, %	
		2012 г.	2013 г.	2012 г.	2013 г.
1.	Красноярский край	6452	5806,1	14,52	14,21
2.	Свердловская область	5377	4627,5	12,10	11,33
3.	Челябинская область	4942	4285,1	11,12	10,49
4.	Липецкая область	4636	4135,2	10,43	10,12
5.	Вологодская область	2593	2194,1	5,84	5,37
6.	Кемеровская область	2522	2338,3	5,68	5,72
7.	Иркутская область	2202	2404,7	4,96	5,89
8.	Белгородская область	2173	2014,1	4,89	4,93
9.	г. Санкт-Петербург	2168	1630,5	4,88	3,99
10.	Республика Хакасия	1423	1340	3,20	3,28
11.	Оренбургская область	1171	824,1	2,64	2,02
12.	Тульская область	1009	996,1	2,27	2,44
13.	Волгоградская область	980	912,3	2,21	2,23
14.	г. Москва	970	1718,1	2,18	4,20
15.	Мурманская область	944	1087,9	2,12	2,66
	Итого по 15 регионам	39562	36314,1	89,04	88,88
	Российская Федерация	44430	40859,3	100	100

Регионы проранжированы по объему экспорта в 2012 году.
Рассчитано по: 2012 год[125]; 2013 год[126].

[125] Внешняя торговля Российской Федерации (по методологии платежного баланса) [Foreign trade of the Russian Federation (by balance of payments methodology)]./ Платежный баланс Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики [Balance of Payments of the Russian Federation. Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru (accessed 05.06.2015)

[126] Bilateral trade between Russian Federation and Commonweals of Independent States (CIS) // International Trade Centre: Trade map. Trade statistics for international business development. URL: http://www.trademap.org/

15 регионов суммарно экспортируют около 89 % металлов и изделий из них. Наибольшая доля приходится на Красноярский край, Свердловскую, Челябинскую, Липецкую и Вологодскую области.

Анализируя основных экспортеров металлов и изделий из них, мы должны понимать, что в группе риска могут оказаться как регионы-производители готовых изделий, так и регионы, добывающие руды цветных и черных металлов. В таблице 2.4.7 показаны регионы-лидеры по добыче полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических.

Таблица 2.4.7 – Регионы России-лидеры по добыче полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических, в 2013 году

№ п/п	Регионы	Добыча, всего млн. руб.	Доля регионов в общем объеме добычи, %
1.	Республика Саха (Якутия)	201515,2	19,14
2.	Белгородская область	96017	9,12
3.	Свердловская область	53433,9	5,08
4.	Магаданская область	52380,33	4,98
5.	Республика Карелия	50993,799	4,84
6.	Курская область	50093	4,76
7.	Иркутская область	48982,184	4,65
8.	Амурская область	47707,373	4,53
9.	Хабаровский край	35278,128	3,35
10.	Чукотский автономный округ	33842,263	3,21

	Итого по 10 регионам	670243,18	63,66
	Российская Федерация	1052798,8	100

Рассчитано по: Bilateral trade between Russian Federation and Commonweals of Independent States (CIS) // International Trade Centre: Trade map. Trade statistics for international business development. URL: http://www.trademap.org/

Мы видим, что на 10 регионов России приходится 63,66 % всего производства.

Помимо выше обозначенных товарных групп экспорта выделяют группу товаров «Машины, оборудование и транспортные средства» (табл. 2.4.8).

Таблица 2.4.8 – Регионы России - основные экспортеры товаров по группам 84-90 «Машины, оборудование и транспортные средства» в 2012 г. и в 2013 г.

№ п/п	Регионы	Экспорт, млн. долл. в 2012 г., млн. долл.		Доля регионов в общем объеме экспорта по группе, %	
		2012 г.	2013 г.	2012 г.	2013 г.
1.	г. Москва	7327	8219,5	27,61	29,00
2.	г. Санкт-Петербург	1969	2668,8	7,42	9,42
3.	Свердловская область	1932	1305,5	7,28	4,61
4.	Республика Татарстан	1609	1642,4	6,06	5,80
5.	Московская область	1429	2015,9	5,38	7,11
6.	Самарская область	1045	1323,4	3,94	4,67
7.	Нижегородская область	861	852,6	3,24	3,01
8.	Новосибирская область	860	732,8	3,24	2,59
9.	Калининградская область	789	492,4	2,97	1,74
10.	Республика Башкортостан	598	800,1	2,25	2,82
11.	Ярославская область	565	629,1	2,13	2,22
12.	Калужская область	550	474,1	2,07	1,67
13.	Ростовская область	448	622,5	1,69	2,20

14.	Республика Бурятия	388	496,8	1,46	1,75
15.	Челябинская область	384	480,9	1,45	1,70
	Итого по 15 регионам	20754	22756,8	78,20	80,30
	Российская Федерация	26539	28338,5	100	100

Регионы проранжированы по объему экспорта в 2012 году.
Рассчитано по: 2012 год[127]; 2013 год[128].

Следует отметить, что 15 регионов суммарно экспортируют более 78 % машин, оборудования и транспортных средств. Увеличивается доля городов г. Москвы и г. Санкт-Петербурга, Московской, Самарской, Ярославской, Ростовской, Челябинской областей, Республик Башкортостан и Бурятия.

Таким образом, мы видим, что ряд регионов являются основными экспортерами продукции сразу нескольких товарных групп. К их числу отнесем г. Москву, г. Санкт-Петербург, Свердловскую, Ленинградскую, Московскую, Вологодскую области, Республики Башкортостан и Татарстан, Кемеровскую область, Красноярский и Пермский края, Сахалинскую, Белгородскую и Иркутскую области. Перечисленные регионы в первую очередь ощутят на себе изменение внешнеэкономической траектории развития.

На основе данных по выделенным 6 товарным группам мы можем дать оценку изменениям товарной структуры экспорта России, принимая во внимание новые географические направления и сложившиеся на современном этапе геополитические интересы в мировой экономической системе. Рассмотрим, продажа каких товаров существенно сократилась в 2014 году (рис. 2.4.2).

---

[127] Внешняя торговля Российской Федерации (по методологии платежного баланса) [Foreign trade of the Russian Federation (by balance of payments methodology)]./ Платежный баланс Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики [Balance of Payments of the Russian Federation. Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru (accessed 05.06.2015)

[128] Bilateral trade between Russian Federation and Commonweals of Independent States (CIS) // International Trade Centre: Trade map. Trade statistics for international business development. URL: http://www.trademap.org/

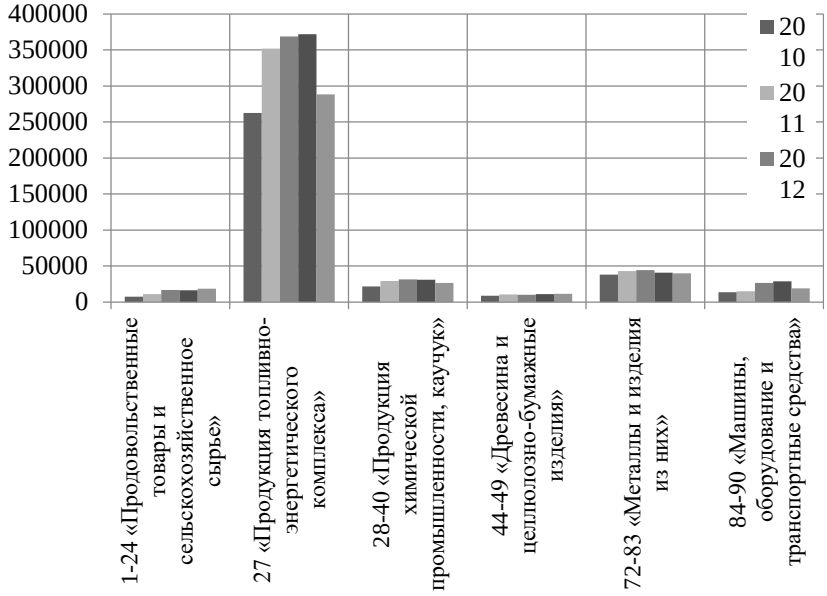


Рис 2.4.2. Динамика российского экспорта по товарным группам за 2010-2014 годы, тыс. долл.

Общий объем российского экспорта в 2014 году сократился на 6,66 %. Полностью прекратился экспорт таких товаров, как товарная позиция (т.п.) 88 «Самолеты, космические корабли и комплектующие» (доля в общем экспорте в 2013 году составила 1,05 %), т.п. 93 «Снаряды, боеприпасы и комплектующие» (доля в 2013 г. – 0,84 %). На 90,84% произошло сокращение экспорта т.п. 86 «Оборудование для железных дорог и трамвайных линий» (доля в 2012 г. – 0,28 %), на 68,18 % т.п. 89 «Корабли, лодки и другие морские суда» (доля в 2010 г. – 0,58%).

Проведем анализ по выделенным ранее шести товарным группам экспорта. По группе продовольственных и сельскохозяйственных товаров наблюдается рост объемов экспорта на 13.44 % (при незначительном снижении – на 2.14% в 2013 году). Основную статью экспорта в 2014 году составляли

т.п. 10 «Злаки» (доля в товарной группе экспорта – 37,88%, темп прироста по сравнению с 2013 годом – 46,72%), т.п. 3 «Рыба, ракообразные, моллюски» (доля – 15,36%, прирост – 0,3 %), т.п. 15 «Растительные и животные жиры и масла, продукты распада» (доля – 12,04 %, прирост – 1,43 %), т.п. 23 «Отходы пищевого производства, корм для животных» (доля – 6,54%, прирост – 15,6 %).

Мы должны отметить сокращение объемов экспорта по товарной группе 27 «Минеральное топливо, нефть, продукты перегонки» на 22,49%. В 2013 году доля данной группы в объеме российского экспорта достигала 70,56%, в 2014 году сократилась до 58,59 %. Снижение экспорта произошло, в первую очередь, по причине падения мировых цен.

Произошло значительное сокращение и по товарной группе «Продукция химической промышленности, каучук» - на 13,5%. Набольшая доля приходится на т.п. 31 «Удобрения» (доля в группе – 33,46 %, сокращение объема в 2014 году – на 2,32%), т.п. 28 «Неорганические химикаты, драгоценные металлы, изотопы» (доля – 19,07 %, сокращение – на 36,78 %), т.п. 29 «Натуральные химикаты» (доля – 16,67 %, сокращение – на 3,53 %), т.п. 40 «Каучук и изделия из него» (доля – 11,18 %, сокращение – на 21,44 %).

Снижаются объемы поставок продукции товарных групп 44-49 «Металлы и изделия из них»: уже в 2013 году – на 8,01%, в 2014 году – еще на 2,48 %. Основные изменения по товарным группам: т.п. 72 «Железо и сталь» (доля в группе в 2014 году - 50,72 %) – рост на 0,66%, т.п. 76 «Алюминий и изделия из него» (доля 15,81 %) – снижение на 11,6 %, т.п. 74 «Медь и изделия из нее» (12,24 %) – снижение на 1,84 %, т.п. 75 «Никель и изделия из него» (10,11 %) – рост на 6,66 %, т.п.73 «Изделия из железа и стали» (7,78 %) – снижение на 9,86 %.

Наиболее значительным и негативным для развития российской экономики стало снижение экспортных поставок по группам 84-90 «Машины, оборудование и транспортные средства» − на 34,2 %. Помимо упомянутых выше т.п. 88

«Самолеты, космические корабли и комплектующие» и т.п. 86 «Оборудование для железных дорог и трамвайных линий» произошло сокращение объемов поставок продукции т.п. 84 «Электрическое и электронное оборудование» (доля в группе в 2014 году – 24,95 %) на 4,66 %, т.п. 87 «Транспорт (кроме железнодорожных и трамвайных линий)» (доля – 16,27 %) – на 35,81 %, т.п. 90 «Оптические, технические, медицинские и фото аппараты» (доля – 7,3 %) – 10,36 %, т.п. 89 «Корабли, лодки и другие морские суда» (доля – 3,85 %) – на 68,18 %.

Определим регионы, принимающих на себя экспортные риски. Мы видим, что наибольшее сокращение произошло по группе «Машины, оборудование и транспортные средства», «Минеральное топливо, нефть, продукты перегонки», «Продукция химической промышленности, каучук», «Металлы и изделия из них». Фактически из зоны риска выпадают только регионы, производящие (и экспортирующие) продовольственные и сельскохозяйственные товары. Следовательно, к числу регионов, которые могут понести убытки из-за изменений во внешнеэкономических связях, мы должны отнести 48 субъектов Федерации, то есть более половины. Даже если регион специализируется в производстве только одной товарной группы сокращающегося экспорта, это может негативно отразиться на развитии его экономики в целом.

Особое внимание необходимо обратить на регионы, экспортирующие продукцию нескольких сокращающихся товарных групп. Это – г. Москва, Свердловская область, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Ленинградская, Вологодская, Кемеровская, Иркутская области, Красноярский край.

Предложить альтернативные направления для переориентации российского экспорта достаточно сложно. Оценим такие возможности на примере стран БРИКС. В таблице 2.4.9 представлены только те товарные группы российского экспорта, по которым произошло сокращение объемов поставки, и которые имеют какой-то вес в общем объеме экспорта.

Таблица 2.4.9 – Основные показатели экспорта России в страны БРИКС в 2014 году

№ тов. гр.	Товарная группа	Сокращение российского экспорта в 2014 году, долл.	Общий импорт стран БРИКС*, долл.	Доля России в импорте стран БРИКС, %	Экспорт России в страны БРИКС, долл.	Экспорт России всего, долл.	Доля стран БРИКС в экспорте России, %
'27	Минеральное топливо, нефть, продукты перегонки	- 83 674 394	561 906 261	5,01	28 153 403	288 361 702	9,76
'71	Жемчуг, драгоценные камни, металлы и монеты	- 2 721 929	103 289 193	1,13	1 168 151	11 579 099	10,09
'31	Удобрения	- 211 706	18 175 297	17,36	3 155 942	8 909 523	35,42
'76	Алюминий и изделия из него	- 826 456	14 129 906	0,93	131 461	6 298 128	2,09
'28	Неорганические химикаты, драгоценные металлы, изотопы	- 2 955 216	18 734 270	1,28	240 626	5 079 839	4,74
'74	Медь и изделия из нее	- 91 366	53 155 477	0,05	25 461	4 873 518	0,52
'85	Электрическое и электронное оборудование	- 231 808	493 703 026	0,11	560 632	4 745 499	11,81
'29	Натуральные химикаты	- 162 290	91 044 887	0,50	457 567	4 438 176	10,31
'26	Руда, шлак, зола	- 372 273	144 946 447	0,72	1 045 376	3 243 414	32,23
'73	Изделия из железа и стали	- 339 027	21 217 955	0,82	174 331	3 100 546	5,62
'87	Транспорт (кроме железнодорожных и трамвайных линий)	- 1 726 789	121 967 137	0,01	15 766	3 094 764	0,51
'40	Каучук и изделия из него	- 812 076	26 167 929	0,93	242 690	2 976 313	8,15
'90	Оптические, технические, медицинские и фото аппараты	- 160 673	121 871 800	0,34	413 368	1 389 569	29,75
'25	Соль, сера, грунт, камни, известь и цемент	- 45 203	10 141 977	2,51	254 301	1 383 389	18,38
'81	Изделия из металла, металлокерамика	- 2 354	2 127 265	2,80	59 594	797 702	7,47

'86	Оборудование для железных дорог и трамвайных линий	- 756 653	3 211 031	0,07	2 288	76 289	3,00

* За вычетом российского импорта

Рассчитано по: Растворцева С.Н., Усманов Д.И. Оценка влияния факторов глобализации на социально-экономическое неравенство регионов России: Монография. Белгород: КОНСТАНТА, 2015 – 260 с.

Результаты анализа показывают, что на страны БРИКС приходится только 9,76 % российского экспорта минерального топлива, нефти и продуктов перегонки, при этом в импорте стран БРИКС этот объем составляет только 5,01 %. Аналогичная ситуация наблюдается и по остальным товарным группам. Около трети российского экспорта удобрений и руды, шлака, золы поступают в страны БРИКС, при этом их доля в общем объеме импорта удобрений странами БРИКС составляет 17,36 %, а руды, шлака и золы – 0,72 %.

Проведя такой анализ, мы можем сделать некоторые выводы. Во-первых, у российских экспортеров есть альтернативные европейским рынки сбыта продукции. Сокращение экспортных поставок может быть частично компенсировано при выходе на емкие рынки стран БРИКС. Во-вторых, переориентация экспорта в сторону новых партнеров потребует повышения конкурентоспособности продукции (заметим, что поставки в Бразилию или Южную Африку достаточно дорогостоящи). Повышения конкурентоспособности продукции требуется не только по причине транспортных расходов, но и из-за возможных отличающихся стандартов качества. В-третьих, по каждой товарной группе осуществляются, пусть и мизерные, поставки. Из этого следует, что российские производители могут предложить продукцию такого качества, которая заинтересовала бы зарубежных партнеров.

Таким образом, мы видим, что необходимость поиска новых экспортных рынков сбыта становится вызовом для российских производителей. Объемы экспортных поставок смогут сохранить лишь самые гибкие и эффективные

предприятия. Более того, при успешной работе они смогут даже увеличить свой экспорт. Регионы в сложившейся ситуации вынуждены будут искать другие средства для поддержания уровня социально-экономического развития. Замедление темпов экономического роста в экспортоориентированных регионах должно способствовать снижению межрегиональной дифференциации.

Трансформация внешнеэкономической деятельности России открывает новые перспективы, но и ставит нас перед рядом вопросов: как долго и насколько успешно будет происходить процесс смены торговых партнеров, какие технические, юридические, организационные сложности могут возникнуть на данном этапе, какова величина этих издержек, смогут ли регионы компенсировать экономические потери, и не скажется ли это негативно на социальном развитии?

Результаты исследования показали сокращение объемов российского экспорта на 6,66 % в 2014 году, в частности по товарным группам «Минеральное топливо, нефть, продукты перегонки» – на 22,49 %. «Продукция химической промышленности, каучук» – на 13,5 %, «Металлы и изделия из них» – на 2,48 % (и на 8,01 % в 2013 году), «Машины, оборудование и транспортные средства» – на 34,2 %. Мы можем констатировать, что снижение объемов экспорта России не просто является негативной тенденцией на национальном уровне, но и наносит существенный урон экономике отдельных регионов. Регионами, являющимися основными экспортерами продукции, по которой произошло значительное сокращение поставок (сразу по нескольким товарным группам), являются г. Москва, Свердловская область, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Ленинградская, Вологодская, Кемеровская, Иркутская области, Красноярский край.

На примере торговых отношений стран БРИКС с Россией и другими партнерами определены перспективные направления переориентации экспортных потоков по товарным группам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование проблем конкурентоспособности на макро- и мезоуровне позволило нам сделать следующие выводы:

1. Теория национальной конкурентоспособности к настоящему моменту фактически сформировалась. Ее ядром выступает концепция М. Портера, а вся история эволюции этой теории довольно условно делится на два больших периода: от А. Смита до М. Портера (классический этап) и постпортеровская эпоха. Концепция М. Портера не случайно выступает точкой бифуркации, с нее начинается революция в теории национальной конкурентоспособности, результатом которой стал переход от «чистой теории» к практике и policy making. М. Портер предложил новую концепцию конкурентоспособности стран в мировой экономике, основанную на производительности, повышение которой гарантирует осуществление главной цели каждого государства – достижение высокого и постоянно растущего уровня жизни своих граждан.
2. Представители менеджериальной школы (Ругман, Мун, Чо, Вербеке), критиковавшие теорию национальной конкурентоспособности М. Портера за ее излишнюю увлеченность локальными, внутренними факторами развития, существенно расширили объяснительные возможности оригинальной модели за счет: признания того, что государство важнейший и неотъемлемый участник отношений конкурентоспособности; переноса акцента с локальных факторов конкурентоспособности на глобальные; расширения круга факторов, определяющих национальную конкурентоспособность; понимания важности ПЗИ для роста конкурентоспособности стран. Представители «чистой экономической науки» подвергли теорию национальной конкурентоспособности жесточайшей критике: за моделью М. Портера не стоит никакая фундаментальная теория, она не обладает никакими предсказательными возможностями и

ведет к неправильной интерпретации классической и новой теории торговли.

3. С помощью корреляционного анализа в монографии была предпринята попытка верифицировать базовое положение теории национальной конкурентоспособности М. Портера о наличии (статистически значимой) взаимосвязи между конкурентоспособностью национальной экономики, темпами роста экономики и динамикой производительности труда на примере стран БРИКС в долгосрочном временном интервале.

   Результаты анализа позволили выделить 3 группы стран, в зависимости от наличия/отсутствия статистически значимой связи между исследуемыми показателями:

   - Россия, Индия, ЮАР: в этих странах, как показывает корреляционный анализ, отсутствует статистически значимая связь между исследуемыми показателями;
   - Китай: корреляционный анализ показал, что существует заметная связь между темпами роста экономики Китая и производительностью труда, но она не значима при выбранном в исследовании уровне значимости (5%);
   - Бразилия: корреляционный анализ указывает на наличие существенной корреляционной связи между темпами роста ВВП и конкурентоспособностью национальной экономики.

   В целом можно говорить о том, что между исследуемыми показателями не наблюдается статистически значимой взаимосвязи. С одной стороны, это может объясняться недостаточностью выборки для проведения корреляционного анализа, а с другой – указывает на острую необходимость переосмысления самой категории «национальная конкурентоспособность», и дальнейшую верификацию теории национальной конкурентоспособности М. Портера.

4. Российская экономика за последние девять лет улучшила свои позиции в рейтинге ВЭФ, поднявшись с 51 на 43 место. Производительность труда в России за последние девять лет практически не изменилась, рост этого показателя в 2012-14 гг. был нивелирован резким снижением, наблюдавшимся

последние два года. Это непосредственно связано с отрицательными темпами экономического роста российской экономики, зафиксированными в этот же интервал времени. Учитывая характер конкурентных преимуществ и недостатков российской экономики, можно прогнозировать существенное снижение рейтинга национальной конкурентоспособности в докладе ВЭФ в ближайшие годы (на 10-15 позиций вниз, рейтинг меняется инерционно). Так, антироссийские санкции наряду с экзогенными шоками и структурными диспропорциями российской экономики, привели к тому, что уже в первый год после событий на Украине можно наблюдать: снижение объемов реального ВВП, дефицит консолидированного бюджета, увеличение размера государственного долга, резкое сокращение потребительского спроса (емкости рынка), секвестирование расходов на поддержку высшего образования, девальвацию национальной валюты и т.д.

5. Парадоксальный вывод о существовании статистически значимой обратной взаимосвязи (математически прямой) между рейтингом конкурентоспособности российской экономики (в докладе ВЭФ) и динамикой внешнеторгового оборота ТС РБК (внешней торговлей союза) может, в определенной степени, объясняться следующими факторами:

   - динамика внешнеторгового оборота ТС РБК испытывает серьезное воздействие со стороны экзогенных факторов: эффекта обесценения национальных валют, понижательной ценовой конъюнктуры мировых сырьевых рынков, рецессией в крупнейшей экономике союза – России и ряда других «ненаблюдаемых факторов»;
   - методология расчета рейтинга конкурентоспособности ВЭФ непосредственно не учитывает уровень интеграционной активности стран, их вовлеченность в глобализационные процессы;
   - может существовать определенный лаг между изменением показателей внешнеторгового товарооборота стран союза и

их влиянием на уровень конкурентоспособности национальной экономики;

- интеграционные эффекты от создания ТС РБК не оказали никакого существенного влияния на экономику России (в силу ее масштаба), уровень ее конкурентоспособности определяется совершенно иными факторами и процессами.

6. Развитие теории размещения в настоящее время приобретает особую актуальность для российской экономики. Для анализа тенденций размещения экономической активности в российских регионах нами были использованы показатели локализации, концентрации и специализации Херфиндаля-Хиршмана и Кругмана, индекс Джини, CR3, CR4, CR5. В ходе исследования была выявлена высокая концентрация инвестиций и промышленного производства в российских регионах, отмечена тенденция повышения численности трудовых ресурсов, что лишь обостряет проблему межрегионального неравенства. В обрабатывающей промышленности произошло сокращение занятых за 2002-2014 гг. почти на треть. Склонность к концентрации была определена в целлюлозно-бумажном производстве, издательской и полиграфической деятельности, металлургии, производстве транспортных средств и оборудования. В результате анализа к регионам с высоким уровнем специализации были отнесены: Камчатский край, Чукотский автономный округ, Сахалинская, Магаданская, Ивановская и Липецкая области.
7. Необходимость проведения углубленного анализа влияния факторов на развитие агломерационных процессов на региональном уровне не вызывает сомнения, однако для российских регионов такие исследования ранее не проводились. В нашем исследовании представлены эмпирические доказательства того, что принципы размещения экономической активности внутри страны отличаются в зависимости от расположения региона по отношению к внешней границе. Так, в регионах, граничащих с бывшими советскими территориями, как и во внутренних областях страны, важным конкурентным преимуществом

является низкая заработная плата и достаточно эффективные иностранные инвестиции, повышающие концентрацию экономической активности в регионе. В отличие от стран Центральной и Восточной Европы фактор расстояния до ближайшего крупного города не играет существенной роли ни в одной группе проанализированных российских регионов. Логичным, на наш взгляд, является доказательство того, что плотность автодорог с твердым покрытием является более существенным фактором для повышения концентрации экономической активности в регионах с сухопутной границей, как с ближним, так и с дальним зарубежьем. Как показали результаты анализа, для всех российских регионов без исключения, развитие сферы услуг является положительным фактором, стимулирующим агломерационные процессы.

8. Важнейший фактор экономического роста любого региона – начальные условия развития. Новые реалии международных отношений ужесточают условия социально-экономического развития российских регионов, ставят под вопрос перспективы экономического роста. Следовательно, важно понимать, насколько сильно на динамику показателей может повлиять положение региона «на старте» – на начало периода исследования. Проведенный в монографии анализ позволил нам не только выявить основные тенденции развития в данной области, но и очертить ту группу регионов, которые целесообразно рассмотреть более детально для определения ключевых факторов экономического роста.
9. У российских экспортеров есть альтернативные европейским рынки сбыта продукции (сокращение экспортных поставок может быть частично компенсировано при выходе на емкие рынки стран БРИКС); переориентация экспорта в сторону новых партнеров потребует повышения конкурентоспособности российской продукции (не только из-за высоких транспортных расходов, но и из-за различий в стандартах качества); по каждой товарной группе осуществляются, пусть и мизерные, поставки (что указывает

на наличие экспортного потенциала). Можно констатировать – снижение объемов российского экспорта является не только негативной тенденцией на национальном уровне, но и наносит существенный урон экономике отдельных регионов. Регионами, являющимися основными экспортерами продукции, по которой произошло значительное сокращение поставок (сразу по нескольким товарным группам), являются г. Москва, Свердловская область, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Ленинградская, Вологодская, Кемеровская, Иркутская области, Красноярский край. Эти регионы в сложившейся ситуации вынуждены будут искать другие средства для поддержания уровня социально-экономического развития. Впрочем, замедление темпов экономического роста в экспортоориентированных регионах должно способствовать снижению межрегиональной дифференциации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаев, Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
2. Анимица, Е.Г., Анимица, П.Е., Денисова, О.Ю. Эволюция научных взглядов на теорию размещения производительных сил // Экономика региона. - 2014. - № 2. – С. 21-32
3. Баширов, Э.К. Оценка влияния инноваций на конкурентоспособность национальной экономики в мировом хозяйстве // Известия СПбУЭФ. – 2010. - №1.
4. Белов, А.И. Показатели и факторы конкурентоспособности национальной экономики // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. - 2011. - №24.
5. Белова, Л.Г. Эволюция подходов к оценке конкурентных преимуществ различных стран // Аудит и финансовый анализ. – 2012. - №5.
6. Волгина, Н.А. Международная экономика: учебное пособие. М.: Эксмо, 2006. – 736 с.
7. Вольчик, В.В. Зависимость от траектории предшествующего развития и эволюция института собственности в России // 20 лет исследования QWERTY-эффектов и зависимости от предшествующего развития. Интернет-конференция с 15.04.05 по 5.06.05. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/text/16213414/
8. Воронов, А. Кластеры – новая форма самоорганизации промышленности в условиях конкуренции // Маркетинг. - 2002. - №5.
9. Емельянов, С. Международная конкурентоспособность производителей США: методика анализа // Мировая экономика и международные отношения. - 2002. - №3.
10. Жданов, В.Ю., Афанасьева, О.А. Модель Жданова: диагностики риска банкротства предприятий авиационно-

промышленного комплекса // Корпоративные финансы. - 2011. - №4.
11. Карташов, К.А. Проблемы конкурентоспособности национальных экономик в 21 веке // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – №6.
12. Коломак, Е.А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. - 2013. - № 2.
13. Конкурентоспособность России в глобальной экономике. М.: Международные отношения, 2003. - 376 с.
14. Конкурентоспособность российской экономики: мезо- и макроуровень проблематики. Монография / С.В. Шкиотов, С.Н. Растворцева, А.С. Ченцова. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2015. – 245 с.
15. Король, И.В. Сравнительный анализ методологических подходов к оценке конкурентоспособности национальной экономики // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. - 2012. - №4 (11).
16. Кругман, П., Обстфельд, М. Международная экономика. Теория и практика. М., 2003. – 830 с.
17. Мировая экономика: учеб. / Л.С. Падалкина, В.В. Клочков, С.В. Тарасова [и др.]; под ред. И.П. Николаевой. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. - 240 с.
18. Нагимова, А.М. Экономические условия жизнедеятельности как определяющий компонент качества жизни населения региона: социологический анализ // Экономический вестник Республики Татарстан. - 2007. - №4.
19. Нуреев, Р., Латов, Ю. Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты / Истоки: из опыта изучения экономики как структуры процесса. М, 2007. – 534 с.
20. Портер, М. Конкуренция. М.: Вильямс, 2002. – 496 с.
21. Растворцева, С.Н. Управление развитием процессов концентрации экономической активности в регионе: подходы новой экономической географии: монография. М.: Экон-информ, 2013. -131 с.

22. Растворцева, С.Н., Куга, Я.Т. Региональная специализация и географическая концентрация промышленности в России // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. № 13 (132) 2012 Выпуск 23/1. С. 37-46
23. Растворцева, С.Н., Усманов, Д.И. Оценка влияния факторов глобализации на социально-экономическое неравенство регионов России: Монография. Белгород: КОНСТАНТА, 2015 – 260 с.
24. Рыжова, Н.П. Пространственные эффекты международной экономической интеграции (случай российских регионов) // Пространственная экономика. - 2012. - №4.
25. Сабден, О., Додонов, В. Национальная конкурентоспособность Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. - №6 (54).
26. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. – 572 с.
27. Уткин, А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2002. - 254 с.
28. Фатхутдинов, Р. Конкурентоспособность организации в условиях кризиса. М., 2002. – 892 с.
29. Фролов, Д.П. Многоуровневая иерархия экономического пространства: формирование эволюционной таксономии // Пространственная экономика. - 2013. -№4.
30. Ширяев, И.М. Зависимость от предшествующего пути развития и создание пути развития как важнейшие концепции в эволюционной экономике // Journal of Economic Regulation. - 2013. - Т.4. - №3.
31. Шкиотов, С.В. Верификация модели национальной конкурентоспособности М. Портера на примере стран БРИКС // Экономический анализ: теория и практика. – 2014. - №2 (353)
32. Шкиотов, С.В. Взаимосвязь динамики показателей национальной конкурентоспособности и экономического роста // Теоретическая экономика. 2013. №3. [Электрон.

ресурс] – Режим доступа: http://www.theoreticaleconomy.info/articles/768.pdf
33. Шкиотов, С.В. Мировая экономика и международные отношения (часть 1): Учебное пособие. – Ярославль: Издательский дом ЯГТУ, 2014. – 204 с.
34. Шкиотов, С.В., Маркин, М.И. Оценка влияния функционирования таможенного союза на конкурентоспособность российской экономики // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». – 2016. - №1.
35. Шкодинский, С.В. Анализ текущих и прогнозных оценок от участия Российской Федерации в Таможенном союзе // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. – 2014. - №4.

Нормативные и статистические источники:

36. Внешняя и взаимная торговля товарами Евразийского экономического союза. [Электрон. данные]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/time_series/Pages/default.aspx
37. Внешняя торговля Российской Федерации (по методологии платежного баланса). Платежный баланс Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru
38. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. - М., 2011. - 990 с.
39. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Стат. сб. / Росстат. - М., 2012. - 990 с.
40. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. - М., 2013. - 990 с.
41. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. / Росстат. - М., 2014. - 900 с.

42. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. - М., 2015. - 1266 с.
43. Bilateral trade between Russian Federation and Brazil, Russia, India, China and South Africa (BRICS) // Trade Centre: Trade map. Trade statistics for international business development. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www.trademap.org/rism, 3, 25-32
44. The Global Competitiveness Report 2011–2012. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2011-2012
45. The Global Competitiveness Report 2012–2013. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2012-2013
46. The Global Competitiveness Report 2013–2014. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2013-2014
47. The Global Competitiveness Report 2014–2015. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2014-2015
48. The Global Competitiveness Report 2015–2016. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2015-2016
49. The Global Competitiveness Report 2016–2017. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf
50. Total Economy Database. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: https://www.conference-board.org/data/economydatabase/index.cfm?id=27762

51. Trade Integration, Industry Concentration and FDI Inflows: The Experience in Central and South Eastern Europe. CEFTA Issues Paper 3. Secretariat. Nov 2010
52. World Development Indicators. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=RUS&id=556d8fa6&report_name=Popular_countries&populartype=country&ispopular=y

Источники на иностранных языках:

53. Anderson, J.E., van Wincoop, E., 2004.Trade Costs. Journal of Economic Literature, Vol. 42, No. 3. (Sep., 2004), pp. 691-751.
54. Arthur, W.B. (1994b) Path Dependence, Self-Reinforcement and Human Learning, in Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Michigan: Michigan University Press, 133–158
55. Avery, G., Cameron, F., 1998. The enlargement of the European Union. Sheffield Academic Press, Sheffield.
56. Baldwin, R., Francois, J., Portes, R., 1997. EU enlargement – small costs for the west, big gains for the east. Econ. Policy 24, 125-176
57. Brülhart, M., Crozet, M., Koenig-Soubeyran P, 2004, Enlargement and the EU periphery: The impact of changing market potential, The World Economy 27(6) 853–875
58. Cho, Dong-Sung, Moon, Hwy-Chang. From Adam Smith to Michael Porter. Evolution of competitiveness theory. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://ebooks.worldscinet.com/ISBN/9789812385222/toc.shtml
59. Combes, P.-P., Mayer, T., Thiss, J.-F. Economic Geography, 2008, p. 346
60. David, P.A. (1997) Path dependence and the quest for historical economics: one more chorus of the ballad of QWERTY. Discussion Papers in Economic and Social History. University of Oxford.

61. David, P.A. (2005) Path dependence in economic processes: implications for policy analysis in dynamical systems contexts. In K. Dopfer (ed.) The Evolutionary Foundations of Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 151–194.
62. Dong-Sung, Cho, Hwy-Chang, Moon. National Competitiveness: Implications for Different Groups and Strategies // International Journal of Global Business and Competitiveness. 2005. Vol. 1. No. 1.
63. Forslid, R., Wooton, I. Comparative Advantage and the Location of Production. 2003, Review of International Economics. Volume 11, Issue 4, pp. 588–603, September.
64. Fujita, M., Krugman, P.R., & Venables, A. (1999). The spatial economy: Cities, regions and international trade. Cambridge, MA: MIT Press.
65. Garrouste, P., Ioannides, S. (eds) (2001) Evolution and Path Dependence in Economic Ideas. Cheltenham: Edward Elgar
66. Gelan, A. Trade policy and city primacy in developing countries // Review of Urban & Regional Development Studies Volume 20, Issue 3, pages 194–211, November 2008
67. Grossman, G., Helpman, E. Innovation and Growth in the Global Economy. Cambridge, MA, MIT Press, 1991
68. Haaland, J., Kind, H., Midelfart-Knarvik, K., Torstensson, J., 1999. What determines the economic geography of Europe? CEPR Discussion Paper Nº 2072
69. Hallet, M., 2000. Regional specialisation and concentration in the EU. EC Economic Papers 141, Brussels.
70. Hansen, N., 1977. Border regions: a critique of spatial theory and a European case study. Ann. Region. Sci. 11, 1–12.
71. Hansson, A.M., Olofsdotter, K. FDI, taxes and agglomeration economies in the EU15// Applied Economics, 2013, 45, pp. 2653-2664
72. Harris, C.D. The Market as a Factor in the Localization of Industry in the United States. Annals of the Association of American Geographers, 1954. p. 315-348.

73. Hoekman, B., Djankov, S., 1996. Intra-industry trade, foreign direct investment, and the reorientation of Eastern European exports. World Bank working paper 1652, Washington, DC
74. How Much Do Tariffs Matter? Evidence from the Customs Union of Belarus, Kazakhstan and Russia. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.ebrd.com/downloads/research/economics/workingpapers/wp0154.pdf
75. Islyami, A. The impact of Russia, Kazakhstan and Belarus Customs Union: Gravity approach. Preliminary version. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://hompi.sogang.ac.kr/sgrime/apts2014/Paper2014/Islyami,%20Aidan.pdf
76. Jagdish, B. Regionalism versus Multilateralism. World Economy, 1992, Vol. 15(5), pp. 535-55
77. Jeffrey, F., Stein, E., and Wei, Sh. Trading Blocs and the Americas: The Natural, the Unnatural, and the Super-natural. Journal of Development Economics, 1995, Vol. 47, pp. 61-95
78. Joilnk, A., Vromen, J. J. (2001) Path dependence in scientific evolution. In P. Garrouste and S. Ioannides (eds) Evolution and Path Dependence in Economic Ideas. Cheltenham: Edward Elgar, 205–224.
79. Kaminski, B., 2001. How accession to the European Union has affected external trade and foreign direct investment in Central European Economies. World Bank working paper 2578, Washington, DC.
80. Krugman, P. Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy. 1991. pp. 483–99
81. Krugman, P. Scale economies, product differentiation, and the pattern of trade. Am. Econ. Rev. 1980. 70, 950–959.
82. Krugman, P., Venables, A., 1990. Integration and the competitiveness of peripheral industry. In: Bliss, C., Braga de Macedo, J. (Eds.), Unity with Diversity in the European Community. Cambridge University Press, Cambridge, pp. 56–77.
83. Lösch, A., 1954. The Economics of Location. Yale University Press, New Haven. Open Library, University of Florida

Duplicates. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://archive.org/details/economicsoflocat00ls (дата обращения 28.07.2013)
84. Lúcio, Vinhas de Souza. An Initial Estimation of the Economic Effects of the Creation of the EurAsEC Customs Union on Its Members. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://siteresources.worldbank.org/INTPREMNET/Resources/EP47.pdf
85. Melitz, M.J., and Ottaviano, G.I. Market size, trade, and productivity. Review of Economic Studies. 2008. 75, no. 1: 295-316.
86. Midelfart-Knavik, K., Overman, H., Redding, S., Venables, A. The Location of European Industry. Economic Papers.2000. 142. European Commission.
87. Naudé, W., Matthee, M. The Location of Manufacturing Exporters in Africa: Empirical Evidence. African Development Review. Volume 22, Issue 2, pages 276–291, June 2010
88. Ottaviano, G., & Thisse, J. (2003). Agglomeration and economic geography. London: Centre for Economic Policy Research.
89. Plekhanov, A., Isakova, F. Customs Union and Kazakhstan's Imports / CASE Network Studies & Analyses No.442. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.case-research.eu/sites/default/files/publications/CNSA_2012_442.pdf
90. Poelhekke S., F. van der Ploeg. Growth, foreign direct investment and urban concentration: unbundling spatial lag // Are Cities More Important than Countries? Conference in celebration of the 50th anniversary of the Institute of Housing and Urban Development Studies, Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands, 30-31 October 2008
91. Porter, M.E. Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. – Free Press; 1 edition (Jun 1 1998). – 592 p.

92. Porter, M.E. Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. – Free Press; 1 edition (Jun 1 1998). – 392 p.
93. Porter, M.E. The Competitive Advantage of Nations. – Free Press; 1 edition (Jun 1 1998). – 896 p.
94. Rastvortseva, S. (2014, September 1-9). Analyses of regional specialization and geographical concentration of industry in Russia. SGEM2014 Conference on political sciences, law, finance, economics and tou Niebuhr A, Stiller S, 2002, Integration effects in border regions – A survey of economic theory and empirical studies, HWWA Discussion Paper no. 179
95. Rastvortseva, S.N., & Cherepovskaya, N.A. (2013). Identification and assessment of regional clusters. EoR Economy of Region, 123-133. doi:10.17059/2013-4-12
96. Resmini, L. Economic integration, industry location and frontier economies in transition countries // Economic Systems 27. (2003) pp. 205-221
97. Resmini, L. The determinants of foreign direct investment in the CEECs: new evidence from sectoral patterns. Econ. Trans. 2000. 8, 665–689.
98. Resmini, L. The implication of European integration and adjustment for border regions in EU accession countries. In: Traistaru, I., Nijkamp, P., Resmini, L. (Eds.). The Emerging Economic Geography in EU Accession Countries. Ashgate, 2003. pp. 334–360.
99. Sala-i-Martin X., Barro R.J. Technological Diffusion, Convergence, and Growth. Journal of Economic Growth, 1997, Vol. 2(1), pp. 1 – 26
100. Trade Impact of Non-Tariff Trade Costs. An Assessment of the Eurasian Customs Union. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://apps.eui.eu/Personal/Researchers/Mkrtchyan/Trade_NonTariffCosts_Customs_Union.pdf
101. Traistaru, I., Nijkamp, P., Resmini, L. The Emerging Economic Geography in EU Accession Countries. Ashgate, Aldershot, Hampshire. 2003.

102. Venables, A., 1998. The assessment: trade and location. Oxford Rev. Econ. Policy 14, 1–6.
103. Venables, A.J. Winners and losers from regional integration agreements. Economic Journal, 2003, vol. 113(490), pp. 747-61
104. Viner, J. The Customs Union Issue. New York, Carnegie Endowment for International Peace, 1950.
105. Volpe, M.C., 2002. Do Mercosur and fiscal competition help to explain recent locational patterns in Brazil? Paper presented at the 7 th Annual Meeting of LACEA, Madrid.
106. Wandel, C. Industry Agglomerations and Regional Development in Hungary: Economic Process during European Integration. Peter Lang. Hamburg, Univ.Diss., 2009.